

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

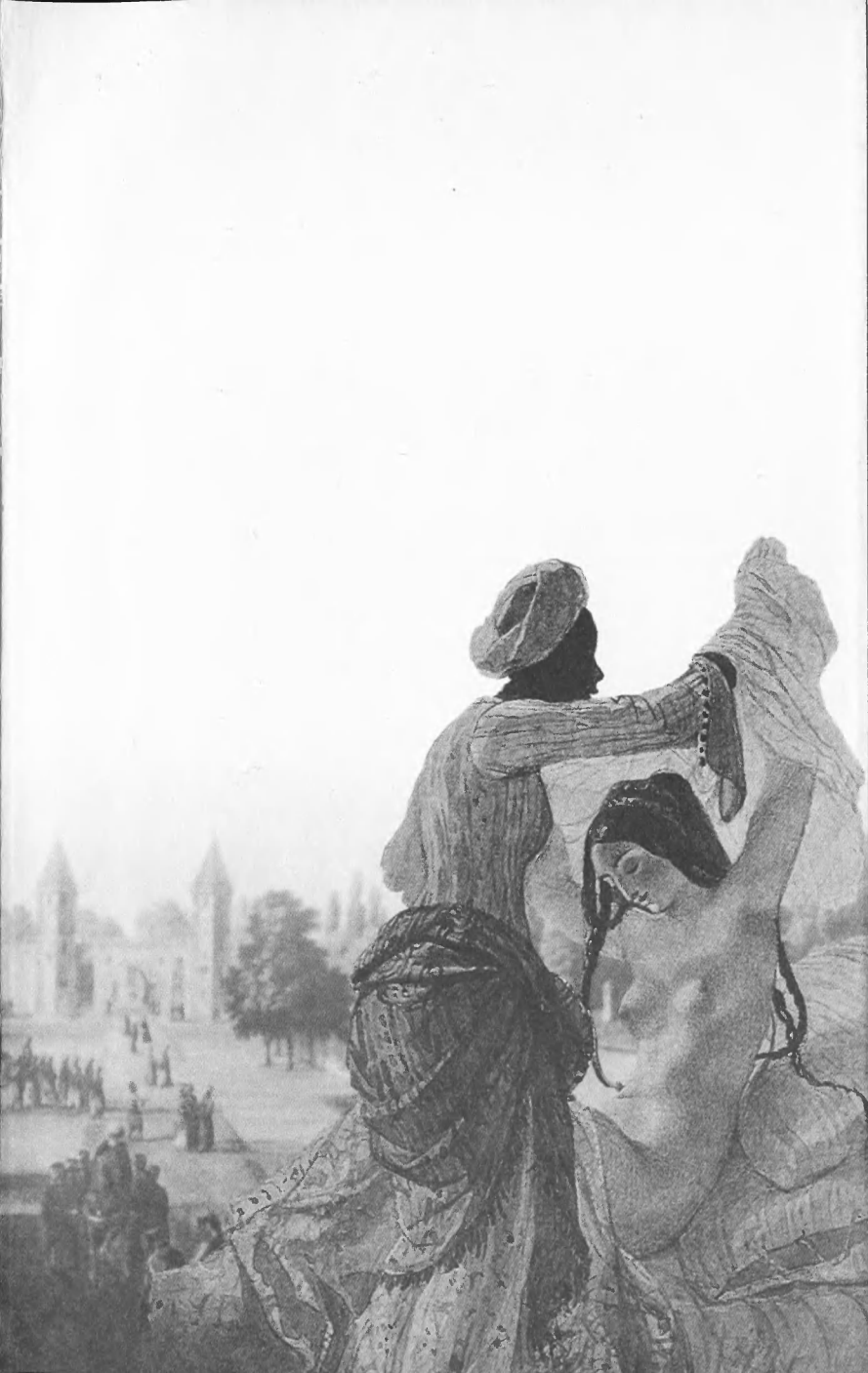
Шапи Казиев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ВОСТОЧНОГО ГАРЕМА

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Шапи Казиев

МОСКВА

ЖИЗНЬ ВОСТОЧНОГО ГАРЕМА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · 2006

УДК 908(5)
ББК 63.52
К 14

Sean By Vitautus

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

ISBN 5-235-02853-8

© Казиев Ш. М., 2006
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2006

Гарем... На свете не так много слов, которые могли бы соперничать с этим, таким притягательным и таинственным. Каждый найдет в нем свои потаенные желания, угасающее родство с первородными инстинктами или ностальгию о тех временах, когда красота имела достойную цену и утонченных ценителей.

«Гарем» (харам) — слово арабское, обозначает оно все, что запрещено, а также сокрыто и защищено, тайно и недоступно для посторонних. Когда имеется в виду восточный дом прошлых веков, то харам — это та его часть, где жили женщины — матери, жены, малолетние дети, наложницы, рабыни, а также и евнухи.

Европейский синоним гарема французское слово «сераль», происходящее от схожих по звучанию персидского и турецкого слов (*serui, saray*), обозначающих большой дом или дворец. В представлении европейцев сераль — это внутренние покои восточных владык и их семей.

Сегодня многие полагают, что гарем — это что-то вроде публичного дома на азиатский манер, между тем различие здесь примерно такое же, как между метро для всех и роскошным лимузином для избранных.

В том или ином виде гаремы существовали везде, во все времена и задолго до ислама как явление, не противоречащее природе.

ОТ ЦАРЯ СОЛОМОНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Древний мир

Прославившийся своей мудростью царь Соломон (араб. Сулейман) вступил на престол шестнадцатилетним юношей, но сумел превратить свое сорокалетнее царствование в эпоху мира и процветания. Иерусалим стал так богат, что золото и серебро ценились там не дороже обычных камней.

Легенды о великих деяниях Соломона живы до сих пор. Как и предания о его великолепном гареме: «И было у него 700 жен и 300 наложниц». Соседние правители мечтали породниться с Соломоном и отдавали ему в жены своих дочерей. Царица Савская (Билкис) сама прибыла к Соломону, прослышав о его мудрости и богатстве, и даже приняла единобожие, отказавшись от поклонения языческим идолам.

Возможно, многие из этих браков были вызваны политическими интересами, но вряд ли в те времена нашлось бы столько государств или значительных племен, чтобы наполнить хотя бы четверть гарема Соломона, не говоря уже о наложницах. И этот гарем был не единственным в те времена: например, у отца Соломона — Давида было сто жен.

Соломон изведал вкус абсолютного могущества и сокрытые от остальных таинства. А славу свою увенчал прозрением: «Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека».

Новые поколения властителей вознесли гаремы на вершины власти, сделав их вожделенным и недоступным для простых смертных символом успеха и могущества. Ибо даже самые ярые противники полигамии, как только им удавалось сколотить капитал, уже не прочь были порассуждать о том, что не такие уж варвары были эти султаны, когда окружали себя самыми прелестными созданиями всех рас и народов. И разве не лучше наслаждаться прекрасным садом, чем топтаться на скучном аккуратном газоне?

Правители древних царств украшали свои дворцы созвездиями ослепительных красавиц, олицетворявших покоренные земли и народы. Но кем бы ни были эти женщины, судьба их была незавидной — милость повелителя могла зайти так далеко, что прелестниц удаивали чести сделаться жертвами языческим богам или отправиться в иной мир вслед за умершим правителем.

Гай Светоний Транквилл оставил нам хронику «Жизнь двенадцати цезарей», из которой можно почерпнуть любопытные сведения не только о деяниях императоров на политическом поприще, но и о царивших во дворцах нравах. О Тиберии Светоний пишет:

«...Наконец, он установил новую должность распорядителя наслаждений и назначил на нее римского всадника Тита Цезония Приска.

Но на Капри, оказавшись в уединении, он дошел до того, что завел особые постельные комнаты, гнезда потаенного разврата. ...Спальни, расположенные тут и там, он украсил картинами и статуями самого непристойного свойства и разложил в них книги Элефанкиды, чтобы всякий в своих трудах имел под рукою предписанный образец. Даже в лесах и рощах он повсюду устроил Венерины местечки, где в гротах и между скал молодые люди обоюбого пола предо всеми изображали фавнов и нимф. ...Но он пылал еще более гнусным и постыдным пороком: об этом грешно даже слушать и говорить, но еще труднее этому поверить...»

Разумеется, весомую лепту в историю страстей внес и Калигула: «...Носильщики платили восьмую

часть дневного заработка; проститутки — цену одного сношения; и к этой статье закона было прибавлено, что такому налогу подлежат и все, кто ранее занимался блудом или сводничеством, даже если они с тех пор вступили в законный брак. ...А чтобы не упустить никакой наживы, он устроил на Палатине лупанар: в бесчисленных комнатах, отведенных и обставленных с блеском, достойным дворца, предлагали себя замужние женщины и свободнорожденные юноши, а по рынкам и базиликам были посланы глашатаи, чтобы стар и млад шел искать наслаждений; посетителям предоставлялись деньги под проценты, и специальные слуги записывали для общего сведения имена тех, кто умножает доходы Цезаря».

О популярности гаремов в Древнем Риме свидетельствует и сочиненная Теренцием комедия «Евнух», которая представлялась даже на Мегалесийских играх.

Позднее любвеобильные цезари заводили себе множество жен и почти официальные гаремы, а уж услуги простолюдинок можно даже не принимать в расчет. Любовницы и фаворитки при дворах европейских монархов стали обычным делом.

Некоторые гаремы насчитывали тысячи наложниц. В «Книге рекордов Гиннеса» зафиксирован «официальный» рекорд: «Самым вместительным гаремом в мире был Зимний гарем Большого сераля Топкапы, Стамбул, Турция, построенный в 1589 г. и имевший 400 помещений. Ко времени смещения Абдула Хамида II в 1909 г. количество его обитательниц сократилось с 1200 до 370 наложниц и 127 евнухов».

Гаремы жили своей тайной жизнью, вырабатывая свой особый этикет, развивая традиции, совершенствуя структуру и иерархию и впитывая опыт всего света, особенно по части любовных наук и борьбы с соперницами, секретов обольщения и красоты. В результате возникла своеобразная культура, которая уже тысячи лет цветет и плодоносит под сенью загадочных сералей. А тайны, окружающие этот пленительный мир утонченных чувств, так и остаются тайнами, сколько бы их ни пытались раскрыть. Как аромат ду-

хов, формула которых — всего лишь несколько знаков, и не более того.

Арабский халифат принес в Европу восточную культуру и науку. И вместе с тем вернул миру множество произведений античных авторов, которые сохранились лишь потому, что были когда-то переведены на арабский язык.

Арабские цифры потеснили римские. Мавры преобразили Пиренеи и весь юго-запад Европы. Смешение рас, языков, знаний придало общественному развитию новую энергию. Европа узнала о гаремах, которые не укладывались в привычные представления, но вызывали жгучий интерес. С уходом арабов гаремы не исчезли. Они переместились во дворцы европейских королей и вельмож, хотя и в несколько ином виде.

Тем временем крестоносцы отправились на Восток, захватили Иерусалим и Византию и основали Латинскую империю, которая просуществовала всего полвека.

Отправляясь спасти Гроб Господень и освободить Святые места, крестоносцы несли смерть и разрушение. Немало пострадали от них и единоверцы, жившие на том же Востоке.

В Европу потекли не только богатства, но и невольники. Зачастую убранства захваченных гаремов переправлялись в Европу вместе с их обитательницами. Уцелевшие участники Крестовых походов, возвращаясь в свои страны, распространяли научные, философские, медицинские, технические и прочие достижения Востока.

Те, кто не желает признавать плодотворное взаимовлияние Востока и Запада, обычно цитируют знаменитые слова Редьярда Киплинга из баллады «Запад и Восток», которым вместе не быть. Однако все оказывается не так примитивно, если прочесть то, что на самом деле написал автор:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что — племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?

Европа

Франкский король Карл Великий (742—814) создал обширную империю и увенчал свое могущество множеством любовниц, среди которых были и весьма родовитые дамы.

Данте Алигьери в своем «сошествии в ад» нашел распутников во втором круге:

И я узнал, что этот круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений.

Но служителей Эроса это не останавливало.

Английский король Генрих VIII (1491—1547), не получив разрешения Папы Римского на развод с опостылевшей женой, реформировал английскую церковь и был провозглашен главой церкви Англиканской. Более того, он провел секуляризацию (обратил церковную и монастырскую собственность в светскую), но его шести женам от этого легче не стало. Головы им рубили, как простым смертным.

Французский «король-солнце» Людовик XIV (1638—1715), объявивший: «Государство — это я», украсил свои дворцы блистательными фаворитками, купавшимися в щедростях лучезарного властителя. Фаворитки не только услаждали правителя, они обретали политический вес, входя в государственные дела и все более на них влияя. Разумеется, в первую очередь они заботились о собственных интересах, ввергая короля в безумные траты, подрывавшие экономику государства.

Людовик XV (1710—1774) (Возлюбленный) унаследовал пристрастия прадеда Людовика XIV и пошел еще дальше, окружив себя роскошным гаремом на манер турецкого султана и провозгласив девиз абсолютного гедонизма: «После нас хоть потоп!» Его жены и фаворитки не только влияли на политические дела, но и провоцировали войны, как правило, неудачные. В угоду Марии Лещинской король вступил в войну за польское наследство, а под влиянием маркизы де Вентимий — за австрийское.

Знаменитая любовница Людовика XV маркиза де Помпадур обрела такую власть, что вошла в историю как самостоятельная фигура. С ее именем связывают и Семилетнюю войну (1756—1763), в результате которой Великобритания отобрала у Франции Канаду, Восточную Луизиану и большую часть индийских колоний.

Печально знаменитый Маркиз де Сад чудовищно «усовершенствовал» европейский вариант гарема канибализмом, чем весьма гордился, живописуя свои «подвиги» в книге «Жюльетта»: «У меня два гарема: первый состоит из двух сотен девушек от пяти до двадцати пяти лет; когда они погибают, не выдержав жестокого обращения, я употребляю их мясо в пищу. Еще больше женщин от двадцати до тридцати лет во втором гареме, и вы увидите, как я с ними обращаюсь...

За этими предметами моего наслаждения надзирают пятьдесят слуг обоего пола, а для восполнения запасов у меня есть сто доверенных лиц во всех больших городах мира. Следует отметить, что попасть в мое жилище можно лишь тем путем, которым мы с вами добирались, и никто бы не поверил, что здесь проходят целые караваны, потому что все делается в строжайшей тайне. Не подумайте только, будто у меня есть хоть малейший повод для беспокойства, отнюдь: мы находимся на землях герцога тосканского, ему известны все мои проделки, но серебро, которому я не знаю счета, надежно охраняет меня от нескромных глаз и от нежелательного вмешательства».

Де Сад, это чудовище в человеческом обличье, был осужден и заключен в Бастилию, где провел почти двадцать лет и написал свои «мемуары». Освобождение его стало очередной grimасой истории: он вышел на свободу благодаря Великой французской революции, символом которой стало разрушение Бастилии. Похоже, вместе с де Садом на волю вырвался и дух кровавого ужаса, витавший над Францией в годы Парижской Коммуны, якобинской диктатуры, термидорианского переворота и правления Наполеона.

После очередных колониальных войн и захвата европейскими державами части Африки и Азии, интерес к Востоку пробудился с новой силой.

Пресыщенная Европа жаждала не только колониальной роскоши, но и беспредельной восточной чувственности. И, следом за пушками, на Восток двинулись музы. Литература, театр, музыка, живопись мысленно устремились за стены гаремов в сладостные объятия наложниц.

...Умел я песнями цветы
Срывать с их пестрой шали,
И жены, строги и чисты,
Мне верность соблюдали.

И.-В. Гете. «Западно-Восточный диван».

Вдохновленный популярной пьесой К. Брецнера «Бальмонт и Констанца» Вольфганг Моцарт сочинил оперу «Похищение из сераля», премьера которой состоялась 16 июля 1782 года в Вене. Талант композитора вкупе с экзотическим сюжетом и необычными героями (паша, евнух, янычары, рабы) принесли опере громкий успех. Влюбленный Бельмонт под видом архитектора проникает во дворец Селима-паши, чтобы вызволить свою невесту, захваченную пиратами и проданную в гарем. Побег не удастся, но великодушный паша прощает и отпускает влюбленных.

При всей фантастичности фабулы в опере отразились и вполне реальные приметы времени. Дворцы султанов действительно строили европейские архитекторы, а музыку для падишахов сочиняли известные композиторы. Например, брат Гаэтано Доницетти был у султана концертмейстером. Пиратство и продажа пленников на невольничьих рынках тоже были обыденной реальностью. В те времена Средиземное и все остальные моря кишели корсарами, промышлявшими охотой за «живым товаром». В романе Анн и Серж Голон «Неукротимая Анжелика» тонкости этого разбойного промысла изложены со всеми подробностями.

Джордж Байрон в «Беппо» живописал совсем иную картину:

Чадра, гарем, под стражей заточенье,
Мужчинам вход строжайше воспрещен.
Тут смертный грех любое развлеченье,
Которых тьма у европейских жен.
Муж молчалив и деспот в обращенье,
И что же разрешает им закон,
Когда от скуки некуда деваться?
Любить, кормить, купаться, одеваться.
Здесь не читают, не ведут бесед
И споров, посвященных модной теме,
Не обсуждают оперу, балет
Иль слог в недавно вышедшей поэме...

Вторя поэту, Джордж Дорис писал в своей книге «Абдул-Хамид вблизи»: «Смутное чувство тоски по странной гармонии грубости и нежности, которое пробуждает в нас это таинственное слово “гарем”, создаваемый им образ феерического и неведомого мира — увы! — заставляют жизнерадостного европейца забыть всю жестокость и возмутительность этой массовой изоляции юных, прекрасных и пылких женщин, чья красота, свежесть и сама жизнь принадлежат единственному господину — угрюмому уродливому старцу».

Но читателям были ближе сказки Шахразады (Шехерезады) из «Тысячи и одной ночи», которые открывали иной, чарующий мир, где сбывались мечты и самые сокровенные желания. Где обманутый женой халиф мстил женщинам, проводя ночь с самыми красивыми девушками и наутро убивая их, чтобы не быть обманутым вновь. И только чудесные сказки Шехерезады сумели унять его гнев, потому что были столь увлекательны, что халиф обещал не казнить Шехерезаду, пока не услышит конца ее повествования. Но к тому времени Шехерезада успела родить царю Шахрияру троих сыновей и завладеть его сердцем.

Европу охватила «восточная» эпидемия. Новые образы, чудесные краски, тягучие мелодии, кофе и опиум, прекрасные одалиски и свирепые евнухи, соблазнительные грезы и роковые тайны... Все это воплощал в себе образ гарема, исполненный мистики и такой реальный.

Алев Крутые в книге «Гарем. Царство под чадрой» пишет: «В Париже турецкий стиль быстро вошел в

моду, он проник в драму, оперу, живопись, литературу и в домашнюю обстановку. Турецкие шаровары, атласные чуваки и тюрбаны стали прихотливым чудачеством и криком моды. Дворяне стали одеваться, как паши, султанши и одалиски; в турецком платье они позировали в студиях самых модных художников. Поэты ударились в подражание восточным четверостишиям.

Ароматические восточные курения, низкие софы, украшенные драгоценными камнями ятаганы из дворцов аристократии перекочевали и в простые дома всей Европы. Философия кайфа, “сладкого ничегонеделания” распространилась, как лесной пожар, захватив всех со склонностью к тихой эйфории. Курение опия и гашиша стало эстетической и духовной необходимостью для свободного парения творческой мысли. ...Устоявшиеся жанры литературы приелись, многие писатели бросились в лабиринт сказочного Востока, черпая сюжеты из этого неисчерпаемого источника».

Притягательность Востока была столь велика, что сразу три знаменитых французских писателя — Теофиль Готье, Гюстав Флобер и Жерар де Нерваль отправились познавать его тайны, а затем написали книги, которые даже назывались одинаково: «Путешествие на Восток» (во всяком случае, так они называются в русском переводе).

Жерар де Нерваль, внимательно изучавший жизнь народов Востока, писал: «Не следует забывать, что Восток дал нам медицину, химию и правила гигиены, восходящие к далеким тысячелетиям; и весьма прискорбно, что наши северные религии следуют им далеко не полностью.

...Их верования и обычаи настолько отличны от наших, что мы часто можем судить о них, исходя только из наших представлений об испорченности нравов. Достаточно сказать, что мусульманский закон не считает грехом чувственность; напротив, она необходима для существования этого южного населения, которое много раз косили чума и войны. Но при этом отношения мусульман к своим женам, вопреки сладо-

страстным картинам, созданным нашими писателями восемнадцатого века, полны достоинства и даже целомудрия».

Те, кому не удалось побывать на загадочном Востоке, создавали свои творения, опираясь на рассказы путешественников и свое богатое воображение. А те, кому посчастливилось окунуться в пьянящий мир Азии, мечтали попасть в настоящий гарем, без чего путешествие казалось им не вполне удавшимся.

Мода на Восток захватила и Россию. Александр Пушкин написал «Бахчисарайский фонтан» — поэму о гареме крымского хана. Карл Брюллов воплотил этот богатый сюжет в многофигурном живописном полотне, а еще через сто лет композитор Борис Асафьев создал одноименный балет, продолжив традицию Николая Римского-Корсакова с его сюитой «Шехеразада».

Индия

В Индии женская красота и любовь стали повседневным исповедуемым культом. Удивительные «Храмы любви» в Кхаджурахо вполне могут служить наглядным пособием по изучению «Камасутры». Эти храмы от фундамента до куполов украшены мастерски выполненными скульптурными изображениями, иллюстрирующими все стадии восхождения к высотам чувственности. Когда автор спросил у экскурсовода, что означает одна из центральных композиций, где принц услаждает сразу трех жен, стоя при этом на голове, экскурсовод ответил, что это уже не просто любовь, а медитация.

Поборникам культа любви всегда было на что сослаться.

Гетера из индийского романа VI века «Приключения десяти принцев» соблазняла отшельника песнями, танцами и «убедительными» примерами: «Разве сами бессмертные боги при разных обстоятельствах не совершали самых дьявольских преступлений? Но такова уж стала сила их мудрости, что от этого насколько не страдает их значение в религии. Так, на-

пример, о высшем из божеств, Бrame* известно, что он был влюблен в небесную нимфу Тилоттаму, а Шива, супруг богини Бавани, обесчестил целую тысячу жен известных мудрецов. Владыка всех существ Праджапати имел любовную связь с собственной своей дочерью, а бог Индра, хотя и был супругом богини Шачи, был в то же время любовником Ахальи, супруги мудреца Гаутамы. Бог Шашанка-месяц известен тем, что обесчестил ложе своего наставника, а бог солнца даже имел плотскую связь с кобылицей. Бог ветра имел сношение с супругою Кесари, обезьянообразного бога. Учитель богов Брихаспати имел любовные свидания с женой своего старшего брата Утатни. Парашара обесчестил дочь рыбака, а Вьяса известен тем, что вступил в связь с женой своего брата. Святой ясновидец Атри был в связи с самкой антилопы и так далее. Если душа очищена религией, то к ней не пристанет никакая грязь. Подобно тому, как пыль никогда не пристанет к небу, так и грех не осквернит святого».

В Джайпуре есть впечатляющее сооружение многоэтажный гарем с сотнями окон, украшенных резными деревянными решетками, из-за которых обитательницы этого дворца любви любовались окружающим миром в ожидании милости повелителя.

Китай

В Древнем Китае «гаремное дело» обрело размах, соответствовавший могуществу Поднебесной. В Запретном городе — дворце императоров в Пекине гарем превратился в особое государство со своими законами, армией, подданными, слугами и рабами.

О том, что творилось за Великой китайской стеной, до сих пор ходят легенды. Некоторые секреты китайских гаремов раскрывает средневековый роман «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй».

«В Мэйу были сооружены прекрасные дворцы и за-

* Он же Брахма.

пасено провианта на двадцать лет вперед. Дун Чжо выбрал восемьсот самых красивых девушек, нарядил их в золото и парчу, украсил жемчугами и нефритом и вместе с родными поселил в своих дворцах. В столицу Дун Чжо наезжал один-два раза в месяц. Он придумывал страшные казни для пленных воинов, по его приказу им отрубали руки и ноги, выкалывали глаза, отрезали языки, варили в котле. А Дун Чжо весело пировал и смеялся под вопли истязаемых. Чаша терпения сановников, преданных государю, переполнилась, и тогда был придуман хитрый план убийства Дун Чжо. Один из сановников пообещал отдать красавицу Дяочань сперва Люй Бу — приемному сыну Дун Чжо, а потом самому Дун Чжо. В припадке ревности Люй Бу убил Дун Чжо. Крепость и дворцы Дун Чжо были разрушены, а труп Дун Чжо сожжен».

Корея

О корейской разновидности гарема пишет в статье «Король и его женщины...» Андрей Ланьков: «Вплоть до середины нашего века корейские законы разрешали мужчинам иметь наложниц, но на практике этим пользовались немногие, ведь большинству это было просто не по карману. ...Правда, сколько бы наложниц у корейца ни было (редко даже самый богатый человек мог содержать больше двух-трех), жена у него была все равно только одна, и только она пользовалась соответствующими юридическими правами.

Не удивительно, что наибольшее количество наложниц имел король. Однако и у корейского короля была только одна жена. Между главной женой и наложницами лежала пропасть... Конечно, король мог, если уж ему очень этого хотелось, развестись с женой и официально провозгласить своей новой женой бывшую наложницу. Такие ситуации в корейской истории действительно возникали (например, так поступил король Сукчжон в конце XVII века), однако случалось такое очень редко. Во-первых, королева обычно происходила из какого-либо влиятельного аристократического рода, и ее многочисленные род-

ственники вполне могли за нее постоять. Например, тому же Сукчжону его развод (который в итоге пришлось аннулировать) доставил немало политических проблем самого серьезного свойства. Наложницы же, как правило, были если и не простолюдинками, то уж, по крайней мере, женщинами из довольно захудалых дворянских родов, за их спинами не было влиятельных и богатых семей, так что соперничать с королевой на равных они не могли.

...Порою королевы обладали огромной реальной властью. В конце XIX века, например, именно королева Мин, жена последнего корейского короля Кочжона, во многом определяла и внутреннюю, и внешнюю политику страны (кстати сказать, во внешней политике королева находилась на прорусских позициях, что и стало одной из причин ее гибели — ее в конце концов убили японские агенты)».

Русь

Известный историк Николай Михайлович Карамзин в «Предании веков» повествует о князе Владимире (980—1014): «Владиминова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. Первою его супругою была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка; от другой законной супруги, чехини или богемки, имел сына Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвертой, родом из Болгарии, Бориса и Глеба. Сверх того, ежели верить летописи, было у него 300 наложниц в Вышегороде, 300 в нынешней Белогородке (близ Киева) и 200 в селе Берестове. Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного зора: он презирал святость брачных союзов и невинности. Одним словом, летописец называет его вторым Соломоном в женолюбии».

Царь Иван Грозный и вовсе изводил своих жен, а на простых крестьянок, как пишет Елена Арсеньева в книге «Гарем Ивана Грозного», устраивал охоты, как на

лис или зайцев, и подобные жертвы его сладострастия исчислялись сотнями, если не тысячами. Историк Сергей Михайлович Соловьев писал: «В сии годы необузданность Иоаннова явила новый соблазн в преступлении святых уставов церкви с бесстыдством неслыханным. Царица Анна скоро утратила нежность супруга, своим ли бесплодием или единственно потому, что его любострастие, обманывая закон и совесть, искало новых предметов наслаждения: сия злосчастная, как некогда Соломония, должна была отказаться от света, заключилась в монастыре Тихвинском и, названная в монашестве или в схиме Дариею, жила там до 1626 года; а царь, уже не соблюдая и легкой пристойности, уже не требуя благословения от епископов, без всякого церковного разрешения женился (около 1575 года) в пятый раз на Анне Васильчиковой. Но не знаем, дал ли он ей имя царицы, торжественно ли венчался с нею: ибо в описании его бракосочетаний нет сего пятого; не видим также никого из ее родственников при дворе, в чинах, между царскими людьми ближними. Она схоронена в Суздальской девичьей обители, там, где лежит и Соломония. Шестую Иоанновою супругою — или, как пишут, женищем — была прекрасная вдова, Василиса Мелентьева: он, без всяких иных священных обрядов, взял только молитву для сожития с ней! Увидим, что сим не кончились беззаконные женитьбы царя, ненасытного в убийствах и в любострастии!»

Де-юре гаремов на Руси не было, но де-факто в них состояла значительная часть женского населения. Безграничная власть позволяла хозяевам делать со своими крестьянами все, что им заблагорассудится. Феодалное право первой ночи существовало не только в Европе, но и цвело пышным цветом на необъятных российских просторах. Сенные девушки и прочие крестьянки и заикаться не смели о каких-либо правах, покорно исполняя прихоти господ.

Николай Семенович Лесков в романе «Тупейный художник» описывает, как измывался над крепостными актрисами орловский граф Каменский:

«Камариновые же серьги» у них был подарок и лестный, и противный. Это был первый знак особенной чести быть возведенною на краткий миг в одалиски владыки. За этим вскоре, а иногда и сейчас же, отдавалось приказание Аркадию убрать обреченную девушку после театра «в невинном виде святою Цецилией», и во всем в белом, в венке и с лилией в руках символизированную *innocence* [невинность (*фр.*)] доставляли на графскую половину.

— Это, — говорила няня, — по твоему возрасту непонятно, но было это самое ужасное, особенно для меня, потому что я об Аркадии мечтала. Я и начала плакать. Серьги бросила на стол, а сама плачу и как вечером представлять буду, того уже и подумать не могу».

Цирюльник Аркадий, попытавшийся спасти свою возлюбленную, заплатил за это собственной жизнью, а расправа над дерзнувшей бежать актрисой свела ее с ума.

Императрица Екатерина II (1729—1796), как известно, могла выбрать для своих любовных утех любого из подданных. Некоторые из таких фаворитов после императорского «экзамена» становились весьма влиятельными людьми.

Григорий Распутин формально гарема не имел, но сексуальные «подвиги» сделали его ярким историческим персонажем.

Французский посол в Москве М. Палеолог вспоминал:

«Сцена имела место в салоне ресторана “Яр”, в Петровском парке. С Распутиным были два журналиста и три молодые женщины, из которых по крайней мере одна принадлежала к лучшему обществу Москвы.

Ужин начался около полуночи. Было много выпито. Балалаечники исполняли национальные мотивы. Сильно разгоряченный, Распутин принялся рассказывать с циничным воодушевлением о своих любовных похождениях в Петрограде, называя по фамилиям женщин, которые ему отдавались, раздевая их одну за другой, сообщая о каждой какую-нибудь интимную особенность, какую-нибудь смешную или скабрёзную подробность.

После ужина балалаечников заменили цыганки. Распутин, совершенно пьяный, принялся рассказывать об императрице, которую он называл “старушкой” Это смутило общество. Он продолжал нисколько не смущаясь. Показывая вышитый жилет, который он носил под кафтаном, он заявил:

— Этот жилет мне вышила “старушка” Я делаю с ней все, что хочу.

Светская дама, затесавшаяся в эту авантюру, запротестовала, хотела уйти. Тогда он, взбешенный, катаясь, сделал непристойный жест.

Затем он кинулся к цыганкам. Те встретили его тоже не ласково. Он стал ругать их, вплетая в эти ругательства имя царицы.

Между тем участники оргии боялись быть скомпрометированными в подобном скандале, о котором говорил уже весь ресторан и полицейские последствия которого могли оказаться серьезными ввиду оскорбления императрицы.

Потребовали счет. Как только “человек” принес счет, светская дама бросила на стол пачку рублей, суммой далеко превышавшую итог счета, и поспешно вышла. Цыганки вышли вслед за ней.

Остальное общество тоже скоро последовало за ними. Распутин вышел последним, бранясь, рыгая и шатаясь».

Тем не менее дар провидца и исцелителя, который приписывали Распутину, иногда находил удивительное подтверждение. Но даже если таковой дар у него и был, то пользовался им старец весьма расточительно:

«Между тем в Царицыне он лишил невинности монахиню, из которой взялся изгонять беса. В Казани он, пьяный, вышел из публичного дома, бичуя поясом бежавшую перед ним голую девицу, что вызвало большой скандал в городе. В Тобольске он обольстил благочестивую супругу инженера г-жу Л. и до того влюбил ее в себя, что она всем рассказывала о своей любви и хвасталась своим позором: это она познакомила его с утонченным развратом светских женщин. Благодаря этим беспрерывно повторяющимся подвигам, престиж его святости возрастал с каждым днем. На

улицах, когда он проходил, падали на колени, целовали ему руки, прикасались к краю его тулупа...

В религиозных разглагольствованиях, которыми Распутин обычно прикрывает свой эротизм, постоянно повторяется одна идея: “Одним только раскаяньем мы можем спастись. Нам, значит, надо согрешить, чтоб иметь повод покаяться. Следовательно, если Бог посылает нам искушение, мы должны поддаться ему, чтобы обеспечить себе предварительное и необходимое условие плодотворного раскаяния... Впрочем, не было ли первым словом жизни и истины, которое Христос сказал людям: Покайтесь! Но как покаяться, предварительно не согрешивши?..”»

«Эстафету» Григория Распутина принял один из вождей советского государства Лаврентий Берия. Высматривая новых наложниц из окна своего автомобиля, он отчасти развил коммунистический лозунг о необходимости сделать общим все, включая женщин. Большинство его амурных «специальных операций» все еще хранятся в секрете во избежание скандальных разоблачений известных исторических персон.

Неофициальная полигамия была и остается повсеместным мировым явлением, не говоря уже о проституции.

МНОГОЖЕНСТВО

В обыденном сознании многоженство ассоциируется с гаремами турецких султанов и прочих восточных правителей. Вероятно, это заблуждение связано с тем, что многоженство как социальное явление сохранилось на Востоке до наших дней, хотя и там оно теперь встречается довольно редко. Но если обратиться к истории, то окажется, что многоженство существовало задолго до утверждения ислама. Ислам же ограничил число жен до четырех.

В древности у арабов существовал варварский обычай избавляться от чрезмерного количества младенцев женского пола, закапывая их в землю живьем. Ислам положил конец подобным мерзостям, объявив жизнь человека священной. Коран утверждает уважительное отношение к женщине, подчеркивая ее равноправное с мужчиной происхождение: «О люди! Бойтесь вашего Господа, который сотворил вас из одной души и сотворил из нее пару ей, а от них распространил много мужчин и женщин» (4:1).

Существует также ложное представление, что ислам чуть ли не вменяет мусульманам в обязанность иметь гаремы и практиковать многоженство. Но на самом деле все обстоит иначе.

Мусульманам действительно разрешается иметь до четырех жен. Но все жены наделяются равными пра-

вами как между собой, так и в отношении мужа, а также в делах наследства и прав своих детей.

Новая жена не обязательно должна была быть моложе прежней. Ею могла стать и почтенная пожилая женщина, чтобы иметь семейный очаг, помогать воспитывать детей и вести хозяйство.

Известны и политические «браки», когда правители женились, чтобы укрепить союзнические связи или гарантировать соседям, что не имеют в их отношении агрессивных намерений.

Тем мусульманам, кто относится к своим женам несправедливо, то есть возвышает одну над другой, грозит страшное наказание. Если заглянуть в историю, то вряд ли мы найдем много других примеров подобного уважительного отношения к женщине.

Ислам запрещает выдавать девушку замуж без ее согласия, а мужчин предостерегает от женитьбы, если он не в состоянии обеспечить жену не хуже, чем она была обеспечена в родительском доме.

В шариате — своде религиозных и юридических норм мусульманского права — говорится: «Относительно определения количества содержания жены полагается правилом, чтобы она не нуждалась необходимейшем, соображаясь всегда с состоянием и званием мужа и с теми потребностями, которыми она всегда пользовалась; в удостоверение чего принимаются показания лиц того же состояния, из которого происходит жена.

...Жилище и прислугу жена может требовать отдельные, которыми, кроме ее и мужа, никто не имел бы права распоряжаться.

Платья муж обязан давать различные для лета и зимы, для ношения днем и употребления ночью, равно и все необходимое для сна: белье, одеяла, подушки, ковры и проч.

Для удостоверения, какого рода платья и одежду вообще следует давать женам, равномерно каким образом должны быть украшены покои ее, принимаются, как и при определении количества содержания, показания людей сведущих — эхли белед — в обыкновениях прежнего быта жены».

Теофиль Готье, с пристрастием изучавший этот вопрос в странах Востока, сообщал своим читателям: «Большие гаремы — удел визирей, пашей, беев и прочих богатых людей, так как стоит это невероятно дорого: каждой жене, ставшей матерью, полагается предоставить отдельный дом и собственных рабынь. Турки среднего достатка имеют обыкновенно всего одну законную жену».

Жерар де Нерваль развил эту тему: «Мужчина, который в состоянии прокормить и прилично содержать нескольких женщин, то есть предоставить каждой из них отдельное жилье, служанку и два комплекта нарядов в год, а также каждый месяц выдавать определенную сумму на ее содержание, и впрямь может иметь до четырех жен, но по закону он обязан посвящать каждой из них один день в неделю, что далеко не всегда столь заманчиво. Представьте себе также, сколь незавидной будет его жизнь из-за интриг четырех жен, почти равных в своих правах, разве что этот мужчина сказочно богат.

...Ну а если речь идет только о том, чтобы иметь любовниц, то, честно говоря, такая возможность есть и у всякого состоятельного мужчины в Европе.

...Замужняя женщина в Турецкой империи имеет те же права, что и у нас, и даже может запретить своему мужу завести себе вторую жену, сделав это непременным условием брачного контракта. Если же она соглашается жить в одном доме с другой женщиной, то имеет право находиться отдельно, вовсе не стремясь, как это принято думать, изображать вместе с рабынями трогательные сцены семейного счастья под благосклонным оком супруга или господина. Даже и не думайте, что эти красавицы готовы петь или плясать, дабы развлечь своего властелина. Честной женщине, по их мнению, не пристало обладать подобными талантами, но мужчина может пригласить в свой гарем альмей и газий и с их помощью веселить своих жен.

...Хотя правом полигамии в основном пользуются люди высокопоставленные, из прихоти или тщеславия, есть в Каире и бедняки, которые заводят много жен, чтобы жить за счет их труда. Они имеют по три-

четыре семьи в городе, и жены не знают о существовании друг друга. Если же тайна раскрывается, это влечет за собой забавные споры и изгнание ленивого феллаха из домашних очагов всех его рассерженных супругов, так как, если закон и позволяет иметь несколько жен, он же и вменяет мужу в обязанность кормить их».

Жена могла инициировать развод, и для этого ей не надо было обращаться к верховным религиозным инстанциям, достаточно было представить свидетельства плохого с ней обращения. При разводе ей было гарантировано не только все то, что она имела из имущества и свадебного дара, но и достойное содержание от бывшего мужа на определенное время. В некоторых течениях ислама муж не вправе был взять вторую жену без согласия первой. Это и другие условия могли быть записаны в брачном контракте, которые существуют и теперь в некоторых восточных странах. Если же речь заходила о третьей жене, то уже требовалось согласие первых двух. И вряд ли оно могло бы быть получено без веских оснований. Если, к примеру, жена оказывалась бесплодной, то появление второй жены спасало ее от развода, а в будущем давало ей возможность реализовать, хоть и не в полной мере, инстинкт материнства, и, главное, давало мужу шанс на продолжение рода. В странах, где многоженство запрещено, подобная ситуация вынуждает мужа развестись с первой женой, оставив ее на произвол судьбы, и только затем он сможет получить законное право жениться на другой.

Были и другие причины, по которым муж решал обзавестись новой женой или обратиться к наложницам. Причины вполне человеческие и универсальные.

В романе Томаса Манна «Иосиф и его братья» рассказывается история патриарха Иакова, который семь лет служил своему дяде по матери Лавану, чтобы взять в жены его дочь Рахиль, но был обманут и вместо нее получил ее сестру Лию. Тогда он отслужил еще семь лет, пока не получил, наконец, и Рахиль. Но сестры поначалу были бесплодны. Тогда Рахиль убедила Иакова взять на свое ложе служанку, которая родила для них детей. Примеру сестры решила последовать и Лия:

«...И она говорила Иакову:

— Не знаю, что стряслось и за что мне такой позор, что я хожу праздно и бесполезно! Если бы у тебя была только я, этого бы не случилось, я бы не оставалась без ноши целых два года. Но сестра, которая нашему господину дороже всего на свете, отнимает у меня моего мужа, и я лишь с трудом удерживаюсь от того, чтобы проклясть ее, а ведь я же ее люблю. Наверно, этот разлад портит мне кровь, и поэтому я не могу понести, и твой бог не хочет больше вспоминать обо мне. Но что Рахили дозволено, то и мне не заказано. Возьми Зелфу, мою служанку, и спи с ней, чтобы она родила на мои колени и у меня были сыновья благодаря ей. Если я уже не имею цены для тебя, то все равно пусть у меня так или иначе родятся дети, ибо дети — это бальзам для ран, которые наносит мне твоя холодность.

...И, приняв господина с покорностью и рабским усердием, служанка Лии забеременела и родила на колени своей госпожи, которая ей помогала стонать».

Древнеиндийский трактат «Камасутра» поучает:

«Причины вторичного брака при жизни жены таковы: дурной характер или глупость жены, нелюбовь к ней мужа, желание потомства, постоянное рождение дочерей, невоздержанность мужа.

С самого начала жена должна стараться привлечь сердце мужа, демонстрируя ему свою преданность, хороший характер и ум. Однако если она бездетна, то сама должна предложить мужу взять себе еще одну жену. И когда он женится вторично и приведет вторую жену домой, первая жена должна уступить ей свое высокое положение в доме и относиться к ней как к сестре. ...Детей второй жены она должна воспитывать как своих, о ее слугах заботиться больше, чем о своих, к ее подругам относиться с любовью и добротой, а ее родственникам оказывать всяческие почести.

...Мужчина, у которого много жен, должен ко всем женам относиться справедливо. Он не должен оставлять без внимания их недостатки и не раскрывать одной жене любовь, страсть, телесные недостатки и тайны других. Он не должен позволять женам дурно

отзываться друг о друге, и если одна из них начнет порочить других, он должен остановить ее, поругать и сказать, что у нее самой такие же недостатки в характере. Одной жене он должен доставить радость своим тайным доверием, другой — тайным уважением, третьей — тайной лестью; он должен радовать их всех прогулками по саду, развлечениями, подарками, уважением по отношению к их родственникам, тем, что делится с ними тайнами, и, наконец, своей любовью. Молодая женщина, которая обладает хорошим характером и ведет себя в соответствии с заповедями священного писания, завоюет привязанность мужа и победит соперниц».

Разумеется, никакая женщина не рада сопернице, но жизнь намного сложнее и богаче, чем арифметика ревности.

Когда в мире не прекращаются войны, количество мужчин резко сокращается. А так как девочек, как правило, рождается больше, чем мальчиков, то множество женщин остаются без мужа, семьи и детей.

Такова уж природа людей, что четыре жены могут родить четырех детей от одного мужа, но обратная комбинация невозможна. Если вспомнить недавнюю историю, то бывали случаи, когда в деревню возвращался с фронта только один из ушедших на войну мужчин. А через некоторое время численность населения заметно увеличивалась и деревня возрождалась в прямом и переносном смысле.

Во время Кавказской войны XIX века имам Шамиль, чтобы облегчить участь вдов и одиноких женщин, разрешил им выбирать мужа по своему усмотрению. Как писал С. Эссадзе: «Названный мужчина, холостой или женатый, обязан был жениться на той, которая его выбрала».

Единобрачие, как показывает история, не всегда выдерживало испытание временем. И сейчас найдется немало одиноких женщин, которые предпочли бы стать второй женой сильного и состоятельного мужчины, чем влачить безрадостную жизнь бесправной любовницы или терпеть в мужьях пропащего пьяницу или человека, не способного обеспечить семью.

Живущие в США мормоны, относящие себя к Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, еще не так давно могли иметь до десяти жен. Их вынудили отказаться от этого обычая, хотя во всем остальном они являют достойный пример хозяйствования и воздержания от губительных пороков вроде алкоголя и табака. Однако с многоженством, похоже, покончили отнюдь не все мормоны, отчего супруги их не выглядят несчастными.

Таким образом, гарем и многоженство — вовсе не одно и то же. Гарем, как он был представлен в некоторых восточных дворцах, весьма далек от религиозных устоев ислама, порицающего излишества и запрещающего прелюбодеяния, не говоря уже о том, что ислам рекомендует освобождать рабов, а не умножать их количество.

Жерар де Нерваль с удивлением констатировал: «Итак, наслаждения гаремной жизни, всевластие мужа или господина, прелестные жены, которые сообща стараются доставить удовольствие одному-единственному мужчине, — все это, увы, очередная иллюзия, с которой приходится расстаться. Религия и мораль полностью разрушают этот идеал, столь соблазнительный для европейца».

Во второй половине XIX века под давлением европейской дипломатии высшие турецкие чиновники обещали произвести радикальную брачную реформу и перейти от многоженства к единоженству. Такой решительный отказ от гаремного коммунизма был воспринят как важный шаг в направлении европейского прогресса. Некоторые сановники действительно стали выезжать в свет с «единственными» женами, которые теперь именовались «госпожа». Эти дамы вдохновились реформами сильнее, чем вся Европа. Ведь таким образом они лишались молодых соперниц и становились единовластными владычицами сердца и состояния мужа.

Но очень скоро реформа обернулась громкими скандалами. Когда один из поборников моногамии скончался, оплакивать его прибыло несколько «тайных» жен с многочисленным потомством. Как оказа-

лось, никто всерьез и не помышлял отказываться от привычки иметь несколько жен, просто размещались они в разных домах и каждая имела свой «двор». Это сохраняло семейный покой, а «прогрессивный» супруг регулярно наносил им визиты, объясняя свое отсутствие «госпоже» служебными надобностями.

Если бы такое случилось сегодня, то возникло бы много дополнительных проблем. Так как официально возможен лишь один брак, то «неофициальные» жены и их дети неминуемо будут поражены в правах на наследство и так далее, если только эти проблемы не будут урегулированы справедливым образом, как то предписывает шариат.

«ДОМ СЧАСТЬЯ»

Гарем представлял собой нечто вроде драгоценного тюрбана, возвышавшегося над государством. Он не имел связи с обществом за стенами сераля, хотя зависел от него во всем, но отражал социальную систему как в кривом зеркале, где не самое главное приобретает гипертрофированно увеличенный вид.

Султана окружал земной рай, а красота его жен заставляла содрогаться от мысли, какими же должны быть райские гурии, если такие прелестные девы могли существовать на земле, являя собой лишь бледное отражение красоты иного порядка.

И если простой смертный рисовал в своих мечтах «Дом счастья», то им оказывался именно гарем падишаха.

«Полуденная тишина царила вокруг таинственного дворца, где за решетками окон томилось и скучало столько прелестных созданий, — писал Теофиль Готье. — И я невольно подумал о сокровищах красоты, навеки утраченных для людских глаз, обо всех этих изумительных женских типажах — гречанках, черкешенках, грузинках, индианках, африканках, которые угаснут здесь, не увековеченные ни в мраморе, ни на полотне для восхищения будущих веков, о Венерах, которые никогда не найдут своего Праксителя, Вио-

лантах, лишенных Тициана, Форнаринах, которых не увидит Рафаэль.

Какой же счастливый билет в земной лотерее — жизнь падишаха! Что такое Дон Жуан и его *mille e tre* по сравнению с султаном? Второразрядный искатель приключений, обманутый обманщик, чьи скудные желания — капризы нищего — исчерпываются горсткой возлюбленных, только и ждущих, чтобы их соблазнили, в большинстве своем уже соблазненных другими, имевших любовников и мужей, — их лица, руки, плечи, доступны взглядам каждого, фаты в танце пожимают им пальчики, уши их давно привыкли к нашептыванию пошлых комплиментов. Что за жалкая участь — шататься при луне под балконами с гитарой за спиной и томиться ожиданием в обществе полусонного Лепорелло!

А султан?! Он срывает лишь самые чистые лилии, самые безупречные розы в саду красоты, останавливает взор лишь на совершеннейших формах, не запятнанных взглядом ни единого смертного, на дивных цветках, чья жизнь от колыбели до могилы течет под охраной бесполох чудовищ, среди сверкающего одиночества роскошных покоев, куда не дерзнет проникнуть ни один смельчак, в строжайшей тайне, непроницаемой даже для самых смутных желаний».

Гарем был символом могущества владыки, порой более красноречивым, чем армия или флот. Численность и великолепие гарема внушали уважение не только к государству, но и к его правителю. По тому, как пополнялся гарем, какие немислимые суммы платили агенты двора за редких красавиц на невольничьих аукционах, судили о тонкости вкуса и мужской силе будущего обладателя этих гурий.

Поначалу султаны женились на дочерях правителей других государств, но со временем женами и даже султаншами все чаще становились бывшие рабыни.

«Сегодня лишь немногие паши, следуя традиции или прихоти, позволяют себе варварскую и сладостную роскошь иметь гарем, — писал Джордж Дорис. — Само собой разумеется, первым среди этих привилегированных особ является Повелитель правоверных —

счастливым обладателем живой коллекции самых драгоценных образчиков восточной красоты».

Гаремное соперничество владык порой затмевало военное, а в отдельных случаях провоцировало и сами войны, что описал Генрих Гейне в поэме «Али-бей»:

Али-бей, герой ислама,
Упоенный сладкой негой,
На ковре сидит в гареме
Между жен своих прекрасных.
Что игривые газели
Эти жены: та рукою
Бородой его играет,
Та разглаживает кудри,
Третья, в лютню ударяя,
Перед ним поет и пляшет,
А четвертая, как кошка,
У него прижалась к сердцу...
Только вдруг гремят литавры,
Барабаны бьют тревогу:
«Али-бей! Вставай на битву!
Франки выступили в поле!»
На коня герой садится,
В бой летит, но мыслью томной
Все еще в стенах гарема
Между жен своих витает, —
И меж тем, как рубит франков,
Улыбается он сладко
Милым призракам, и в битве
От него не отходящим...

Не удивительно, что разорение захваченных дворцов начиналось с ревизии гаремов, если их не удавалось заблаговременно перевести в безопасное место.

Временами стремительно разраставшиеся гаремы становились «государством в государстве», оказывая решающее влияние на политику. На их содержание уходила весомая доля бюджета страны. Случалось, что гаремы разоряли своих обладателей и приводили к гибели целые державы.

О проблемах, связанных с содержанием гарема, говорится и в «Тысяче и одной ночи»:

«Когда же настала девятьсот тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что число вельмож, которые мылись с Царем в этот день, было четыреста душ. А количество того, что они дали

из динаров, оказалось сорок тысяч, и невольников — четыреста, и рабов — четыреста, и невольниц — четыреста (достаточно с тебя такого дара!), а царь дал Абу-Сиру десять тысяч динаров, десять невольников, десять невольниц и десять рабов”

И Абу-Сир выступил вперед, и поцеловал перед царем землю, и сказал: “О счастливый царь, обладатель здравого суждения! Какое место вместит меня с этими невольниками, невольницами и рабами?” И царь молвил: “Я приказал это своим вельможам только для того, чтобы мы собрали тебе большое количество денег. Ты ведь, может быть, вспомнишь свою страну и семью и соскучишься по ней, и захочешь поехать на родину, и окажется, что ты взял из нашей страны основательное количество денег, которое поможет тебе жить в твоей стране” — “О царь времени, да возвеличит тебя Аллах! — сказал Абу-Сир. — Эти многочисленные невольники, невольницы и рабы — по сану царям, и если бы ты велел дать мне наличные деньги, они были бы лучше, чем это войско, потому что люди едят и пьют и одеваются, и сколько бы мне ни досталось денег, их не хватит на содержание этих рабов”».

Редким владыкам удавалось распоряжаться гаремом в соответствии с его предназначением. На то он и гарем, чтобы лишать рассудка своего хозяина. Но когда на престол восходил избранник строгих правил, гарем становился официальным государственным учреждением со строгими правилами и неукоснительной дисциплиной, как в образцовом монастыре.

Так, в 1861 году расточительного и любвеобильного султана Абдул-Меджида сменил Абдул-Азиз, который пообещал ограничиться одной женой, а блистательный гарем прежнего султана переместил из султанского дворца в Старый гарем. Народ принял это как добрый знак, предвещавший избавление от безумств и непомерного влияния прежнего гарема на государственные дела.

Позже султан все же взял себе еще двух жен, но на относительную скромность его жизни это заметно не повлияло. Прогулки на новомодных теплоходах привлекали его больше, чем гаремные страсти.

Посетители

Главным, а зачастую и единственным посетителем гарема был муж, хозяин дома.

«Приход мужа — настоящая церемония, как и визиты близких родственников, — писал Теофиль Готье. — И поскольку муж никогда не разделяет трапезу со своими женами, то единственное его времяпрепровождение — с важным видом курить наргиле и пить кофе или шербет. По обычаю, муж заранее сообщает о своем приходе. Правда, если он видит, что у дверей гарема стоят чьи-то туфли, он ни за что туда не зайдет, поскольку это означает, что его жена или жены принимают своих подруг, а подруги часто остаются на день или два».

Ислам не предписывает деление дома на «мужскую» и «женскую» половины. Это скорее дань незапамятным традициям, сохранившимся до наших дней.

Кто-то увидит в этом некую дискриминацию, но разве найдется в мире женщина, которая отказалась бы от собственных покоев, где она может уединиться, отдохнуть или посудачить со своими подругами, что не всегда уместно в присутствии даже любимого супруга, свекрови или детей?

Александр Сергеевич Пушкин поэтично описал жизнь обитательниц гарема в поэме «Бахчисарайский фонтан»:

Какая нега в их домах,
В очаровательных садах,
В тиши гаремов безопасных,
Где под влиянием луны
Все полно тайн и тишины
И вдохновений сладострастных!
...Нет, жены робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,
Цветут в унылой тишине;
Под стражей бдительной и хладной
На лоне скуки безотрадной
Измен не ведают оне.
В тени хранительной темницы
Утаены их красоты:
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы.

Но давайте сравним это с тем, что поведала жена великого визиря Кипризли-Мехмет-паши Мелек-ханум в своей автобиографической книге «Тридцать лет в турецких гаремах»:

«У мужчин свои интересы, обычаи и мысли. Между тем как, с другой стороны, у женщин свои, исключительно им принадлежащие. Лица, по-видимому, представляющие членов одной и той же семьи, в действительности не имеют между собой ничего общего, — ни комнат, ни собственности, ни одежды, ни друзей, ни даже общих часов отдыха. Селамлик и гарем представляют собой два совершенно отдельных мира, находящихся рядом, где в каждом из них живут по-своему, мужчины с одной стороны, женщины с другой. Власть главы семейства, если он только в состоянии иметь таковую, представляет собой единственную связь между двумя половинами одного и того же хозяйства. Эта система отделения, на которой основана вся мусульманская семейная жизнь, управляемая лишь преобладающим законом личного интереса, представляет собой такую странную черту, которая не может избежать внимания тщательного наблюдателя. Делается ясным, что степень отделения, существующая в турецких хозяйствах между мужчиной и женщиной, может быть измерена большим или меньшим достатком, в каком живет семейство. Бедный мусульманин, имеющий одну или две комнаты для себя и своего семейства, должен соблюдать экономию, а на этом основании он, как хороший отец семейства, ест, пьет и спит вместе с женой и детьми. Человек же среднего сословия, более обеспеченный, устраивает свой дом более правоверным образом, и там уже замечается более резкая демаркационная линия между ним и его гаремом. Две или три комнаты совершенно отделены от остальной части дома и образуют селамлик и приемную, остальная часть дома — гарем, заповедное место.

Если мы теперь перейдем к богатым, — например к трехбунчужному паше, или к министру с портфелем, мы находим, что его дворец устроен на большую ногу и отделение мужчин от женщин более полно. Селамлик такого аристократа занимает целое отдельное здание,

а гарем имеет размеры огромного дворца, с железными дверьми, окнами с решетками и с садом, окруженным высокой стеной. Мужчины и женщины, запертые в эти два отдельных помещения, совершенно изолированы друг от друга и не имеют между собой других сношений, как лишь при помощи евнухов, или же женской христианской прислуги, находящейся при гареме. Паша, его сыновья и близкие родственники, которые одни имеют право свободного доступа в гарем, могут туда входить, так сказать, через моет, окруженный железными решетками, — нечто в роде тайного прохода, через который они идут в сопровождении евнуха.

Такое полнейшее отделение гарема от селамлика как нельзя лучше удовлетворяет гордости и чванству константинопольских аристократов. Чем выше делается их положение, тем смешнее они делаются сами, принимая совсем ненужные предосторожности и вводя курьезные формальности с целью возвышения своих жен, оберегая их от глаз низших классов. Естественное последствие такого отделения этих двух помещений есть появление двух совершенно различных порядков жизни. Женщины, со своей стороны, имеют свои частные дела, свое собственное домашнее хозяйство и свои собственные интриги; они принимают своих друзей, имеют свои приемные дни и забавляются по-своему. В селамлике паши с друзьями и прислугой делают то же самое и проводят время, принимая посетителей и гостей, интригуя и сплетничая, или же сидят, как куклы, для того, чтобы на них дивились их паразиты и льстецы.

Если, с одной стороны, мужчины расточительны и не щадят своих средств, то, с другой стороны, женщины поступают точно так же. Усилия, делаемые с обеих сторон для того, чтобы взять верх и превзойти друг друга в великолепии, в результате дают нечто вроде соревнования между обоими элементами. Хозяин дома — паша или эфенди, — кто бы он ни был, обыкновенно играет роль примирителя между различными членами сераля; но это участие, оказываемое более лишь для виду, чем с действительным желанием примирения, вообще сводится к двум пунктам —

иметь возможность вполне пользоваться гаремом и удержать также блеск селамлика. Если паша достигает своей цели и доставляет полное удовольствие гарему, удовлетворяя себя на мужской половине светскими удовольствиями, он на все остальное не обращает уже внимания и закрывает глаза как на воровство, производимое прислугой, так и на проделки и лишние расходы своих жен. Паши, заботясь лишь об удовольствиях и наградах, заведование домом своим отдают обыкновенно в руки управляющего, который при этом хлопочет только о своих собственных выгодах, но несколько не о выгодах хозяина, а потому часто вводит последнего по горло в долги. Паши знают это, но все же предпочитают лучше наживаться посредством выгодных мест на государственной службе, чем отуманивать себе голову разбором мелких мошенничеств, производимых их управляющими и прислугой. Таким образом, является нечто вроде безмолвного соглашения между господином и его слугой; каждый из них ворует по мере возможности, один — оптом, другой — по мелочам.

Паша, раз освободившись от забот относительно своих частных дел, делается у себя в доме уже более гостем, чем хозяином. День он обыкновенно проводить на службе, где рассуждает с товарищами о политических и общественных делах, разъезжает с визитами по городу, посещает своих друзей и сторонников, расставляет сети для будущих политических интриг. К вечеру, часов около пяти-шести, его превосходительство в сопровождении своих адъютантов и свиты совершает торжественный въезд в свой дворец. Дойдя до лестницы, он не входит в селамлик, но, чтобы не терять времени, прямо направляется к большой двери, ведущей в гарем. Дежурный евнух, стоящий при дверях, отворяет их с требуемым церемониалом и вводит пашу в обитель блаженства. В приемной встречает его жена или заведующая гаремом, и ей принадлежит честь вести пашу во внутренние комнаты».

Кроме повелителя посещать гарем могли знатные дамы и родственницы обитательниц сераля, перед которыми жены могли не закрывать лица чадрой.

«Дамы министров и придворных довольно часто посещают султанский гарем, — писал Джордж Дорис. — Их визиты не обставлены никакими протокольными правилами и сложными формальностями. Церемониальный наряд, однако, отличается строгостью: девицы — в белом, дамы — в черном платье, длинные манти, береты цвета ферадже с бриллиантовыми эгретами, в волосах — украшения и, непременно, — открытое лицо: ибо халиф единственный среди мусульман, кто имеет право видеть лицо у женщин без яшмака — этой обязательной вуали (сегодня уже прозрачной), которая загадочно туманит черты, утепляет в идеальной белизне свежесть красок лица и заставляет сверкать волшебным блеском прекрасные черные глаза».

Иногда в гарем допускались прибывшие с визитами царственные особы мужского пола из дружественных государств, но только мусульмане. Таким образом демонстрировались могущество государя и его особая милость. Но и эти редкие посещения происходили со всей деликатностью и в жестких церемониальных рамках.

Вот как описывает посещение дома турецкого паши Теофиль Готье:

«Хозяин принял нас в просто убранной комнате с серым деревянным потолком в голубоватых узорах, вся меблировка которой состояла из двух расположенных друг против друга шкафов, циновки из манильской соломки и дивана, покрытого пестрой тканью; в углу дивана сидел паша, перебирая в руках четки сандалового дерева.

Угол дивана — почетное место, которое хозяин дома никогда не покидает, за исключением случаев, когда ему наносит визит лицо более высокого звания, чем он сам.

Пусть простота обстановки вас не удивляет. Селамлик — это в каком-то смысле покои наружные, отведенные под внешнюю жизнь, нечто вроде прихожей, дальше которой чужих не пускают. Вся роскошь предназначена для гарема. Вот где расстилаются ковры из Исфагана и Смирны, манят негой парчовые подушки и мягкие, покрытые шелками диваны, сверкают столи-

ки, инкрустированные перламутром, дымятся золотые и серебряные филигранные курильницы для благовоний. Здесь мерцают венецианские зеркала, стоят редкие цветы в китайских вазах и вызванивают причудливые мелодии часы с музыкой, здесь потолок оплетают замысловатые арабески, нависают сталактиты из мраморского мрамора и журчат в белых раковинах струйки ароматной воды. В этом таинственном убежище проходит подлинная жизнь турок, жизнь наслаждения и семейной близости, сюда никогда не приглашают ни родственников, ни ближайших друзей».

В исключительных случаях в гарем могли быть приглашены врачи, учителя, торговцы драгоценностями и те, кто допускался по прихоти владыки гарема.

Именно такое чудесное событие произошло с героем сказки «Халиф на час». Веселый султан решил дать ему немного повластвовать, устроив так, что опьяневший бедняга заснул в своей постели, а проснулся в опочивальне халифа.

«И Абу-ль-Хасан стал озираться направо и налево, глядя на самого себя, и всматривался во все эти вещи, крутя головой и хохоча, и затем он посадил возле себя нескольких невольниц, а другие стояли, держа в руках золотые опахала. Он посмотрел на невольниц, которых посадил с собой рядом, и увидел, что ни одна ничего не ест, и принялся их угощать, а некоторых даже кормил своей рукой. Потом он стал спрашивать невольниц, как их зовут, и одна отвечала: «Мое имя Даурат-аль-Камар», а другая сказала: «Меня зовут Шамсан-Нахар», а третья ответила: «Суккария», а еще одна: «Малихат-аль-Кадд», другая: «Будур», и третья: «Насимас-Саба», и халиф все больше веселился и смеялся, видя, как Абу-ль-Хасан разглядывает невольниц и выпрашивает, как их зовут.

Когда же невольницы увидели, что Абу-ль-Хасан кончил есть и насытился, они крикнули главному еврею: «Эй, ага, повелитель правоверных покончил с едой!» — и главный еврей подошел, и взял Абу-ль-Хасана за руку, и поднял его, и посадил на скамью. Он принес таз и кувшин и вымыл Абу-ль-Хасану руки, и одна рабыня держала для него кувшин, а другая несла полотенце, а

третья — курильницу с алоэ и амброй. И когда Абу-ль-Хасан вымыл руки, он поднялся, и главный евнух пошел впереди него, вместе с невольницами и рабынями. Его привели в другую комнату, не в ту, где он был прежде, и когда Абу-ль-Хасан вошел туда, у него помутилось в голове — такая это была красивая комната: разубранная, расписанная по стенам узорами и устланная роскошными коврами. И там он нашел множество невольниц, еще красивей, чем те, которых он уже видел, и каждая держала в руках какой-нибудь музыкальный инструмент, и когда Абу-ль-Хасан вошел к ним, все невольницы встали и разом пустились петь на один напев, ударяя по струнам, а любая из них своей красотой и прелестью могла превратить богомольца в безбожника. И Абу-ль-Хасан посмотрел и увидел, что столик уже поставлен и на нем плоды всех сортов и прозрачное вино, и кубки и чаши выстроились рядами, и яства лежат в золотой посуде, украшенной драгоценными камнями».

Как бы фантастична ни была эта история, но она тем не менее содержит много реалий, относящихся к жизни султанов и его окружения.

УСТРОЙСТВО ГАРЕМА

Поначалу гаремы существовали отдельно от дворцов правителей. После взятия турками Константинополя в 1453 году султан Мехмед II переустроил его на собственный вкус. Одна из главных достопримечательностей современного Стамбула — гигантский дворец (сераль) Топкапы. Со временем сюда перекочевал и султанский гарем, расцветший при Сулеймане Великолепном. Возможно, это произошло не без влияния знаменитой Роксоланы, речь о которой пойдет позже. Во всяком случае, это переселение дало обитательницам гарема новый статус и большие возможности влиять на султана и дела в государстве.

Лучшая часть дворца отводилась для гарема. В остальных частях принимали гостей, устраивали дипломатические приемы, парады и прочие церемонии.

Современник оставил нам соответствующие разъяснения:

«Сераль — значит дворец; это имя дается резиденции государя, а также и резиденциям губернаторов, управляющих провинциями от имени султана. Под словом “сераль” разумеется совокупность дворцовых построек, обитаемых как женщинами, так и мужчинами. Наиболее распространенная часть этих построек предоставляется женщинам и называется гаремом...

Сераль, в котором обыкновенно живет султан, представляет собой громадное мраморное здание, раза в четыре превосходящее размерами петербургский Зимний дворец. Три четверти всей этой массы построек составляет гарем, тогда как мобейн, относительно говоря, является только пристройкой к прочему зданию. Между мобейном и гаремом находится громадная зала с особыми лестницами, подъездами и своей почетной дверью, назначенная для официальных приемов иностранных монархов, посланников, министров и пр.

Независимо от этого главного корпуса существует еще множество пристроек к сералю, обширных зданий, служащих конюшнями, кухнями, складами, казармами и пр. Все эти здания составляют как бы маленький город, тянущийся вдоль Босфора на протяжении приблизительно двух километров».

Гарем состоял из нескольких тысяч помещений различного назначения, из которых сохранилось лишь около трехсот, которые сегодня показывают туристам.

Гаремный комплекс постоянно расширялся и перестраивался, особенно после пожаров и землетрясений, а также обзаводился «филиалами» — вилами на Босфоре и в других живописных местах.

Главной задачей архитекторов и прочих устроителей «Дома счастья» было создание возможных, а порой и невозможных по обычным понятиям, удобств, красоты и особой атмосферы, способствующих наслаждению жизнью и стимулирующих обитательниц полнее отдаваться радостям любви.

Этот великолепный мир, куда избранные попадали через «Въездные ворота гарема», включал роскошно убранные покои жен и их детей, пышные апартаменты матери-султанши, альковы наложниц, школу принцев, жилища евнухов и слуг, комнаты для отдыха и развлечений, бани, сады, пруды с экзотическими рыбками и бассейны, фонтаны, зверинцы, театр, лечебницы и многое другое.

Надежно охраняемый дворец султана включал также несколько мечетей.

Планировку помещений гарема описал и Теофиль Готье:

«Комнаты располагаются анфиладой или выходят в широкий коридор... Апартаменты каждой из жен имеют единственную дверь, открывающуюся в просторный проход, как двери келий — в галерею монастыря. В обоих концах коридора стоят на страже евнухи или бостанджи».

Гаремы снабжались продуктами, выращенными на особо охраняемых землях, в запретных садах. Рыбу разводили в специальных водоемах. Этим занимались целые подразделения рабов.

Торговые агенты двора привозили со всего света лучшее, что могли отыскать, включая драгоценности, ткани и украшения, изысканную парфюмерию и последние европейские новинки в сфере женских пристрастий.

В комментариях Бориса Рифтина к историческому роману «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» описывается гарем богатого китайца:

«Усадьба, подобная той, которой владел Симынь Цин в уездном городе Цинхэ, всегда имела одно центральное строение, перегораживающее весь замкнутый стенами прямоугольник как бы поперек. Оно строилось так, чтобы быть обращенным на юг, в сторону благих веяний. В нашем случае это покои старшей жены Симынь Цина — У Юэ-нян. По бокам двора перед этим строением расположены восточный флигель — покои второй жены хозяина, Ли Цзяо-эр, и западный, где живет третья жена — Мын Юй-лоу (восток, где восходит солнце, по старинным китайским представлениям, почетнее, чем запад, где оно заходит). Так в расположении покоев жен Симынь Цина выражается традиционная иерархия семейных отношений. Жилые отсеки усадьбы разделены сложной системой стен с различными боковыми проходами и своеобразными “проходными залами”, которые в таких домах, и у Симынь Цина тоже, обычно выполняли роль своеобразных гостиных. Именно такая “проходная” зала замыкала в усадьбе Симынь Цина с юга дворик, в котором жили первые три жены героя. Позади покоев старшей из них, Юэ-нян, находился еще один небольшой дворик, в который выходили кухня и по-

кои четвертой жены хозяина Сун Сюэ-э, ведавшей приготовлением всех изысканных блюд, которые подавались в доме Симынь Цина. Перед “проходной” залой в больших резиденциях (а таковой и была усадьба Симынь Цина) располагался еще один дворик с флигелями, опять-таки с востока и с запада. В восточном флигеле здесь жила дочь его со своим мужем. ...У наружной стены, выходящей непосредственно на улицу, находились в доме Симынь Цина две двухэтажные постройки, в которых жили две самые младшие по рангу жены Симынь Цина: пятая госпожа — Пань Цзинь-лянь и шестая — Ли Пин-эр. Они жили в наибольшем удалении от покоев старшей жены хозяина».

Убранства

«Любовь султана к его женам, а их было весьма большое число, была разорительна для страны, — писала Мелек-ханум. — Они действовали так, что все их прихоти, какого бы рода они ни были, удовлетворялись. Они содействовали друг другу в вымогательстве у него себе самых ценных подарков. Залитые бриллиантами, в сопровождении многочисленных рабынь, почти так же богато одетых, как и госпожи их, жены султана выезжали в каретах, из которых каждая со всеми принадлежностями стоила около 900 000 пиастров... Убранство их покоев постоянно возобновлялось новыми украшениями. В течение двух лет сераль четыре раза возобновлялся сверху донизу».

Жерар де Нерваль описал покои египетской принцессы (сестры султана) несколько иначе: «Ситт аль-Мульк (первая дама государства) полулежала на подушках в алькове одной из дальних комнат; убранство этой комнаты ослепляло своим великолепием. Свод, выполненный в виде небольших куполов, напоминал пчелиные соты или грот со сталактитами из-за вычурно-сложного орнамента, где перемежались ярко-красные, зеленые, голубые и золотистые тона. Стены на высоту человеческого роста были выложены изумительными мозаичными плитками из стекла; сердце-

видные арки грациозно опирались на пышные капители в форме тюрбанов, а те, в свою очередь, покоились на мраморных колоннах. Вдоль карнизов дверей и окон шли надписи карматским шрифтом, изящные буквы которого перемежались с цветами, листьями и завитками арабесок. В центре комнаты бил фонтан, струи кристально чистой воды поднимались до самого свода и падали в круглый бассейн с серебряным звоном, рассыпаясь на тысячи брызг».

Описания гаремных покоев оставили и иностранные дамы, которым выпала редкая возможность их посетить. Один из таких рассказов приводит Джордж Дорис:

«В апартаментах принцесс имеются разного рода салоны для собраний, и я имела возможность достаточно подробно осмотреть их обстановку во время моего посещения. Это было летом: белое полотно полностью закрывало начищенный дубовый паркет. Тут и там стояли софы, накрытые красным и желтым сатином, отороченным золотой бахромой; кресла и диванчики окружали полированный стол, инкрустированный слоновой костью. Восточная мебель соседствовала с тумбой эпохи Людовика XV. Стены были увешаны картинами (в основном пейзажами), обрамленными турецкими надписями, сделанными золотыми буквами по черному бархату. Расписной потолок изображал виды Босфора. Вход был замаскирован роскошной портьерой, на розовом фоне которой выделялась султанская тутра (монограмма султана)».

Теофилю Готье посчастливилось увидеть апартаменты первой дамы двора — матери султана:

«Покои султанши валиде — высокие комнаты с видом на Босфор, — замечательны своими потолками с фресковыми росписями несравненной свежести и изящества. ...То это бирюзовые небеса поразительной голубизны, покрытые легкими облаками, то огромные покрывала из кружев восхитительного рисунка, то большая перламутровая раковина, отливающая всеми оттенками спектра, или прекрасные цветы, оплетающие золотую решетку. Иногда мотивом служит шкатулка с драгоценностями, рассыпанными в блистаю-

щем беспорядке, иногда ожерелье, с которого, точно капли дождя, падают жемчужины, иногда россыпи бриллиантов, сапфиров и рубинов. Вот плафон, как бы затянутый голубоватым дымом, поднимающимся от золотых курильниц с благовониями, изображенных на карнизах. ...Рядом златотканый парчовый занавес, собранный подхватом из карбункулов, приоткрывает простор синевы, чуть дальше мерцает сапфирными отсветами лазурный грот. Нескончаемые переплетения арабесок, резные кессоны, золотые розетки, букеты цветов, фантастических и натуральных, голубые лилии Ирана и розы Шираза разнообразят темы, из которых я назвал лишь основные, не желая вдаваться в подробности, — их легко восполнит воображение читателя».

А вот описание приемных покоев супруги важного вельможи:

«Три стены из четырех сплошь занимали окна, щедро наполняя комнату светом и воздухом, — трудно подобрать для нее более точное сравнение, чем оранжерея, ибо повсюду здесь благоухали дорогие цветы. Пол устилал великолепный мягкий ковер из Смирны; потолок украшали арабески и плетеные узоры, цветные и позолоченные; два длинных дивана, затянутых желтым и голубым атласом, тянулись вдоль стен; еще один диван, маленький и низкий, стоял в простенке между окнами, откуда открывалась великолепная панорама Босфора; по ковру были разбросаны голубые шелковые подушки.

В одном углу сверкал большой, изумрудного цвета кувшин богемского стекла с золотыми разводами, стоявший на таком же подносе. В другом помещался сундук тисненной кожи с узорами, насечками и позолотой, очень красивый и напоминавший замысловатой отделкой марокканские сундуки, которые Делакруа не упускает случая изобразить на своих африканских картинах. К несчастью, в эту азиатскую роскошь вклинился европейский комод красного дерева. На его мраморной доске, между двумя вазами с искусственными цветами, высились часы под стеклянным колпаком, точь-в-точь как у какого-нибудь почтенного рантье из Марэ. Подобные диссонансы, столь до-

садные для художника, встречаются во всех турецких домах, претендующих на хороший вкус. К этой комнате прилегала другая, убранная более просто: она служила столовой и имела выход на лестницу для прислуги».

О покоях самого владыки Теофиль Готье писал:

«Покои султана отделаны в стиле Людовика XIV, слегка видоизмененном на восточный лад: здесь чувствуется стремление воссоздать великолепие Версаля. Двери, оконные переплеты, наличники сделаны из красного дерева, кедра или массивного палисандра с вычурной резьбой и дорогими железными оковками, усыпанными золотой крошкой. Из окон открывается чудеснейшая панорама — ни один монарх мира не имеет равных ей перед своим дворцом».

Сады наслаждений

В жарком климате Востока нет ничего приятнее, чем предаваться неге в прохладной тени цветущего сада.

Мелек-ханум описала посещение сада знатной египетской дамы: «Это было удивительно красиво. Финиковые пальмы, апельсиновые деревья, цветы и кусты были устроены с необыкновенным искусством. Даже стены были как бы задрапированы зеленью».

Лучшие сады конечно же были в гаремах повелителей. Образчик такого сада представлен в сказках «Тысячи и одной ночи»:

«Сад, где было все, что желательно душе и услаждает очи. Там были высокие колонны и строения, уходящие ввысь, и были у сада сводчатые ворота, подобные дворцовым, и лазоревые ворота, подобные вратам райских садов, привратника которых звали Ридван, а над ними были виноградные лозы всевозможных цветов: красных, подобных кораллам, черных, точно носы негров, и белых, как голубиные яйца...

И были в этом саду плоды разнообразные и птицы всех родов и цветов: вяхири, соловьи, певчие куропатки, горлинки и голуби, что воркуют на ветвях, а в каналах его была вода текучая, и блистали эти потоки цветами и плодами услаждающими...

А на деревьях в этом саду было каждого плода по паре, и были в нем гранаты, похожие на кайраванские шарики, как сказал поэт:

Ты видишь: вот гранаты с тонкой кожей;
С девичьей грудью это диво схоже.
Очистив их, с ума сойдешь, постигнешь,
Что нет на свете яхонтов дороже...

И были в этом саду яблоки — сахарные, мускусные и даманийские, ошеломляющие взор...

И были в этом саду абрикосы, миндальные и камфарные, из Гиляна и Айн-Таба...

И были в этом саду сливы, вишни и виноград, исцеляющий больного от недугов и отводящий от головы желчь и головокружение, а смоквы на ветвях — красные и зеленые — смущали разум и взоры...

И были в этом саду груши — тирские, алеппские и румские, разнообразных цветов...

И были в этом саду султанйские персики разнообразных цветов; желтые и красные...

И был в этом саду зеленый миндаль, очень сладкий, похожий на сердцевину пальмы, а косточка его — под тремя одеждами...

И был в этом саду боярышник разнообразной окраски...

И были в этом саду померанцы, подобные калгану...

И были в этом саду лимоны, цветом подобные золоту, и спускались они с высочайшего места и свешивались на ветвях, подобные слиткам золота...

И были в этом саду всякие плоды, цветы, и зелень, и благовонные растения — жасмин, бирючина, перец, лаванда и роза, во всевозможных видах своих, и баранья трава, и мирта, и все цветы полностью, всяких сортов. И это был сад несравненный, и казался он смотрящему уголком райских садов: когда входил в него больной, он выходил оттуда как ярый лев. И не в силах описать его язык, таковы его чудеса и диковинки...»

Образы гуляющих среди цветов жен султана, способных украсить самую щедрую фантазию природы, не давали покоя живописцам. На рисунках, иллюстри-

рующих тайную жизнь сералей, вокруг томных красавиц порхают птицы и кружатся чудесные бабочки, робко ластиятся миниатюрные газели и скачут ручные обезьянки. Рабыни предлагают хозяйкам сладости и напитки, а музыкантши услаждают слух песнями.

ГАРЕМНАЯ ИЕРАРХИЯ

Собрание разных по положению и красоте женщин в замкнутом пространстве, даже если это и роскошный гарем, всегда грозило бурными и непредсказуемыми событиями. Мир и покой в серале сохранялся до поры до времени, и гарантировать его не мог даже сам великий повелитель.

Многовековой опыт доказывал необходимость особой иерархии, которая хотя бы отчасти поддерживала дисциплину в кипящем страстями дамском собрании. Сей гаремный кодекс, напоминающий «табель о рангах», жестко регламентировал взаимоотношения, привилегии, права и обязанности гаремного персонала в зависимости от того, на какой ступени «служебной лестницы» находилась та или иная обитательница сераля.

Осман-бей — один из турецких чиновников в своей полной сарказма книге «Турки и их женщины, султан и его гарем» писал:

«Восточные мудрецы признали эту истину, что доказывается тем, что, наполняя свои гаремы сотнями женщин, они нашли нужным положить в основание гаремной жизни строгую дисциплинарную систему, благодаря которой мужья, имеющие три-четыре жены, могут управлять своим гаремом и поддерживать в нем порядок, повиновение. То же, что делали владельцы

буржуазных гаремов, должны были сделать и султаны, только в гораздо больших размерах. В самом деле, чтобы содержать и держать в повиновении тысячи женщин, они должны были создать целую конституцию со своими иерархическими степенями, своими законами и регламентами. Учреждение иерархии было безусловно необходимо, потому что иначе было бы невозможно определить место каждого члена гарема, а также и обязанности, лежащие на каждом из них.

Эта гаремная конституция не имеет основателя, автора, имя которого было бы известно потомству: она — дело необходимости и времени.

Иерархия императорского гарема представляет такой же правильный план, как и всякая другая иерархия, имеющая свои посредствующие ступени и своих субалтернов, отношения которых устанавливаются на основании прав старшинства, прав на производство, на награды и пр. Благосклонность султана является, конечно, великим краеугольным камнем всего иерархического здания. Иначе, впрочем, и быть не может».

Для ориентации в лабиринтах гарема Осман-бей составил следующую схему:

Гарем султана:

Валиде-султан (мать султана).

Хазнедар-уста (великая казначейша).

Бах-кадина (первая жена султана), вторая, третья и четвертая кадины.

Бах-ирбаль (первая фаворитка его величества), вторая, третья и прочие ирбаль.

Гезде (девицы, замеченные султаном, чающие или вздыхающие).

Кадины-эфенди (матери принцев или принцесс).

Султанши (не выданные замуж принцессы крови).

Каждая из поименованных дам имеет свой особый двор (даирэ) и свиту из женщин.

А теперь представим устройство собственного двора валиде-султан, служившего образцом для всех остальных.

Валиде-султан.

Ее казначейша, секретарь, хранительница печати, первая хранительница гардероба, первая наливательница

воды, первая подательница кофе, первая приготовительница шербета и проч., одним словом, дюжина дам, называющихся кальфа (госпожа).

Каждая кальфа имеет в своем распоряжении известное число учениц, называющихся аляибр, что значит рабыни. Все аляибры очень молоды — от пятнадцати до двадцати — и составляют низшую ступень гаремной иерархии.

Перейдем теперь к более обстоятельному описанию основных ступеней гаремной «табели о рангах».

Валиде-султан (мать-султаниша)

Мать правящего султана была вершиной гаремной иерархии. Ее власть была непререкаема и безраздельна, как у императрицы.

«Первая леди», сумевшая сделать своего сына, как правило, одного из многих, наследником престола, невольно внушала уважение своему окружению, а прочим — страх и трепет. Да и кто лучше ее знал гаремную жизнь со всеми ее явными и тайными сторонами.

Казалось бы, правительницей гарема могла быть одна из законных четырех жен султана, однако это влекло за собой опаснейшие интриги, в которые неминуемо включились бы конкурирующие кланы каждой из жен. Проще и безопаснее было держать жен в равном положении, предоставив власть почтенной матроне. А женам оставить соперничество за внимание султана и надежду сделать очередным султаном своего сына.

Валиде-султан была не только правительницей гарема, но и законодательницей мод. Дамы, посмеявшие одеваться более роскошно или носить более дорогие украшения, рисковали навлечь серьезные неприятности не только на себя, но и на своего супруга. Валиде-султан величали «О, венец укрытых паранджой!» или «Наша госпожа». Без ее ведома в гареме не происходило ни одного значимого события, включая выезды из сераля или посещения родственниц. Без ее одобрения никто не мог быть «зачислен» в гарем, будь то

чернокожая рабыня-кухарка или белокожая одалиска, которой устраивался придирчивый экзамен.

Формально к валиде-султан был приставлен важный сановник, именовавшийся валиде-киясси, назначавшийся императорским указом. Он исполнял административные функции. И хотя должен был быть «оком султана» в гареме, большей частью был занят материальным обеспечением «Дома счастья», следуя пожеланиям валиде-султан.

Хазнедар-уста

Опорой матери-султанши в самом гареме была хазнедар-уста — главная экономка, исполнявшая также обязанности казначея и интенданта. Эта, обычно немолодая и весьма опытная, дама имела сотни личных слуг, помощников, рабынь и евнухов. Хазнедар вела хозяйство, следила за порядком и представляла регулярные доклады госпоже.

Одной из ее главных прерогатив было возведение ошастливленных вниманием султана избранниц на ложе повелителя. Она руководила этой деликатной церемонией с глубоким знанием дела, после чего встречала и провожала к предмету страсти самого султана.

При необходимости она представляла валиде-султан вне гарема. И ей оказывали не меньше уважения, чем султанше-матери, на которую хазнедар имела существенное влияние.

Если случалось, что мать-султанша оставляла этот мир, ее обязанности и полномочия переходили к хазнедар-уста. Однако она не всегда честно выполняла свои обязанности. Когда умерла мать султана Абдул-Меджида, в гареме начался хаос, которым хазнедар не преминула воспользоваться в своих интересах. Со своими приближенными она растащила имущество и казну гарема, завладев таким образом многомиллионным состоянием. Но власть ее была так велика, что осведомленные о ее проделках министры, включая министра финансов, лишь смиренно склоняли перед ней головы.

Жены султана (кадины-эфенди)

Как мусульманин султан имел право иметь до четырех жен, то есть жен официальных, с которыми заключались брачные контракты, игрались свадьбы со всеми подобающими церемониями. Однако со временем это правило претерпело немало изменений. Брачные контракты заключались уже не со всеми или вовсе не заключались.

Сам институт наложниц был кощунственным нарушением мусульманского закона, потому что наложницами могли признаваться лишь женщины, оказавшиеся в плену у мусульман в ходе джихада — войны за веру. Но таковых было немного. Подавляющее же число наложниц поступали в гаремы совсем иными путями, о чем будет рассказано позже.

В конце концов султаны стали без излишних формальностей жениться только на рабынях. Женами признавались те из рабынь-наложниц, которые рожали султану детей, считавшихся законными наследниками.

Тем не менее главными или любимыми (хасеки) по-прежнему считались только четыре супруги. Первая жена именовалась бах-кадина.

Каждая из главных жен имела даирэ — собственные апартаменты с соответствующим штатом рабынь, евнухов и т. д. Обычно жены султана жили на верхних этажах, а прислуга на нижних.

Если место одной из жен по какой-либо причине становилось вакантным, его занимала женщина, сумевшая обратить на себя особое внимание султана. И нетрудно представить, какая жестокая, хотя и скрытая от посторонних глаз борьба велась за право занять эту вождеденную нишу.

Кадины

Основными претендентками на звание одной из четырех законных жен повелителя были просто кадины. Эти дамы тоже находились в весьма привилегированном положении, так как были или беременны, или уже успели произвести на свет принца или принцессу.

Жерар де Нерваль, которому устроили тайную экскурсию по сералю, когда в нем не было женщин, писал: «Это были комнаты кадин. Абсолютное сходство этих помещений удивило меня, но мне объяснили, что между женами султана царит полное равенство... В качестве примера художник рассказал мне, что когда его высочество заказывает для своих жен в Пере, обычно у французского кондитера, коробки конфет, они обязательно должны быть одинаковыми. Дополнительная обертка, особая форма конфеты, даже лишние пастилы или драже вызвали бы нежелательные разногласия между этими прелестными созданиями; как и у всех мусульман, у них очень развито чувство равенства».

Кадины считались признанными, хотя и неофициальными, женами султана. До своего возвышения кадины находились в ранге икбал — фавориток.

Икбал

Категория икбал (счастливые) была переходной от простой гаремной рабыни к уважаемой даме. Такая счастливая перемена судьбы зависела и от случая, и от гаремных интриг.

Дюжина очаровательных одалисок, более других преуспевших в гаремных науках, составляли своего рода аристократию прислуги и окружали посетившего гарем султана.

Главное было попасться на глаза султану и остановить на себе его внимание. Одни рабыни искали такого случая, других случай находил сам. Это могло произойти в самых обычных обстоятельствах — когда он спал, ел, одевался. Случалось, что султан примечал наложниц на приемах, праздниках или выездах.

В отличие от всех остальных мужчин султан мог видеть женский персонал любого гарема с открытыми лицами. Эта привилегия его величества принималась безропотно, хотя и выходила за рамки единого для всех мусульман закона.

В Коране по этому поводу сказано: «И скажи (женщинам) верующим: пусть они потупляют свои взоры

и охраняют свои члены, и пусть не показывают своих украшений, разве только то, что видно из них, пусть набрасывают свои покрывала на разрезы на груди, пусть не показывают своих украшений, разве только своим мужьям, или своим отцам, или отцам своих мужей, или своим сыновьям, или сыновьям своих мужей, или своим братьям, или сыновьям своих братьев, или своим женщинам, или тем, чем овладели их десницы, или слугам из мужчин, которые не обладают желанием, или детям, которые не постигли наготы женщин; и пусть не бьют своими ногами, так чтобы узнавали, какие они скрывают украшения. Обратитесь все к Аллаху, о верующие, — может быть, вы окажетесь счастливыми!» (24:31)

«Предположим, что султан решил навестить свою мать или одну из своих законных жен, — пишет Осман-бей. — В покоях, которые желал посетить султан, начиналась страшная суматоха. Все шумят, кричат, наряжаются и украшают апартаменты.

Когда его величество усаживается на предназначенный только для него диван, ему с особыми церемониями предлагают угощения.

Рабыни, которые прислуживают на приеме, имели теперь возможность приблизиться к султану и предъявить его взору свои естественные и искусственные прелести.

Султан и сам был не прочь взглянуть на этих очаровательных девушек, которые кружатся вокруг него, подавая кофе, набивая табаком трубку и стараясь всячески угодить повелителю. И нет ничего удивительного в том, что какая-то из этих прелестниц сумеет обратить на себя особое внимание повелителя. Плененный красавицей-рабыней султан не стеснялся продемонстрировать вспыхнувшую страсть — жестом, слишком пристальным взглядом, легкой улыбкой.

— Как ее зовут? — спрашивал султан.

Этого было достаточно, чтобы рабыня была возведена в ранг гезде — попавшейся на глаза.

Мать или жена султана подавали рабыне специальный знак, та приближалась и целовала край дивана, на котором сидел повелитель. Вслед за тем ему пред-

ставляли рабыню, которая с этого момента и становилась гезде.

На следующий день гезде покидала даирэ своей бывшей хозяйки и помещалась в другие апартаменты, где ее приводили в необходимый вид, наряжали и давали необходимые наставления, перед тем как султан пожелает поближе познакомиться со всеми ее достоинствами».

Похожую ситуацию описывал и Джордж Дорис: «Может статься, что выбор падишаха падет на одну из рабынь, принадлежащих его родственницам-султаншам или его дочерям-принцессам, которые живут за пределами Йилдыза и лишь иногда посещают его. Так, однажды вечером, когда Его Величество давал в своем гареме танцы и балет, он заметил среди танцовщиц юную рабыню по имени Местэ-Алем, служанку его младшей дочери — принцессы Зеккие. Наутро двое евнухов султана прибыли во дворец принцессы и объявили ей, что они пришли за юной Местэ-Алем, которая удостоилась особой чести — монаршего желания.

Велико было волнение юной черкешенки, даже не мечтавшей о таком возвышении! Ее госпожа поспешила распорядиться о том, чтобы она могла принять традиционную ванну и, окруженная своими рабынями, сама присутствовала при ее туалете. В аромате духов, в богатом наряде новая избранница, все еще думавшая, что она грезит, села в роскошную карету и в сопровождении верховых евнухов прибыла в Йилдыз, где валиде-султан тотчас же вызвала ее и дала ей обычные наставления.

Однако, несмотря на поспешность, с какой ее доставили во дворец, лишь на четвертый день Местэ-Алем была представлена господину. И то ли его каприз прошел, то ли девушка показалась ему не так уж красива, то ли он не узнал ее в ее новом наряде, но Его Величество, поведя бровью при виде ее, резко сказал: «Эта не та. Отправьте ее назад» Дрожащая, опозоренная, глубоко уязвленная в своей зарождавшейся гордости, взлетевшая столь высоко, чтобы так низко и так внезапно упасть, бедняжка была препровождена

обратно к принцессе Зеккие — на сей раз без каких бы то ни было знаков почета, в сопровождении уродливого и старого чернокожего евнуха.

Однако ей, безутешной в своем горе от пережитого тяжкого испытания, не пришлось долго страдать: она сделалась печальной, томной и бледной, стала кашлять и вскоре умерла».

Превращение гезде в фаворитку или попросту — наложницу (любовницу), совершалось известным образом. И если султан оставался доволен своим выбором, гезде получала титул икбал, а вместе с ним — ежемесячное денежное содержание, прислугу и евнухов.

Об отношениях султана Абдул-Хамида со своим гаремом Джордж Дорис писал: «Иногда он благоволит побеседовать со своими фаворитками, в глазах которых ему нетрудно выглядеть человеком блистательного ума: все они абсолютно невежественны, и то поверхностное воспитание, которое они получили, не мешает им оставаться по-детски наивными. Он посвящает их — в самых общих чертах — в дела мировой политики, рассказывает им разные истории, сенсационные анекдоты из заграничной дворцовой жизни (до которых он сам большой охотник), — и это единственные уроки истории, которые им преподаются.

...Гарем — вот весь их мир. Сюда они были привезены еще детьми; здесь их берегут, как драгоценное стадо; здесь они живут и умирают, ничего не узнав об окружающем мире, не осознав даже, что такое жизнь».

Фаворитки тоже были «первыми», «вторыми», а то и десятymi или сотыми... Но, в отличие от главных жен, первенство фавориток было весьма относительным. Султану ничто не мешало «осчастливить» своим монаршим расположением новую рабыню, чтобы тут же забыть о ее предшественнице.

Мелек-ханум писала: «Меня сопровождали одалиски, шеи которых были повязаны белыми платками с вышитыми на них стихами, и это означало весьма благосклонное отношение к ним господина».

Этот сверкающий страстями калейдоскоп, по-видимому, развлекал всевластного султана, но управителям

гарема приносил множество хлопот. Определить, кто сегодня настоящая фаворитка, а кто — любимая жена, было непросто, учитывая непредсказуемость любовных фантазий падишаха.

Неясность положения не давала покоя и самим фавориткам. Они мечтали лишь о том, чтобы забеременеть и произвести на свет принца или принцессу. Кроме самой радости материнства, это поднимало фавориток на новую ступень гаремной иерархии, превращая их в кадин. Но на этом пути их поджидали почти непреодолимые трудности.

Кальфы

Эти старые многоопытные рабыни, в том числе и бывшие наложницы, многое знали и многое умели. Каждая кальфа заведовала отдельным «департаментом» — прислугой, поварами, гардеробом, банщицами, лекарками, певицами, музыкантшами и т. д. Были также кальфы — хранительницы печатей, церемонийместерши, заведующие протоколом, секретарши-письмоводительницы, дегустаторши и пр.

Кальфы сами покупали юных рабынь, исходя из потребностей своего «департамента», одевали, кормили и, главное, обучали новоиспеченных служанок тонкостям ремесла.

Сочувствуя участи несчастных рабынь, которыми когда-то были сами, кальфы брали над ними доброе материнское попечительство. Предвидя, как непросто им будет добиться чего-то в гареме, кальфы не упускали случая выдать рабыню замуж, если появлялась подходящая партия. И даже давали им приданое, как родной дочери.

Гаремные профессии требовали особых навыков и большой ответственности. К примеру, кальфа, которая исполняла должность первой наливальщицы кофе, учила своих подопечных, как этот самый кофе варить, как подавать, как распознавать хорошие и плохие кофейные зерна, чтобы не навлечь на себя гнев своих хозяев. Особое внимание уделялось сервировке. Роскошная посуда, в которой подавался кофе, как

правило, была украшена эмалью и драгоценными камнями.

Кальфы были хранительницами традиций гарема, его своеобразной культуры и обычаев. Они сами уже были частью гарема и о другой судьбе не помышляли.

Если умирала одна из жен султана, то наследницей считалась ее кальфа, которая, возможно, когда-то сама и купила на рынке девочку, а затем помогла ей вознестись на вершину гаремной пирамиды.

Когда же умирала кальфа, то все ее имущество и даже накопленные деньги становились собственностью султана. Возможно, потому султаны и были так щедры со своими женами, что в конечном счете все потраченное возвращалось к ним самим.

Простые рабыни

«Жены султана, кадины и фаворитки почти никогда не покидают гарема, в котором они заживо погребены, — писал Джордж Дорис. — Что касается рабынь, то они иногда выходят за его пределы в сопровождении евнухов, чтобы сделать в городе необходимые покупки и выполнить всякие поручения.

Но эти выходы становятся все более редкими; они были почти полностью отменены после ужасного скандала, случившегося несколько лет тому назад. Директору крупного магазина новинок г-ну К., человеку обходительному и практичному, имевшему в числе своих клиентов и обитательниц дворца, пришла в голову удачная идея оборудовать на втором этаже своего магазина примерочные кабинки, в которых милые дамы могли бы находиться длительное время. Похоже, эти таинственные помещения имели два входа, и примерки, которые там совершались, не всегда имели в виду одежду, ибо вскоре после того, как заведение посетила турецкая полиция, оно было закрыто. Надо ли говорить, что за короткий срок его любезный директор нажил целое состояние!»

Сотни женщин исполняли в гареме самую черную работу. Они готовили пищу и мыли посуду, шили и

стирали, топили бани и убирали помещения. Им сносно платили, а со временем отпускали на свободу.

В этот разряд попадали белые и черные женщины, которые, как считалось, не годились ни на что другое. Хотя сами они верили, что вполне могли бы дать фору если не женам, то хотя бы фавориткам.

Их уверенность имела веские основания — султан Абдул-Меджид был сыном рабыни, заведовавшей топкой печей в купальне. Как пишет Осман-бей, однажды банщицу увидел входивший в купальню султан. Минутный каприз владыки обернулся беременностью рабыни, которая мгновенно была вознесена в ранг кадины. Но дело этим не кончилось, и в результате на свет появился будущий султан, а сама банщица в конце концов стала правительницей гарема с высшим титулом — валиде-султан.

О подобных причудах султанов говорится и в «Тысяче и одной ночи»: «И халиф женился на закупщице и проспал с нею ночь, а наутро отвел ей помещение и невольниц, чтобы прислуживать ей, и назначил ей помесячные выдачи и предоставил ей жилище среди своих наложниц».

Мужская прислуга

Как бы ни были строги гаремные правила, как бы целомудренны ни были обитательницы сераля, как бы подозрительны ни были евнухи, но без мужчин в таком большом хозяйстве обойтись было нельзя.

Кто-то должен был строить, ремонтировать, украшать, доставлять дрова и продукты, возделывать сады, ухаживать за лошадьми, править экипажами и лодками.

Все эти работы исполняли специально отобранные мужчины, которые, как считалось, не способны вызвать у дамского персонала и тени предосудительного интереса. Сверх того принимались меры, чтобы и сами мужчины, допускаясь по крайней необходимости за стены гарема, не имели возможности увидеть тех, кого им полагалось обслуживать. Тем, к примеру, кто доставлял дрова (баттаджи), специальным

императорским указом было предписано носить нелепую униформу. Ее огромный воротник и прочие несуразные дополнения, как писал Осман-бей, не позволяли слугам видеть что-либо вокруг. Таким образом, они напоминали процессию прокаженных слепцов с вязанками дров на спинах, которые шли за зрячим поводырем — евнухом. Другие евнухи приказывали женщинам скрыться, следили, чтобы баттаджи не нарушали узаконенную конспирацию. Тем не менее усилия евнухов не всегда приносили желаемый результат и баттаджам удавалось время от времени завести в гареме амурные связи. Некоторым из них гаремные затворницы делали такие протекции за оказанные им особые услуги, что баттаджи получали важные чиновничьи посты.

Баттаджи, вышедшие в отставку, имели право на пенсию и могли занимать выгодные должности.

Последняя наложница бухарского эмира

Болгарский культуролог Валентин Петров рассказывал автору о встрече с последней наложницей бухарского эмира.

Она была еще совсем юной девочкой, когда ее заметила в общественной купальне другая наложница эмира, которой было поручено подбирать для гарема самых красивых девушек. Проследив за девочкой, узнав, где она живет и ее имя, посланница эмира отправилась в мечеть. Там, посмотрев родовые книги, имам сообщил, что девочке уже исполнилось тринадцать лет — с этого возраста девушек можно брать в гарем. В базарный день пышная свита направилась из дворца в бедные кварталы. Жители гадали, кому на этот раз улыбнется судьба. Попасть в гарем самого эмира было почетно, это сулило немалые выгоды. Остановившись у нужного дома, процессия преподносила родителям подарки и просила отпустить их дочь к благородному эмиру. Родителям ничего не оставалось, как согласиться.

В книге Роберта ван Гулика «Искусство секса в Древнем Китае» читаем: «И хотя последователи кон-

фуцианства и считали женщину существом низшего порядка в сравнении с мужчиной, что было в их понимании вполне естественно, так как Земля находится ниже Неба, они ни в коем случае не ненавидели и не унижали женщину, как это делали многие средневековые христианские священники.

Более того, женщины пользовались своими закрепленными за ними законом правами, и одним из них было право на удовлетворение сексуальных потребностей. Хотя физический контакт был строго ограничен спальней, там мужчина должен был уделить каждой своей женщине личное внимание, которого они были лишены, как только покидали ложе. В книге “Ли цзи” отмечается, что отказ в удовлетворении сексуальных потребностей женщины был серьезным оскорблением, возраст, а не красота мог позволить мужчине менять строгую последовательность и частоту посещений жен и наложниц. Там говорится:

“Даже если наложница становится старой, до тех пор пока ей не исполнится пятьдесят лет, муж обязан соединяться с ней один раз в пять дней. Со своей стороны, когда ее провожают в его спальню, она должна быть чистой, аккуратно одета, волосы должны быть причесаны и уложены, на ней должно быть длинное платье и ее домашние туфли должны быть правильно застегнуты”».

Институт наложниц существовал на всем протяжении человеческой истории. Об этом говорится и в Ветхом Завете. «Библейская энциклопедия» сообщает: «...некоторые из самых благочестивых патриархов, как, напр., Авраам и Иаков, имели наложниц: Агарь, Хеттуру и др. Подобные же примеры встречаются и во времена подзаконные, Судей и Царей, как, напр., Манассия, Халев, Геден, Саул, Давид, Соломон и др. ...Таким образом, наложничество представляется как слабость, допущенная древними патриархами частью по обычаю, принятому прежде их, частью по нетерпеливости иметь скорее потомство. Бог терпел эту слабость. Но пример патриархов не дает оправдания для нее. Напротив, Свящ. Писание во многих местах дает видеть то ограничение этой слабости, то вредные по-

следствия оной для семейного спокойствия, общественного благосостояния и чистоты нравов, то наконец прямые запрещения как поведения несогласного с первоначальным учреждением брака и волей Божьей. Таким образом, Евангелие дает указание на свящ. установление брака, его первоначальное высокое значение, и по духу его наложничество в настоящее время считается тяжким грехом, равняющимся блуду и прелюбодеянию».

Андрей Ланьков писал о том, как обстояли дела с наложницами во дворце короля Кореи: «...Никаких ограничений на их число не существовало. Обычно официально признанных наложниц было около 10—15, но в распоряжении короля были также и кунъне, то есть в буквальном переводе “женщины дворца” Кунъне являлись дворцовыми служанками. Они мыли, убрали, стирали, готовили, делали тысячи иных дел, без которых жизнь в огромном дворцовом комплексе была бы невозможной. Однако кунъне не были просто служанками. При “поступлении на работу” они должны были быть девственницами и рассматривались как потенциальные наложницы короля. Король, если он только захотел, мог провести ночь с любой приглянувшейся ему служанкой, хотя в действительности в королевской постели смогли побывать лишь очень немногие из них. Любая любовная связь с иным мужчиной для кунъне считалась тяжким уголовным преступлением, она приравнивалась к измене супругу, то есть самому королю (даже в том случае, если король и в глаза ни разу не видел виновницу). Набирали кунъне раз в десять лет, при этом и они, и их родители должны были обладать хорошим здоровьем, а также не иметь среди своих предков тех, кто когда-либо осуждался за уголовные или политические преступления. Обычно на службу во дворец отбирали совсем маленьких девочек, которым было только пять-шесть лет, хотя бывали и исключения. Первые пятнадцать лет жизни во дворце считались временем ученичества, а потом девушки официально получали звание дворцовой прислужницы. Любопытно, что проводившаяся по этому случаю церемония была ко-

пией свадебного ритуала. Единственное отличие заключалось в том, что на этой “свадьбе” отсутствовал жених. Дело в том, что женихом (так сказать, “виртуальным женихом”) был сам король и прошедшие церемонию женщины считались потенциальными наложницами короля. Даже в том случае, если кунъне с годами покидала дворцовую службу и возвращалась в «большой мир», вступать в брак она больше не могла, ведь до конца жизни она все равно формально оставалась как бы “резервной наложницей” Его Величества.

Однако мечтой большинства “женщин дворца” было стать настоящей наложницей, которую называли “хозяйкой задних покоев” Для этого, во-первых, кунъне должна была провести с королем ночь (кстати, называлось это официально “подняться до королевской милости”). “Подняться до королевской милости” удавалось немногим, ведь для большинства прислужниц жизнь так и проходила на кухнях и в прачечных, в вышивальных мастерских и в кладовых дворца, то есть там, куда Его Величество, понятное дело, не заглядывал, где шансы попасться королю на глаза и привлечь к себе его внимание были практически нулевыми. Однако даже сама ночь или две, проведенные в королевской постели, значили не очень много. Как правило, для того чтобы стать официально признанной наложницей, женщина должна была родить королю ребенка. Удавалось это немногим, из примерно 300—400 находившихся во дворце кунъне полноправными королевскими наложницами обычно становились всего лишь 10—15 женщин. Большинству же дворцовых служанок оставалось надеяться на то, что со временем они смогут сделать карьеру и дослужиться, скажем, до старшей служанки, своего рода фрейлины. Старшие служанки или непосредственно прислуживали королеве и наложницам, или же были начальницами всяческих дворцовых хозяйственных учреждений (кухни, прачечные, гардеробные и т. д.). И тем не менее большинство из них мечтало о том, что, может быть, и им улыбнется счастье, что и они тоже когда-нибудь станут матерями королевских сыновей.

Вообще говоря, с политической точки зрения главная задача наложниц заключалась вовсе не в том, чтобы время от времени разделять с королем ложе и радовать его своими прелестями. Им была поручена куда более важная миссия: обеспечивать стабильность династии, производя на свет сыновей — потенциальных наследников».

ЕВНУХИ

Хранители сераля

Слово «евнух» происходит от греческого *eunthos* — скопец. «Библейская энциклопедия» выводит смысл слова «евнух» от соединения слов, означающих «брачное ложе» и «сохранение», то есть «хранитель ложа». «Хотя кастрация положительно запрещалась законом Моисеевым и кастрированным лицам не позволялось даже являться в Скинию (Втор. XXIII:1), — сообщается в энциклопедии, — но цари иудейские считали для себя позволительным пользоваться услугами евнухов, доставляемых из других стран. По свидетельству Геродота, на Востоке был обычай кастрировать пленных — обычай очень древний, введение которого приписывается Семирамиде. Восточный деспотизм требовал, чтобы при царских и вельможных дворах служили лица, лишённые всех человеческих привязанностей. Этим объясняется высокое положение евнухов при восточных дворах. ...На древних памятниках евнухов можно распознать по отсутствию бороды и опухшим лицам».

Евнухи существовали еще в глубокой древности. В книге Джорджа Фрезера «Золотая ветвь» о евнухах говорится:

«Галлы, кастрированные жрецы Аттиса, были известны римлянам еще во времена Республики. Эти скопцы в восточных одеждах, со статуэтками на гру-

ди, видимо, являли собой привычное зрелище на улицах Рима. Неся изображения богини, они под музыку кимвалов, барабанов, флейт и рогов процессией проходили по Риму, и пораженные фантастическим зрелищем, тронутые необузданными мелодиями люди в изобилии подавали им милостыню и забрасывали розами изображение богини и несущих его людей.

...В Кровавый день оскоплялись новопосвященные. Доведя себя до наивысшей степени религиозного возбуждения, жрецы оскопляли себя и бросали отрезанные части тела в статую жестокой богини. Затем отрезанные детородные органы осторожно завертывали и погребали в земле или в подземных покоех Кибелы, где их наряду с принесенной в жертву кровью использовали для того, чтобы вызывать к жизни Аттиса и ускорять воскресение природы, которая под лучами теплого весеннего солнца одевается нарядом из листьев и цветов.

...Если принять нашу гипотезу, то нетрудно догадаться, почему к культу других азиатских богинь плодородия тоже были приставлены евнухи. Богини эти требовали, чтобы жрецы, персонифицировавшие их возлюбленных, приносили им в жертву свои детородные органы: прежде чем передать всему миру жизнеродную энергию, богини сами нуждались в оплодотворении. Евнухами были и жрецы великой Артемиды Эфесской, и жрецы великой сирийской богини Астарты из города Иераполиса. Святилище Астарты, посещаемое толпами паломников, разбогатевшее на подарках, притекавших из Ассирии, Вавилонии, Аравии и Финикии, во время наивысшего расцвета было самым популярным на Востоке. Оскопленные же жрецы сирийской богини были так похожи на жрецов Кибелы, что некоторые их путали. Аналогичной была и церемония их посвящения в жреческий сан.

Величайший праздник года в Иераполисе приходился на начало весны, когда к святилищу из Сирии и окрестных районов стягивались огромные толпы людей. Под звуки флейт, барабанный бой и крики евнухов-жрецов, наносивших себе раны ножами, религиозный экстаз, как океанский вал, перекидывался на тол-

пу зрителей, и многие из них совершали такие поступки, каких и не предполагали, когда отправлялись на праздник. Один за другим они сбрасывали с себя одежды и с сердцем, бешено бьющимся от музыки, с блуждающим от зрелища льющейся крови взором выпрыгивали из толпы, хватали приготовленные специально для этой цели мечи и при всех оскопляли себя. Новопосвященный пробегал через весь город, держа в руке окровавленный кусок мяса, а потом запускал им в один из домов. Жители дома, удостоившегося такой чести, должны были дать евнуху женское платье и украшения, которые тот носил до конца жизни. После того как религиозный экстаз спадал и человек приходил в себя, он, должно быть, всю жизнь глубоко раскаивался в своем поступке и горько оплакивал невозвратимую утрату».

Избавленные от плотских желаний, евнухи употребляли все свои силы на то, чтобы доказать, что физические преимущества ничто перед силой ума. И многие евнухи достигали вершин власти.

В Византии евнухи имели огромное влияние, были жрецами и доверенными слугами правителей, занимали высокие дипломатические и военные посты. Византийский полководец Нарсес, который изгнал франков из Италии, был всего лишь дворцовым евнухом.

Турки в своих владениях, к примеру на Балканах, отнимали в деревнях мальчиков и после кастрации помещали их в особые училища, где из них делали свирепых воинов — янычар. Янычары («новое войско»), не имевшие потомства и ни к чему не привязанные, были опорой трона, но со временем образовали особый класс, с которым приходилось считаться не только врагам султана, но и самому повелителю. Янычары жили в особых кварталах, часто восставали, устраивали бунты и пожары, свергали и даже убивали султанов. Их влияние приобрело столь опасные масштабы, что в 1826 году султан Махмуд II разгромил и полностью уничтожил янычар.

Евнухи не существуют в исламской традиции, их, похоже, не существовало и в арабских странах во времена Пророка. Однако этот варварский обычай был

удобен, и использование «безопасных» мужчин как хранителей гаремов прижилось во многих странах.

Бывали случаи, когда природа брала верх над противоестественными манипуляциями «лекарей». У евнуха начинала расти борода, ему приходилось бриться, чтобы сохранить свое положение при дворе. Но это «недоразумение» скоро раскрывалось, и евнух, в лучшем случае, изгонялся из сераля. Однако более сообразительные евнухи находили способы скрывать и в то же время утверждать свое природное естество.

Связь гарема с внешним миром также поддерживали евнухи.

«Евнухи являются первыми агентами такого рода по самому своему среднему положению между двумя великими фракциями человеческого рода, — писал Османбей. — Каждый из дворов, или даирэ, имеет от десяти до пятнадцати евнухов, которые расхаживают по гарему, чтобы получать и исполнять приказания, даваемые им дамами. Приказания эти исполняются ими по очереди, и только старший из евнухов может являться и получать непосредственные приказания от своей госпожи.

Каждая султанша и каждая кадина имеет своего первого евнуха (первого камергера), который пользуется значительной властью над персоналом ее двора.

Восходя по ступеням этой иерархии евнухов, мы найдем во главе ее первого евнуха императорского дворца, лицо, являющееся как бы маршалом империи, вторым вельможей после великого визиря. Титул его «Главный привратник дверей счастья» Ему поручается охрана дверей гарема.

«Готский альманах» и «Оттоманский календарь» помещают на своих страницах имя этой важной особы; впрочем, с некоторого времени его имя не фигурирует уже на своем месте, то есть тотчас после имени великого визиря. Это — перемена довольно странная и трудно объяснимая, потому что нужно бы было, для того чтобы она была понятна, чтобы первый евнух был разжалован и сброшен с вершины служебной лестницы. А так как этого на самом деле нет, то единственная мораль, которую отсюда можно вывести, та,

что оттоманское правительство сочло нужным искусно скрыть от глаз цивилизованных народов такую возмутительную черту своей иерархической системы, нисколько не изменяя сущности вещей на деле.

Первый евнух в полном смысле слова могущественнейший паша... У него свой дворец, свои придворные, лакеи, экипажи, лошади и, само собою разумеется, громадное жалованье.

Первые евнухи кадин помещаются в серале около дам, при дворе которых они состоят, разумеется, не в одном с ними здании, а... недалеко от гарема.

Эти господа тоже ведут роскошную жизнь и ни в чем себе не отказывают; комнаты их прекрасно меблированы, и каждый из них имеет несколько лакеев к своим услугам и несколько дорогих лошадей на конюшне. Они по большей части люди, любящие хорошо жить и проводить время за игрой в трик-трак и другие еще более ребяческие забавы. Вообще же евнухи большие любители хорошего оружия и хороших лошадей; это казалось бы странным, а между тем это так.

...Подчиненные евнухи живут по казарменному порядку: спят они вместе в дортуарах, где каждый имеет свою кровать, свой комод и свои вещи. Эти комнаты, а также и те, кто их занимает, показались мне довольно скучными и меланхолическими; бедность, или, скорее, недостаток денег делает грустными людей вообще, а евнухов в особенности.

Чтобы дать читателям верное понятие о службе, которую исполняют евнухи, а также и о тех безобразиях, которые совершаются в гареме, я расскажу здесь то, что видел собственными глазами.

Мы как-то стояли отрядом у киоска (загородная резиденция. — *Ш. К.*) Чамлиджа, в котором на несколько дней остановилась часть императорского гарема. После обеда дамы обыкновенно гуляли по полям, окружающим киоск. За час до выхода дам войска заперались в казармы и человек тридцать евнухов с оружием и хлыстами бегали по полям, испуская дикие пронзительные крики: "Гальвет вар! Гальвет вар!" "Берегитесь! Убирайтесь!"

При этих криках все должны были удалиться и очистить пространство в круге, образованном этими ревнивыми стражами. Круг этот расширялся так, чтобы никто не мог видеть красавиц, гуляющих по полям. Я уверен, что эти ревностные охранители стесняли их больше, чем могли бы стеснить любые направленные на них лорнетки».

В разное время при дворах правителей насчитывалось от нескольких тысяч до нескольких сотен евнухов. Это в основном были эфиопы (абиссинцы), вывезенные из Африки.

Оскопленные еще в детском возрасте, такие рабы продавались на рынках вдвое дороже обычных, ведь не все выживали после столь противоестественных операций. Способы кастрации были самые разнообразные, каковыми оказывались и результаты. Не все евнухи были одинаковы в физическом смысле. У некоторых из них сохранились детородные органы, хотя и лишённые своего изначального предназначения, но все же способные скрасить томительные будни отзывчивых на ласки одалисок.

Учитывая их деликатные обязанности по управлению беспокойным гаремом, особую осведомленность, умение хранить тайны, посредничать между мужчинами и женщинами и оказывать хозяевам другие важные услуги, хорошие евнухи ценились очень высоко.

В государственной иерархии кызлар-ага (господин девушек) — главный евнух Его Величества следовал сразу за великим визирем.

Свою встречу с главным евнухом сераля описал Жерар де Нерваль:

«Пока мы прохаживались по пристани, показался величественного вида мужчина; он был смуглым, как мулат, в прекрасном турецком костюме, но не в новом, послереформенном, а в таком, какой носили в старину. Увидев господина Б., он остановился; тот приветствовал его с большим почтением. Мой друг сказал, что этот человек — важная персона и что, когда он будет уходить, ему нужно будет сделать церемонный “салам алейкум”: приложить руки сперва к груди, потом — к губам. Я так и сделал; в ответ мулат изящно поклонился.

Я знал, что это не султан, которого я уже видел.

— Кто это? — спросил я, когда человек отошел.

— Это кызлар-ага, — ответил мне художник с чувством восхищения, к которому примешивался страх.

Я все понял: кызлар-ага — главный евнух серала, самый влиятельный человек после султана, даже более грозный, чем первый визирь».

Влиятельных евнухов осыпали подарками как их подопечные, так и гости, которым евнухи оказывали тайные услуги.

Евнухи сами готовили себе «смену» из мальчиков-кастратов, которых они покупали на невольничьих рынках.

В старости евнухи выходили в отставку и получали пенсию. Некоторые становились баснословно богатыми и жили как вельможи. Они заводили собственных рабов и одалисок и даже женились, чтобы было кому украсить сытую старость. Зачастую избранницами гаремных ветеранов становились знакомые придворные дамы, с которыми они успели подружиться или к которым испытывали нежные платонические чувства. Женами богатых евнухов становились и молодые дамы, уверенные, что богатство с легкостью восполнит отсутствие семейного счастья.

Количество евнухов, так же как и численность женщин в гареме, в разное время было разным. Во второй половине XIX века в серале насчитывалось около двухсот евнухов.

В музее серала Теофиль Готье обнаружил манекен, изображавший главного евнуха: «Тот, что заключен в витрину как представитель вида, наряжен в шелковую красную тунику, роскошный, подобающий его званию кафтан из узорной парчи в цветах и широкие шальвары, подпоясанные кашемировым поясом. На голове у него красный муслиновый тюрбан, на ногах — желтые сафьяновые сапоги».

В комментариях к роману «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» говорится: «...В XV—XVI веках в Китае придворные евнухи нередко прибирали к рукам власть в стране, становились полновластными временщиками и вместе со своими приверженцами,

часто также из евнухов, вершили судьбы страны. Передовые ученые того времени подавали императору бесчисленные петиции, призывая его отстранить евнухов от власти. И в 1567 году евнухи были удалены с высших государственных постов, а на их место были назначены конфуцианские ученые. Впоследствии, однако, не раз евнухи вновь оказывались у власти».

В историческом романе Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» евнухи участвуют во всевозможных заговорах, узурпируют власть и представлены как злейшие враги простого люда. Именно придворных евнухов в первую очередь стараются уничтожить борцы за справедливость.

«Во втором месяце четвертого года периода Установления спокойствия в Лояне случилось землетрясение, — пишет Ло Гуаньчжун. — Восемь лет спустя, в первом году периода под девизом Блеск и Согласие куры запели петухами. В день новолуния шестого месяца во дворец влетела огромная черная туча. Осенью в Нефритовом зале засияла радуга. Обрушились скалы в Уюане.

Советник Цай Юн в докладе государю объяснил превращение кур в петухов тем, что власть перешла в руки женщин и евнухов. Тогда евнухи оклеветали Цай Юна, он был сослан в деревню, евнухи же фактически стали управлять страной. Возмущенный их произволом народ помышлял о восстании, роем поднялись, точно осы, разбойники и грабители».

В Евангелии от Матфея сказано: «Есть скопцы, которые из чрева матери родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Мф 19:12).

Видимо следуя Новому Завету, в конце XVIII века в России появилась секта скопцов, искавшая спасения души путем умерщвления плоти и избавления от телесных привязанностей. Секта практиковала добровольную кастрацию как женщин, так и мужчин, но затем заменила физическое оскопление духовным, подразумевая под этим особый аскетизм жизни и ревностное служение Богу.

Типы евнухов

Белые евнухи служили на «мужской половине», черные — на «женской». Такие предпочтения объяснялись опасениями, что в случае рождения у рабыни белого ребенка могли возникнуть сомнения по поводу отцовства, а рождение черного ребенка уже прямо указывало на преступника.

Осман-бей, которому по долгу службы приходилось много общаться с евнухами, разделил их на категории: добрые и злые. «Евнухи или погружаются в глубокую и мрачную ипохондрию, или ведут себя весело и игриво. Соответственно, евнух бывает добр и кроток или зол и демоничен, как фурия. ...Евнух или скуп до крайности, или само воплощение щедрости».

Но и веселые евнухи порой бывали печальны, тяжело вздыхали о своей несчастной судьбе и пели грустные песни.

«Между евнухами я нашла друзей, — писала Мелекханум, — общество которых тем более было для меня приятно, что многие из них были совершенными поэтами и музыкантами. Фергад-ага, например, соединял в себе оба эти качества. Он был очень милым трубадуром, рыцарские чувства которого, а также и веселость заставляли забывать всякую скуку. Но, к сожалению, он имел слабость к ракии (водке), хотя это было и естественно, так как Вакх и музы издавна жили между собой в дружбе».

Добрые евнухи зачастую умирали в нищете, отвратясь от даже доступных им радостей жизни. А злые евнухи представлялись воплощением пороков, вероломства и мстительности. Некоторые из них даже становились официальными палачами.

Все эти различия не так заметны были во дворце, где порядки были весьма суровыми: евнухи там подчинялись военной дисциплине и не могли являть особенности своего нрава так, как в частных владениях.

Пример вероломства евнухов приводит та же Мелекханум. Ибрагим-паша был ужасно ревнив. Этим и решил воспользоваться черный евнух, влюбленный в прекрасную одалиску, которая отвергла его домогательства. Чтобы отомстить наложнице, он подбросил

к двери ее комнаты мужской плащ, а затем устроил так, чтобы его обнаружил паша. И когда разгневанный паша спросил, что это такое, коварный евнух сказал, что этот плащ, без сомнения, принадлежит тому, кто был с одалиской и бежал, когда услышал шаги паши. Слепленный ревностью паша выхватил кинжал и убил несчастную красавицу.

Болезненная ревность была характерна для большинства евнухов. Не имея шансов рассчитывать на женскую взаимность, евнухи всегда были готовы наказать, а то и вовсе убить любого, кто взглянет на охраняемых ими женщин. Во времена султана Абдул-Меджида евнухи убили несколько человек, пытавшихся вступить в интимные отношения с одной из жен повелителя.

Кроткие евнухи отличались философским складом ума. Их не смущали ни капризы хозяйек, ни другие превратности судьбы. Они могли даже посредничать в обмене любовными письмами и подарками между служанками гарема и их воздыхателями. В целом же евнухи составляли особый класс, отличавшийся от остальных рабов своим привилегированным положением.

«Угрюмый сторож ханских жен» — так называет евнухов Александр Сергеевич Пушкин в «Бахчисарайском фонтане»:

Ему известен женский нрав;
Он испытал, сколь он лукав
И на свободе и в неволе:
Взор нежный, слез упрек немой
Не властны над его душой;
Он им уже не верит боле.
...Он по гарему в тьме ночной
Неслышными шагами бродит;
Ступая тихо по коврам,
К послушным крадется дверям,
От ложа к ложу переходит;
В заботе вечной, ханских жен
Роскошный наблюдает сон,
Ночной подслушивает лепет;
Дыханье, вздох, малейший трепет —
Всё жадно примечает он;
И горе той, чей шепот сонный
Чужое имя призывал
Или подруге благосклонной
Порочны мысли доверял!

«За султаном шли кызлар-агасы и капы-агасы, начальники черных и белых евнухов... — пишет Теофиль Готье. — Евнухи больше не носят высоких белых колпаков, какие на них напяливают в комической опере: они ходят в феске и сюртуке, но характерная внешность позволяет узнать их без труда. Кызлар-агасы довольно уродлив, его пористая, лишенная растительности кожа отликает сероватым оттенком, но капы-агасы еще безобразнее, ибо лишен защитной негритянской маски. Его бледное, заплывшее нездоровым жиром лицо испещрено мелкими морщинками, под дряблыми веками щурятся безжизненные глаза, брызгливо отвисшая нижняя губа придает ему сходство с капризной старухой. Эти чудища очень могущественны и фантастически богаты... Они безраздельно властвуют над стаями таинственных гурий и, как вы догадываетесь, оказываются в центре массы интриг.

...На эспланаде, перед казармой артиллеристов, щеголи похваляются лошадьми. Чернокожие евнухи с одутловатыми, лишенными растительности лицами и длиннющими ногами пускают великолепных скакунов в галоп. Они скачут наперегонки и испускают короткие, визгливые крики, нимало не заботясь о рыжих псах-фаталистах, спящих в пыли с философским спокойствием».

Самыми необычными евнухами при дворах были карлики. Один из них прославился тем, что был отпущен и женился на молодой одалиске. Об этих миниатюрных евнухах мы расскажем позже.

КОЛЛЕКЦИИ ЖИВЫХ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ

Охота на красавиц

«Золотой век» рабства пришелся на эпоху турецких завоеваний, когда из поработанных стран приводились огромные караваны плененных. Кроме того, ежегодно поставлялись в виде дани десятки тысяч девушек и юношей.

Из Африки привозили черных рабов, ценившихся за силу и терпимость к условиям содержания, из других мест — рабов белых, которые стоили дороже. Вместе с тем турецкое рабство было «домашним», в отличие от «плантаторного» в Северной Америке.

Небольшую часть рабов составляли пленные из разных стран, захваченные морскими пиратами.

В сказках «Тысячи и одной ночи» есть история о том, как была похищена дочь европейского монарха: «И случилось, что царица заболела в каком-то году сильной болезнью, так что приблизилась к гибели, и тогда она дала обет, если выздоровеет от этой болезни, посетить такой-то монастырь, находящийся на таком-то острове. А этот монастырь считался у них великим, и они приносили ему, по обету, дары и получали в нем благодать. И когда Мариам выздоровела от болезни, она захотела исполнить обет, который дала, и ее отец, царь Афранджи, послал ее в этот монастырь на маленьком корабле и послал вместе с ней не-

скольких дочерей вельмож города, а также патрициев, чтобы прислуживать ей.

И когда Мариам приблизилась к монастырю, вышел корабль мусульман, сражающихся на пути Аллаха, и они захватили всех, кто был на корабле из патрициев и девушек, и деньги, и редкости и продали свою добычу в городе Кайраване. И Мариам попала в руки одного человека — персиянина, купца среди купцов...»

Турецкие работорговцы и сами «охотились» на красавиц на подвластных Порте территориях.

Работорговцам выдавались специальные патенты и удостоверения, позволявшие им путешествовать по миру. Дело это было столь прибыльным и надежным, что казна с легкостью выдавала таким негоциантам большие кредиты. Кроме того, султан получал налог с торговли невольниками, и сановники прикладывали немало усилий, чтобы любвеобильность владык не иссякала.

В романе «Приключения десяти принцев» царедворец советует своему господину: «Наслаждение красивыми женщинами есть самый верный путь использования богатств, и этим же путем исполняются супружеские обязанности. Самолюбие мужчины, таким образом, в высокой степени удовлетворено. <...> Человек перестает быть мелочным и приобретает большую светскую ловкость. Так как постоянно он придумывает планы о том, как завоевать новую любовь, как сохранить имеющуюся, как использовать дрящуюся любовь, как вновь оживить потухшую, как успокоить ревность и тому подобное, то вырабатывается большая ловкость в словах и мыслях. При этом человек... заботится о своей внешности, надевает самые лучшие одежды, все к нему относятся с большим уважением, он пользуется необыкновенной любовью друзей и необыкновенным вниманием своей свиты. Такой человек не говорит иначе, как с улыбкой, он чувствует себя высшим существом, очень со всеми вежлив, а так как он при этом также создает и потомство, то достигает счастья и в этом мире, и в будущем».

Чудесные подношения

Невольниц не только продавали, но и меняли на коней или оружие, землю или скот. Особым шиком считалось дарить красивых невольниц.

О подарках от царя Константинополя в «Тысяче и одной ночи» говорится: «А подарками были: пятьдесят невольниц из лучших земель румов и пятьдесят невольников, на которых были парчовые кафтаны с поясами из золота и серебра. И у каждого невольника в ухе было золотое кольцо с жемчужиной, ценою в тысячу мискалей золота, и у невольниц также, и на них были одежды, которые стоили больших денег. И, увидав их, царь принял их и обрадовался и велел оказать почет посланцам».

Губернаторы провинций считали делом особой государственной важности посылать в подарок своему повелителю самых красивых женщин. Они делали это регулярно, не стесняясь применять силу, чтобы отнять детей у несчастных родителей.

Самыми красивыми невольницами считались черкешенки (так именовались представительницы разных кавказских народов, живших у берегов Черного моря).

Как писал Джордж Дорис: «Контингент гарема набирается почти исключительно из представительниц черкесской расы — самой красивой на Востоке; но в нем можно встретить также сириек и румелиек. Выбранные за свою раннюю красоту, почти все одалиски куплены еще девочками специальными агентами двора».

В начале XIX века Грузия вошла в состав России и поставлять невольниц оттуда стало почти невозможно. Те редкие девушки, что попадали на рынки Стамбула, были украдены разбойниками из приграничных с Грузией провинций.

Основными поставщиками «живого товара» стали Африка, Балканы, Черноморское побережье Кавказа, Курдистан и Персия.

Теофиль Готье писал: «По обычаю в день окончания поста валиде должна преподнести в дар султану необычайной красоты девственницу. В поисках этой

жар-птицы работорговцы, или джеллабы, несколько месяцев рыщут по Грузии и черкесским землям, и цена ее вырастает до умопомрачительной суммы. Если юная девственница понесет в эту благословенную ночь, это считается добрым предзнаменованием для империи».

Свидетелем подобной церемонии стал Жерар де Нерваль:

«Мать или тетка султана должны в парадном экипаже торжественно отвезти девственную рабыню, которую она сама накануне купила на базаре.

И впрямь, вскоре длинный кортеж экипажей двинется по центральной улице через людные кварталы Стамбула по направлению к святой Софии, к воротам большого сераля. Эти двадцать экипажей везут родственниц его высочества, а также султанш, которым дали отставку, после того как они родили принца или принцессу. Через решетки на окнах экипажей видны головы в белых покрывалах. Одна из дам поразила меня невероятной толщиной. То ли по положению, то ли по возрасту ей разрешили прикрыть голову только тонкой газовой вуалью, которая позволяла видеть черты ее некогда прекрасного лица. Будущая кадина, видимо, была в главном экипаже, однако ее невозможно было рассмотреть среди других дам. С обеих сторон кортежа бежали слуги, держа в руках факелы и светильники.

Процессия остановилась на великолепной площади, украшенной красивым фонтаном, перед воротами сераля; сам сераль с крышей в китайском стиле и блестящими бронзовыми украшениями был отделан мрамором, резьбой и позолоченными арабесками.

...Обитательницы старого сераля выходят из своих экипажей. Факелы и светильники отбрасывали искры на одежды; гайдуки ударами палок заставляли потесниться первые ряды. Насколько я мог понять, все это было частью парадного ритуала. Новую рабыню султана должны были принять в апартаментах сераля три султанши и тридцать кадин; затем ничто не должно было помешать султану провести ночь накануне Байрама с прекрасной девственницей. Можно только вос-

хищаться мусульманской мудростью, не допускающей того, чтобы любовь и благосклонность главы государства распространялись только на одну фаворитку, которая может оказаться бесплодной».

«Со своей стороны, — дополнял позже Джордж Дорис, — кузины и тетки повелителя не жалеют сил, чтобы отыскать для него девушек редкой красоты, и соревнуются в том, кто из них отыщет жемчужину, достойную быть преподнесенной ему в праздник Байрам. Но уже все реже и реже Абдул-Хамид принимает эти презенты от своих родственников или фаворитов. Не в ходу уже и старинный обычай, согласно которому 27 числа месяца Рамадан шейх-уль-ислам присылал Великому Турку самую красивую черкешенку — цвет ежегодного “урожая” работорговцев».

Одному почтенному старцу были присланы в дар несколько красавиц. Он был приятно удивлен, когда, возвратившись в свой дом, обнаружил в гареме стайку стройных молодых девушек в полном блеске красоты. «Кровь заиграла в жилах его, — писал Османбей. — Улыбаясь, подошел он к одной, потом к другой и к третьей и, дойдя до последней, поцеловал ее в лоб, и начал потом гладить ее плечи, приговаривая: “Когда судьба посылает красоту и счастье семидесятилетнему старцу, то это все, что может он сделать” На другой же день молодые девушки были розданы им другим лицам, в гаремах которых были вакансии».

О том, сколь обыденным явлением было на Востоке невольничество, говорит перечисление богатств купца Тадж-ад-дина из той же «Тысячи и одной ночи»: «Он обладал конями, и мулами, и верблюдами, двугорбыми и одногорбыми, и были у него кули, мешки и товары, и деньги, и материи бесподобные — свертки тканей из Химса, баальбекские одежды, куски шелкового полотна, одеяния из Мерва, отрезки индийской материи, багдадские воротники, магрибинские бурнусы, турецкие невольники, абиссинские слуги, румские рабыни и египетские прислужники...»

Когда Ала-ад-дин (Аладдин) решил жениться, он первым делом велел джинну: «Я хочу, чтобы ты доставил ко мне сорок невольников — двадцать пусть едут

впереди меня, двадцать сзади, — и все они должны быть в нарядных одеждах, на конях и с оружием. И пусть будут на них роскошные украшения, равных которым не найти, а сбруя каждого коня должна быть из чистого золота. ...И еще я хочу от тебя двенадцать невольниц — самых красивых, какие только есть, — они пойдут во дворец с моей матерью, — и на каждой пусть будет дорогая, красивая одежда и множество драгоценных камней и украшений” ...И джинн сказал: “Слушаю и повинуюсь!” — и на мгновение исчез, и принес все это. И Ала-ад-дин сказал матери, чтобы она взяла невольниц и шла во дворец, и Ала-ад-дин сел на коня, выстроил своих невольников впереди себя и сзади и проехал через весь город с этой пышной свитой. ...А достигнув дворца и приблизившись к нему, он отдал приказ своим невольникам, и те принялись бросать людям золото».

Рынки рабынь

Работорговцы наживали на чужом горе огромные состояния. Их не останавливала даже вопиющая незаконность их деятельности с точки зрения мусульманского права.

Черкешенки были в основном мусульманками. Они не могли быть чьей-то собственностью и тем более обращаться в рабство.

Рабами признавались, как мы уже писали, только немусульмане, захваченные на войне. Рекомендовалось предоставить свободу и им, свершив этим весьма благочестивое дело. А если раб принимал ислам, то подлежал освобождению без промедления.

Однако привычка вельмож к рабовладению была так сильна, а соблазн пополнить свои гаремы чудесными созданиями так велик, что торговцы и покупатели нашли способ формально обходить закон.

Как писал Осман-бей, покупатели не спрашивали, откуда привезен «товар», им было достаточно заявления продавца, что «это рабы». Покупатель лишь восклицал: «Если есть в этом деле грех, да падет он на голову продавца!» И сделка считалась состоявшейся.

После завершения Кавказской войны в 1864 году, когда началось мухаджирство — массовое переселение горцев в Турцию, в работорговле наступил «ренессанс».

Поток переселенцев был так велик, что в портах скапливались огромные массы горцев. Не все выдерживали долгое плавание, а те, кому удавалось добраться до турецких берегов, изнемогали от голода и болезней. Мужчины вынуждены были вербоваться на службу в армию, а множество женщин и детей оказались на невольничьих рынках и шли за бесценок.

Русский вице-консул в Трапезунде А. Мошнин сообщил: «С начала выселения в Трапезунде и окрестностях перебивало до 247 000 душ; умерло 19 000 душ. Теперь осталось 63 290 чел. Средняя смертность 180—250 чел. в день. Их отправляют внутрь пашалыка, но большею частью в Самсун. ...Население испугано переселением и вознаграждает себя покупкою невольниц. На днях паша купил 8 самых красивых девушек по 60—80 рублей за каждую и посылает их для подарков в Константинополь. Ребенка 11—12 лет можно купить за 30—40 рублей».

Виктор Гюго изложил в «Пленнице» историю невольницы-горянки:

Я родилась в нагорной,
Далекой стороне,
И этот евнух черный
Постыл и страшен мне.
На воле, не в серале,
Росли мы без печали
И юношам внимали
Свободно в тишине...

Вот как описал Жерар де Нерваль невольничий рынок в Каире:

«В квадратный двор, где прогуливалось множество нубийцев и абиссинцев, выходили верхние галереи и портик, выполненные в строгом архитектурном стиле; широкие машрабии, выточенные из дерева, находились под самым потолком прихожей, из которой в покои вела лестница, украшенная аркадами в мавританском вкусе. По этой лестнице поднимались самые красивые невольницы.

Во дворе уже собралось много покупателей, разглядывавших совсем черных или более светлых негров. Их заставляли ходить, им стучали по спине и по груди, им велели показывать язык. Только у одного из них, одетого в полосатый желто-синий машлах, с волосами, заплетенными в косы и ниспадающими на плечи, как носили в Средневековье, через руку была перекинута тяжелая цепь, гремевшая при каждом его величественном движении; это был абиссинец из племени галла, вероятно, взятый в плен.

Вокруг двора располагались комнаты с низкими потолками, где жили негритянки, подобные тем, которых я уже видел, — беззаботные и сумасбродные, они принимались хохотать по всякому поводу; между тем какая-то женщина, закутанная в желтое покрывало, рыдала, прислонившись к колонне передней. Безмятежное спокойствие неба и причудливые узоры, которые выписывали во дворе солнечные лучи, тщетно восставали против этого красноречивого отчаяния. Я почувствовал, как у меня сжалось сердце. Я прошел мимо колонны, и, хотя лица женщины видно не было, я рассмотрел, что у нее почти белая кожа; к ней жался ребенок, чуть прикрытый плащом.

Как мы ни стараемся приспособиться к жизни на Востоке, в подобные минуты все равно остаешься французом, чувствительным ко всему происходящему. На мгновение мне пришла в голову мысль купить, если это в моих возможностях, невольницу и предоставить ей свободу.

— Не обращайтесь на нее внимания, — сказал мне Абдулла, — это любимая невольница одного эфенди, в наказание за какую-то провинность тот отправил ее на невольничий рынок, чтобы якобы продать ее вместе с ребенком. Через несколько часов хозяин придет за ней и, наверное, простит ее.

Таким образом, единственная плакавшая здесь невольница горевала оттого, что лишается хозяина; остальные, казалось, были обеспокоены лишь тем, чтобы не оставаться слишком долго без нового господина.

А это говорит в пользу мусульманских нравов. Срав-

ните положение этих невольников с положением рабов в Америке! Воистину, в Египте на земле работают лишь феллахи. Рабы стоят дорого, поэтому их силы берегут и занимают лишь работой по дому. Вот та огромная разница, которая существует между невольниками в турецких и христианских странах.

...Абд-аль-Керим отошел от нас, чтобы поговорить с покупателями-турками, затем вернулся и сказал, что сейчас одевают абиссинок, которых он хочет мне показать.

— Они живут в моем гареме, — сказал он, — и с ними обращаются как с членами семьи; они едят вместе с моими женами. Пока они одеваются, вам могут показать самых молодых.

Открылись ворота, и во двор, словно школьницы на переменке, вбежала стайка темнокожих девочек. Им позволили играть возле лестницы с утками и цесарками, которые плавали в чаше лепного фонтана, сохранившегося от неслыханной роскоши океля. Я разглядывал этих бедных крошек с огромными черными глазами, одетых словно маленькие султанши; наверное, их забрали от матерей, чтобы потакать прихоти местных богачей. Абдулла объяснил мне, что многие из них не принадлежат торговцу, вырученные за них деньги получают родители, специально приехавшие в Каир в надежде, что их дочери попадут в хорошие руки.

— Кроме того, — добавил он, — они стоят дороже, чем зрелые девушки. И не беспокойтесь, здесь можно покупать с полным доверием; родители девушек все предусмотрели.

...Абд-аль-Керим пригласил меня войти в дом. Абдулла деликатно остался стоять у лестницы.

В большой комнате с лепным орнаментом и полустертыми золотыми и цветными арабесками вдоль стен сидело пять довольно красивых женщин; цвет их кожи напоминал флорентийскую бронзу; черты лица у них были правильные, нос прямой, рот маленький; классическая форма головы, грациозный изгиб шеи, умиротворение, написанное на лицах, делали их похожими на итальянских мадонн с картин, краски которых потемнели от времени. Это были абиссинки католиче-

ского вероисповедания, возможно, потомки пресвитера Иоанна или царицы Капдаки.

Трудно было остановить свой выбор на одной из них: все они походили друг на друга, как это бывает у туземцев. Видя мою нерешительность, Абд-аль-Керим счел, что девушки мне не нравятся, и велел позвать еще одну — она вошла плавной походкой и заняла свое место у противоположной стены.

Я испустил радостный возглас, узнав миндалевидный разрез глаз яванок, как на картинах, которые мне доводилось видеть в Голландии; по цвету кожи эту женщину можно было безошибочно отнести к желтой расе. Не знаю, возможно, во мне пробудился интерес к неведомому и неожиданному, но я склонялся в ее пользу. Кроме того, она была весьма хороша собой и сложена на славу, так что смело могла выставлять себя напоказ; блестящие глаза, белые зубы, точеные руки и длинные волосы цвета красного дерева... Совсем юной ее взяли в плен пираты имама Маската где-то на островах Индийского океана.

...Оставалось только условиться о цене. У меня просили пять кошечков (шестьсот двадцать пять франков); мне хотелось заплатить только четыре; но, вспомнив, что речь шла о покупке женщины, я подумал, что подобный торг неуместен. К тому же Абдулла предупредил, что торговец-турок никогда не уступит в цене.

...В тот же вечер я с триумфом привел рабыню в покрывале в свой дом в коптском квартале. ...Слуга из околя шел следом за нами, ведя за собой осла с большим зеленым сундуком на спине.

Абд-аль-Керим оказался хорошим хозяином. В сундуке лежали два комплекта нарядов.

...Если торговец обманет покупателя относительно достоинств рабыни и у нее обнаружится какой-то изъян, покупатель имеет право через неделю расторгнуть сделку. Мне представлялось невозможным, чтобы европеец прибегнул к подобной недостойной оговорке, даже в том случае, если его действительно обманули. Но вскоре я с ужасом обнаружил у несчастной девуш-

ки два клейма с монету в шесть ливров: одно под стягивающей лоб красной повязкой, другое — на груди, и на обоих — татуировка, изображающая нечто вроде солнца. На подбородке тоже была татуировка в виде острия пики, а левая ноздря проколота, чтобы носить кольцо. Волосы были подстрижены спереди и падали челкой до самых бровей, соединенных между собой нарисованной черной линией. Руки и ноги были выкрашены в оранжевый цвет; я знал, что это специально приготовленная хна, от которой через несколько дней не останется и следа».

Если рабыни противились уготованной им судьбе и не желали уподобляться бессловесному скоту, торговцы применяли различные испытанные средства. Когда не помогали ни уговоры, ни угрозы, рабынь усмиряли силой. Но делали это с осторожностью, так как «порченный товар» падал в цене и наносил вред репутации продавца. Проще всего было подавить упорство невольниц опиумом или другим зельем, подмешанным в пищу.

«Они продаются за различные цены, — писала Мелек-ханум, — соответственно красоте, смотря по которой они назначаются или в танцовщицы, или музыкантши, или же в банные прислужницы, горничные, или же одалиски. Цена на них колеблется от 1000 до 20 000 франков или около этого. Для того чтобы заплатить последнюю сумму, невольница должна быть необычайной красоты. Если у них вид не представительный, то они назначаются на должности, в которых они не должны появляться перед своим господином; в таком случае цена их не превосходит 1500—2000 франков. Они продаются обыкновенно в возрасте 12—13 лет, но бывали случаи продажи 6—7-летних. Это, впрочем, бывает только тогда, когда покупательница желает приучить их к службе или же перепродать с выгодой, когда они подрастут. Хозяйка делает им одежду, учит их вести себя прилично, а также говорить по-турецки. Главное внимание обращается на развитие таких талантов, которыми отличаются сами господа, как то: музыка, танцы, уборка волос и т. д.».

Посредники и перекупики

Важную роль в работоторговле исполняли посредники. Когда кто-то хотел избавиться от невольницы, но не хотел или не мог сделать это сам, он поручал это дело опытному посреднику.

«И персиянин сошел с мула и свел на землю девушку, — повествует «Тысяча и одна ночь». — А потом он кликнул посредника и, когда тот предстал перед ним, сказал ему: “Возьми эту девушку и покричи о ней на рынке” И посредник взял девушку и вывел ее на середину рынка. Он скрылся на некоторое время и вернулся, неся скамеечку из черного дерева, украшенную белой слоновой костью, и поставил скамеечку на землю, и посадил на нее девушку, подобную дейлемскому щиту или яркой звезде, и была эта девушка как луна, когда она становится полной в четырнадцатую ночь, и обладала пределом блестящей красоты...»

В этом безобразном, но прибыльном деле не обходилось и без перекупики. Ими, как писал Османбей, были весьма состоятельные дамы из высшего общества. Избавившись пару раз от строптивых рабынь посредством своих торговых агентов, они быстро входили во вкус. Со временем они превращали домашние гаремы в интернаты, куда попадали маленькие девочки. После нескольких лет «воспитания» их продавали в несколько раз дороже. Этот вид торговли превратился в безотказную систему, предлагавшую «товар» на все вкусы.

В «Тысяче и одной ночи» описываются достоинства, которыми должны были обладать будущие наложницы: «И посредник на некоторое время скрылся, и пришла с ним девушка стройная станом, с высокой грудью, насурьмленным оком и овальным лицом, с худощавым телом и тяжкими бедрами, в лучшей одежде, какая есть из одежд, и со слюной слаще патоки, и ее стан был стройнее гибких веток и речи нежнее ветерка на заре. И когда визирь увидал ее, он был ею восхищен до пределов восхищения, а затем он обратился к посреднику и спросил его: “Сколько стоит эта неволь-

ница?” И тот ответил: “Цена за нее остановилась на десяти тысячах динаров, и ее владелец клянется, что эти десять тысяч динаров не покроют стоимости цыплят, которых она съела, и напитков, и одежд, которыми она наградила своих учителей, так как она изучила чистописание, и грамматику, и язык, и толкование Корана, и основы законовещения и религии, и врачевание, и времяисчисление, и игру на увеселяющих инструментах”».

В другом месте невольница сама говорит о своих достоинствах: «И тогда халиф спросил: “Как твое имя?” — “Мое имя Таваддуд”, — отвечала невольница. “О Таваддуд, какие науки ты хорошо знаешь?” — спросил халиф. И девушка отвечала: “О господин, я знаю грамматику, поэзию, законовещение, толкование Корана и лексику и знакома с музыкой и наукой о долях наследства, и счетом, и делением, и землемерием, и сказаниями первых людей. Я знаю великий Коран и читала его согласно семи, десяти и четырнадцати чтениям, и я знаю число его сур и стихов, и его частей и половин, и четвертей и восьмых, и десятых, и число падений ниц. Я знаю количество букв в Коране и стихи, отменяющие и отмененные, и суры мекканские и мединские, и причины их ниспослания; я знаю священные предания, по изучению и по передаче, подкрепленные и неподкрепленные; я изучала науки точные, и геометрию, и философию, и врачевание, и логику, и риторику, и изъяснение и запомнила многое из богословия. Я была привержена к поэзии и играла на лютне, узнала, где на ней места звуков, и знаю, как ударять по струнам, чтобы были они в движении или в покое; и когда я пою и пляшу, то искушаю, а если приукрашусь и надушусь, то убиваю. Говоря кратко, я дошла до того, что знают лишь люди, утвердившиеся в науке”».

Осман-бей приводит анекдотическую историю о жене великого визиря Фуад-паши, которая торговала выпестованными ею же красавицами с большим размахом. Однако стремительное расширение этого деликатного бизнеса натолкнулось на неожиданное препятствие — предложение начало превышать спрос.

Не найдя других способов сбыта своей «продукции», госпожа Фуад решила прибегнуть к потусторонним силам. План ее состоял в том, чтобы околдовывать потенциальных клиентов. Призванный ею маг снабдил эту удивительную особу «волшебной рубашкой, обладавшей свойством придавать неотразимую прелесть той особе, которая ее надевает». И дела госпожи Фуад действительно быстро пошли на лад. Ее прелестницы разлетались, как птицы, выпущенные из клетки, причем по фантастическим ценам. Хотя конкурирующие завистницы поговаривали, что дело вовсе не в чудодейственной рубашке, а в положении супруга госпожи Фуад, на благосклонность которого рассчитывали щедрые покупатели.

Оформление сделок

Покупки рабов и рабынь подлежали юридическому оформлению.

В сказках «Тысячи и одной ночи» читаем: «До чего дошла цена за эту девушку?» — спросил он посредника. И тот ответил: «Цена за нее дошла до девятисот пятидесяти динаров, кроме платы за посредничество, а что касается доли султана, то она с продающего» — «Пусть невольница будет моя за цену в тысячу динаров, вместе с платой за посредничество», — сказал посреднику Нур-ад-дин. ...И не успел Нур-ад-дин опомниться, как посредник привел судей и свидетелей и написали на бумажке условие о купле и продаже, и посредник подал его Нур-ад-дину и сказал: «Получай свою невольницу! Да сделает ее Аллах для тебя благословенной! Она подходит только для тебя, а ты подходишь только для нее».

«Девушку на другой день пересылают в дом покупателя или покупательницы в сопровождении старой женщины, не выпускающей ее ни на минуту из виду, — вспоминала Мелек-ханум. — Там она остается в течение нескольких дней, пока не убедятся, что у нее нет никаких телесных недостатков. Призывают бабушку, чтобы исследовать, не имела ли покупаемая невольница прежде любовных отношений. После такого рода

исследования уплачивается сумма, за которую она продана, и продажа узаконивается формальной бумагой, называемой петшех».

Реформы работорговли

В конце XIX века невольничьи рынки были официально закрыты, так как наводнившие страну европейцы считали их вопиющим пережитком варварства. Однако сама работорговля отнюдь не исчезла. Она просто стала более «цивилизованной», скрытой от лишних глаз.

Рынки переместились в потаенные уголки города, в особые кафе и дома самих работорговцев. Невольницы по-прежнему продавались, но стоили теперь дороже, попадая на рынок контрабандным путем.

Одним из способов продажи невольниц был их вывоз якобы на прогулку в открытых экипажах, когда все желающие могли оценить предлагаемых прелестниц, договориться с сопровождающими их агентами о цене и незамедлительно вступить в права собственника.

Причем покупатели искренне полагали, что совершают благодеяние, вырывая несчастных девушек из лап алчных живодеров-работорговцев. Впрочем, смирившиеся с судьбой девушки, как правило, были с покупателями солидарны.

В ОЖИДАНИИ МИЛОСТИ ПОВЕЛИТЕЛЯ

Юные девы отнюдь не светились радостью, когда мрачный евнух закрывал за ними ворота «Дома счастья». Они вряд ли представляли, что их ждет в гареме, зато хорошо понимали, что навсегда расстанутся с прежней жизнью.

В этом таинственном мире были свои законы и иное течение времени, отменявшее память, прежние привязанности и привычки. Теперь их жизнь, одежда, пища, мечты, даже имена — все становилось иным.

«Сознание своего исключительного права обладателя и полновластного господина притупило его чувство к своим женам, — писал Джордж Дорис о султанине Абдул-Хамиде. — Поэтому и ищет он, как постаревший сластолюбец, перемены, неожиданности, новизны. ...Однажды утром, узнав о том, что три юные черкешенки только что доставлены в сераль и ждут лишь момента, когда они будут ему представлены, Его Величество спросил, “было ли сделано необходимое” Под этим подразумевались некоторые предварительные формальности: принятие ванны, медицинский осмотр, удостоверение в девственности, перемена наряда, обучение правилам этикета, целованию руки, реверансу и т. п. Дежурный евнух ответил утвердительно и, довольный собой, прибавил, что он в тот же день одел

девушек во все новое. “В таком случае, — сказал султан, — пусть их разденут: я желаю видеть их в их бедности и естественном обличье и хочу, чтобы так было и впредь”».

Академия любви

Валиде-султан и ее кальфам было чему научить наивных одалисок. Их опыту и мастерству могли бы позавидовать и японские гейши.

Для начала девушек придиричиво «сортировали» и раздавали соответствующим воспитательницам. Те, не мешкая, принимались за дело. Природную красоту девушек необходимо было довести до совершенства и облечь в драгоценную оправу, способную тронуть сердце повелителя.

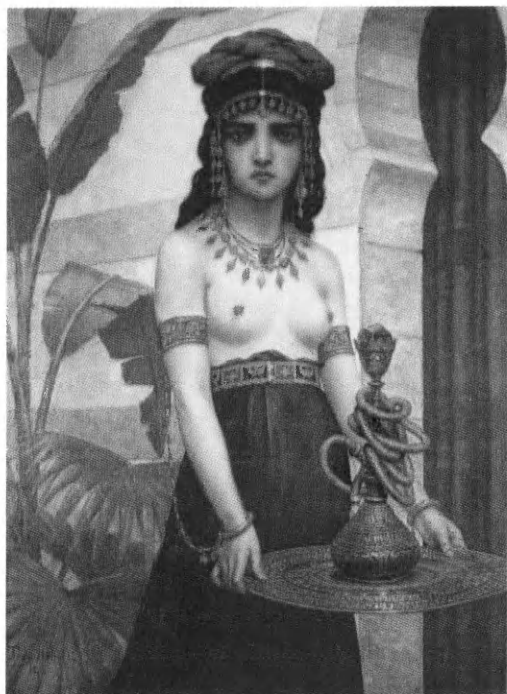
Воспитание в гаремной академии любви диктовалось главной целью — всегда и везде быть готовой услужить повелителю, исполнить любой его каприз. Особым достижением считалось умение вызвать, разжечь этот самый каприз утонченными и изысканными способами.

При дворе бухарского эмира наложниц по три месяца обучали гаремным премудростям, умению угождать повелителю и прочим способам разбудить в нем желания. Это было жизненно важной наукой, потому что при дворе было еще три сотни красавиц, жаждавших внимания эмира.

В Индии этим наукам посвящались многочисленные трактаты. Там существовали целые касты гетер. «Подобно античным гетерам, кроме любовных утех они должны были также доставлять своим обожателям изысканные эстетические удовольствия, — пишет Георгий Зограф в предисловии к роману Мирзы Русва «Танцовщица», — поэтому обучению гетер уделялось очень большое внимание. Лучшие из них своим умственным развитием, талантами и образованием могли соперничать с представительницами высших классов общества. Вот как описывает воспитание гетеры знаменитый индийский поэт середины первого тысяче-

А. Бида. Знатная египтянка. 1844 г.

П. Труйебер.
Служанка гарема.
1874 г.

Р. Эрнст.
Часы досуга в гареме.
Около 1900 г.

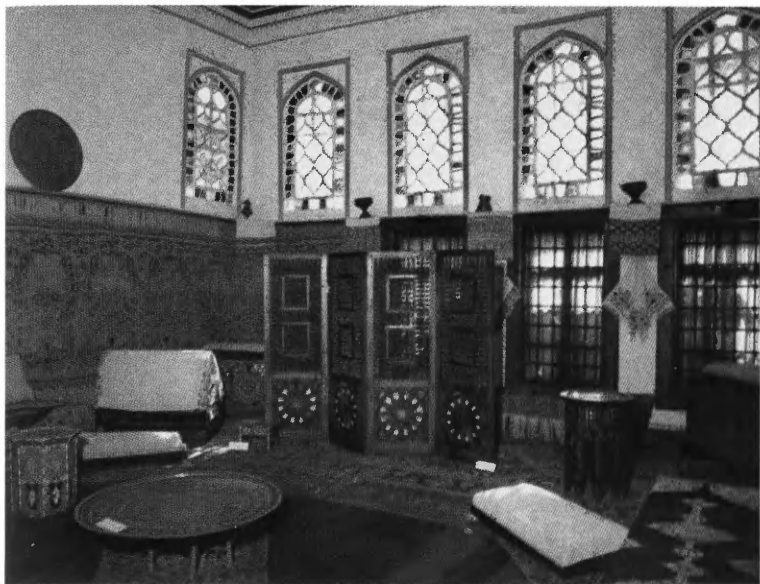

Гостиная в гареме. Ханский дворец в Бахчисарае.

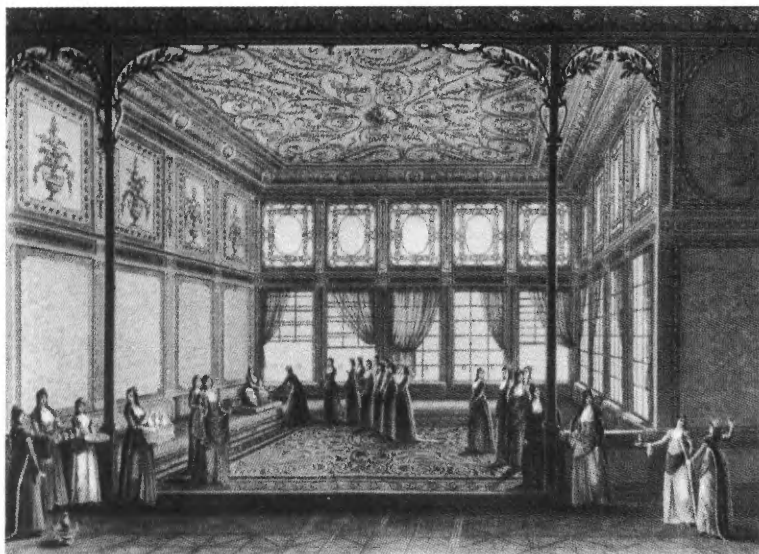
К. Брюллов. Бахчисарайский фонтан. Фрагмент. 1838—1849 гг.

Комната в гареме. Ханский дворец в Бахчисарае.

Убранство комнаты крымско-татарской невесты в бахчисарайском дворце.

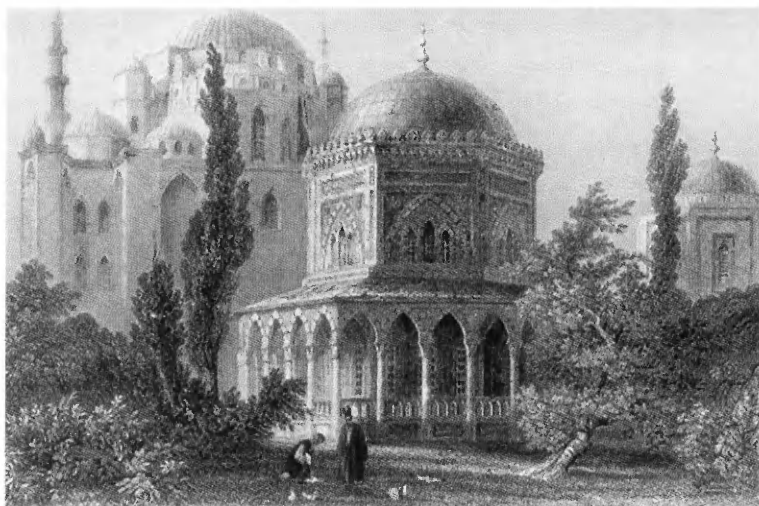
А. Меллинг. Салон сестры султана. 1809 г.

Ш. Шанмартен. Турчанки на кладбище. 1837 г.

А. Бида. Женщина в покрывале. 1844 г.

Мавзолей
Сулеймана
Великолепного
и Роксоланы.

Ж. Ф. Жанине.
Жюстина Фавар
в роли Роксоланы
в пьесе
«Три султанши».
XVIII в.

Д. Ф. Льюис. Жизнь в гареме. 1857 г.

Э. Делакруа.
Женщина
из Марокко.
1832 г.

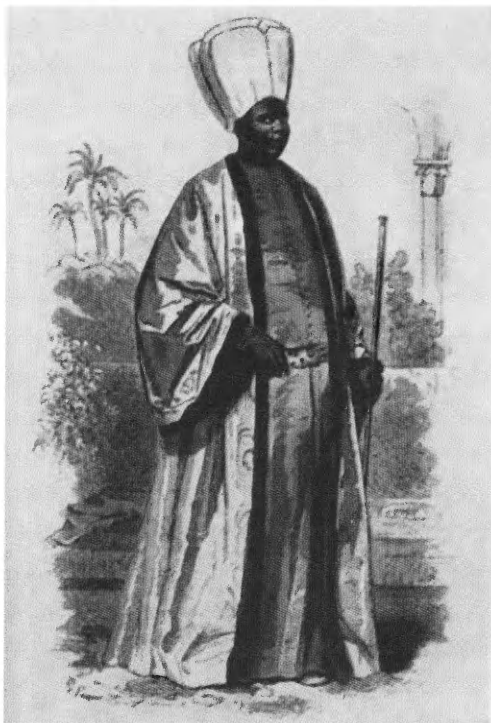

Ж. Б. Илер.
В гареме.

А. Бида. Женщина с дарабуккой. 1844 г.

Ван Мур. Евнух.

Ж. О. Д. Энгр.
Одалиска и рабыня.
1839 г.

Э. Делакруа. Смерть Сарданапала. *Фрагмент.* 1832 г.

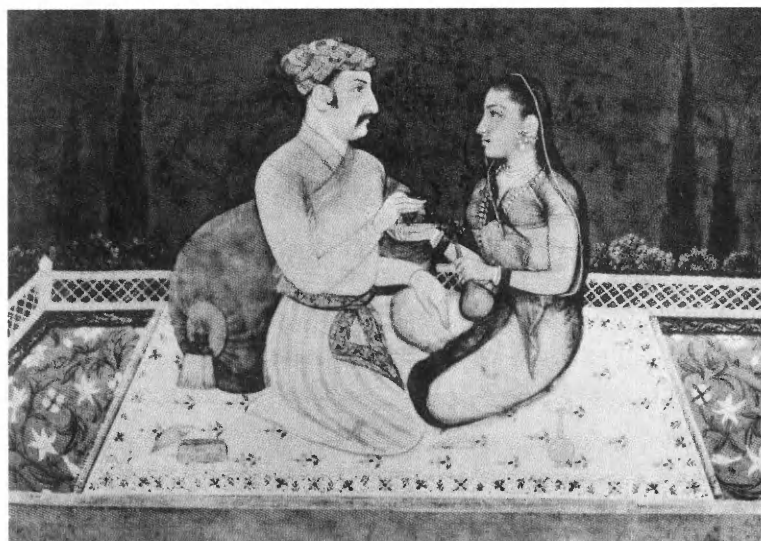

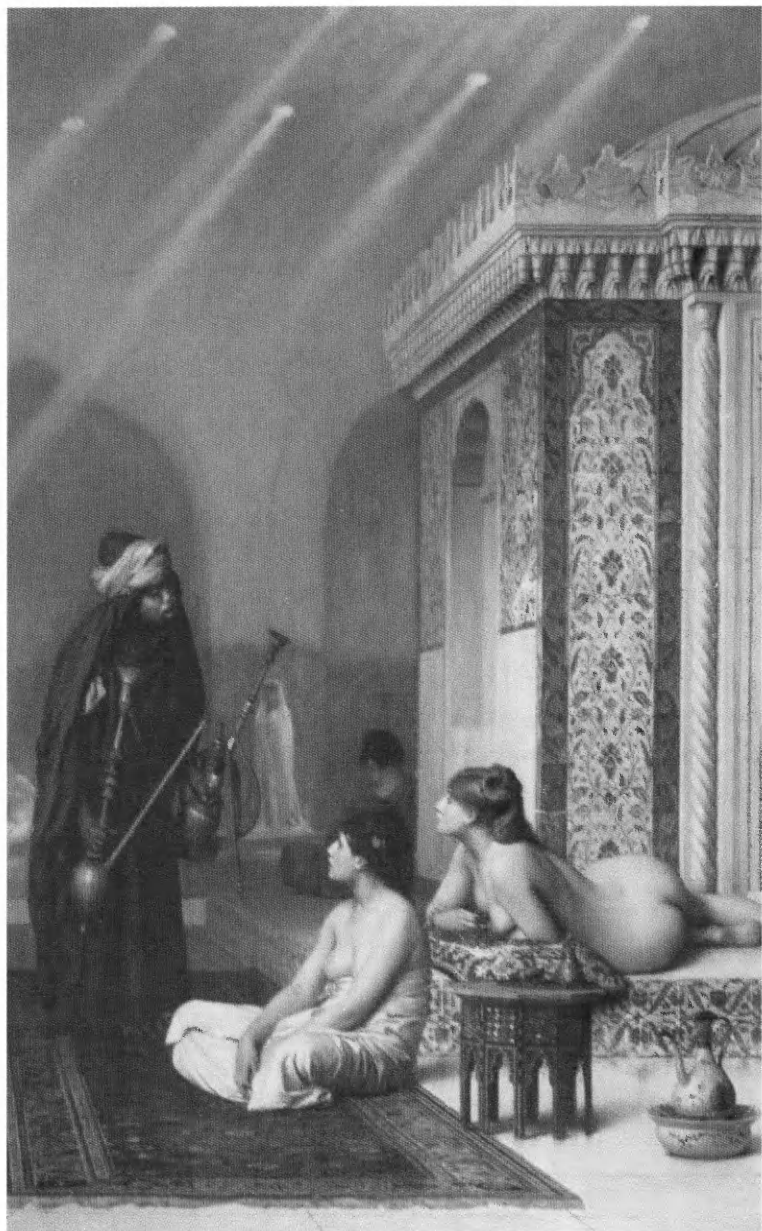
Госпожа, служанки и музыкантша. Могольская школа. XVII в.

Сцена в гареме. *Могольская школа. XVII в.*

Знатный вельможа с девушкой. *Могольская школа. XVII в.*

Ж. Л. Жером. Бассейн в гареме. 1876 г.

летия нашей эры Дандин: ...Преподают науки, имеющие то или иное отношение к любви, и все, что к ним относится. Основательно изучаются танцы, пение, игра на инструментах, театр, живопись, приготовление сладостей, духов и искусство составления букетов и гирлянд. Изучаются также основательно письмо и ловкость в разговоре. Науки: грамматика, логика и астрономия изучаются поверхностно, только настолько, чтобы знать, о чем идет речь»».

Основой индийской науки любви была, конечно, «Камасутра». Постигшие тонкости этого трактата дамы знали, как сделать так, чтобы повелитель не только наслаждался красавицей, но и обретал в любви новые силы и мудрость, а не лишался и того и другого, как полагали непосвященные.

Древневосточные трактаты и наставления содержат множество знаний и поучений, в том числе медицинских. К примеру, существует наука лечения любовью, в которой раскрываются секреты исцеления с помощью наложниц. Причем список поддающихся лечению недугов огромен. В богато иллюстрированных трактатах демонстрируется, как выправлять позвоночник, укреплять нервную систему, очищать кровь и т. д.

В Китае искусству любви всегда уделялось особое внимание. Древний трактат о любовной науке «Руководство Чистой Девы» популярен и по сей день. Кроме того, в покоях знатных особ всегда находились иллюстрированные руководства, помогавшие постигать любовные таинства.

О сыне князя Чу Хаояне (времена династии Хань) Роберт ван Гулик пишет: «Он приказал расписать стены зала картинами, на которых были изображены в голом виде мужчины и женщины во время совокупления, он также заставлял своих родственников, как мужчин, так и женщин, принимать в этом зале участие в пирушках. Именно поэтому в более поздних китайских литературных источниках он упоминается — и вполне справедливо — как основоположник эротических картин».

Движения и жесты

Одной из главных наук, преподаваемых в серале, было умение красиво и грациозно двигаться. Привычные способы сменялись утонченными, а большей частью прививались новые. Стоять, сидеть, приближаться к повелителю или его ложу, подавать кофе или кальян, отводить глаза, принимать подарки — премудростей было много. И все это следовало делать с особым изяществом и вместе с тем томным кокетством, с тенью священного ужаса и едва скрываемой страстностью. Многочисленные нюансы зависели от настроения повелителя, времени суток, места действия или времени года.

Джордж Дорис перечисляет древние искусства, которые следовало постичь будущим одалискам: «Сладострастная гармония позы, походки и жеста; мелодичное пение и томный танец, поэтичная и цветистая речь, тонкая интонация, красноречивая нежность взгляда, привлекательная мягкость манер, сладостные ласки, одним словом, все, что самый блестящий изыск может прибавить к женскому очарованию».

В «Гяуре» Джордж Байрон рисовал образ гаремной красавицы:

А ножки нежные стояли
На белом мраморе... Блестали
Они, как чистый снег в горах,
Когда, рожденный в облаках
И не успевший загрязниться,
На землю мягко он ложится,
И, дивной грации полна,
Как лебедь по водам, она
Походкой двигалась прелестной.
...В ней все гармонией дышало,
Любовью нежной трепетало.

В «Тысяче и одной ночи» красавица описана так: «Посмотрев, он увидел больше чем двадцать невольниц, подобных месяцам, окружавших ту девушку, а она среди них была, как луна меж звезд. И они заслоняли эту девушку, на которой была царская парча, а стан ее был повязан затканым поясом, шитым разными драгоценными камнями, и этот пояс сжимал ее

бока и выставлял ее ягодицы, так что они были подобны холму из хрусталя под веткой из серебра, а груди ее походили на пару плодов граната.

И когда Шарр-Кан увидел это, его ум едва не улетел от радости, и забыл он свое войско и своего визиря. И он всмотрелся в ее голову и увидел на ней сетку из жемчужин, перемежающихся с разными драгоценными камнями, и невольницы справа и слева от нее принимали ее позы, а она кичливо покачивалась».

Речь

Язык в серале тоже был особенный, не вполне понятный простому люду. Мимика, жесты, условности, которыми пользовались обитатели гарема, подчеркивали их принадлежность к особой гаремной касте.

Особенно ценилось умение слагать стихи и петь.

Похоже, ученицы хорошо усваивали уроки своих кальф-поэтесс, потому что известно множество сочинений наложниц из разных стран, вошедших в историю мировой поэзии. Но можно лишь догадываться, сколько безызвестных героинь «Пигмалиона» или восточных Саффо скрыли от мира высокие стены сералей.

Одеяния

По сравнению с окружающим миром, гарем мог показаться царством свободы и раскрепощенности. Здесь не скрывали лиц и прочих прелестей. Напротив, подчеркивать и даже преувеличивать все свои достоинства было прямой обязанностью их обладательниц. И мужья всегда имели беспрепятственную возможность наслаждаться красотой своих супругов.

Но как только обитательница гарема, хотя бы ненадолго, выходила за его пределы, все менялось.

«Мы надели наши фераджи и бурко, род капюшона, с прорезанными для глаз отверстиями, покрывающего голову, лицо и шею, — вспоминала Мелек-ханум свою поездку по Каиру. — Женщины нигде так тщательно не скрывают своего лица, как в Египте; везде в других

местах они набрасывают на лицо лишь яшмак, род легкой газовой вуали. Мы сели в карету, решетки которой были настолько тонки, что позволяли свободно видеть все, и поехали во дворец Ибрагима-паши...»

Паранджа, чадра, яшмак и всевозможные вуали стали символами восточных женщин. Эти закрывающие лица одеяния порой представляются неким варварским обычаем, унижающим человеческое достоинство. Но так ли это было на самом деле, особенно в прошлые века?

Как известно, ни одна религия не рекомендует женщинам ходить с непокрытой головой. Без платка нельзя и теперь войти в церковь, синагогу или мечеть. Слово «опростоволоситься» изначально выражало как раз то, что женщине неприлично ходить без платка.

А что касается чадры или паранджи, то, оказавшись на Востоке, под его знойным солнцем, многие европейки предпочтут местную традицию, потому что увидят в ней не столько притеснение, сколько заботу о сохранении свежести лица. Сомневающиеся могут испробовать на себе силу южного солнца, быстро превращающего самое ухоженное личико в проблему для его обладательницы. Не говоря уже о песчаных бурях, затяжных ветрах и надоедливых насекомых. Здесь бесильны даже темные очки.

Европейские путешественники быстро поняли, что внешняя закрытость восточных женщин имеет и свои особые преимущества. В Европе считается неприличным глядеть по сторонам, и особенно на чужих мужчин, тем более в присутствии собственного мужа. В этом смысле закрывающая лицо, но на самом деле прозрачная чадра открывает любопытным дамам широкие возможности. К тому же и эти детали одежды имели свои моды, стили и украшения.

«Свободная по рождению женщина имеет право выходить из дома и наносить визиты, — писал Жерар де Нерваль. — Власть мужа ограничивается лишь тем, что он велит рабыням сопровождать жен, но это тщетная предосторожность, поскольку женам ничего не стоит взять рабыню в сообщницы или, переодевшись,

улизнуть из бани или из дома подруги, пока сопровождающие ждут их у дверей. Покрывало и одинаковые одежды и впрямь предоставляют им больше свободы, чем европейским женщинам, склонным плести интриги. Забавные истории, которые вечерами рассказывают в кофейнях, часто повествуют о приключениях любовников, когда мужчины переодеваются в женское платье, чтобы проникнуть в гарем. Воистину, нет ничего проще, хотя добавим, что подобные истории порождены скорее воображением арабов, нежели турецкими нравами, уже два столетия царящими на Востоке. Мусульманин вовсе не склонен к адюльтеру и счел бы для себя оскорбительным любить женщину, которая ему не принадлежит».

Руки женщин были закрыты перчатками. Обувь, как правило, была без задников. Костюм дополняли различные дорогие украшения: веера, тросточки, зонтики, зеркальца и т. д.

Поначалу разнообразие загадочных одеяний поражало путешественников. Но очень скоро они научались «видеть» женщин и под этими покрывалами: молодая ли, красива ли...

Восточные дамы отнюдь не были чужды веяниям моды, даже иноземным. Одалиски из разных стран света неизбежно оказывали влияние на гаремные костюмы, а модные журналы поступали в гаремы постоянно и в пугающих количествах.

«Если бы европеец смог каким-то чудом проникнуть в сераль султана, не будучи предупрежден о том, в какое место он попал, он в первый момент посчитал бы, что видит перед собой европейских дам, собравшихся на феминистский конгресс, — писал Джордж Дорис. — В самом деле, туалеты этих дам по своей форме и покрою все больше и больше приближаются к образцам тиранической парижской моды.

...Одно время каждая из них старалась так подобрать свое платье, чтобы оно сочеталось с муслиновыми энтари, которые носил султан. И когда Его Величество надевал розовое энтари, все эти дамы, готовясь принять его, тоже одевались в розовое. Однако

господин, неизвестно почему, усмотрел что-то дурное в этом кокетливом обычае и формально запретил его».

Теофиль Готье описывает наряды обычных турчанок: «Ханум была нарядно одета: у турчанок принято одеваться дома пышно, особенно если они ждут гостей. Ее черные волосы, заплетенные во множество мелких косичек, рассыпались по плечам. На голове сверкала, словно алмазный шлем, маленькая, небесно-голубая атласная тюрбетейка, которую почти целиком покрывали нашитые на нее бриллианты изумительно чистой воды. Этот великолепный убор очень шел к ее строгой и благородной красоте, блестящим черным глазам, тонкому орлиному носу, алому рту, удлинённому овалу лица и всему надменно-благодарному облику знатной особы.

Длинную шею украшало кольцо из крупного жемчуга, а запахнутый ворот шелковой рубашки приоткрывал маленькую грудь — форма ее была прелестна и не нуждалась в корсете, неудобства которого неведомы восточным женщинам. На ней было атласное гранатового цвета платье, открытое спереди, наподобие мужской шубы, с боковыми разрезами до колен и со шлейфом, точно придворное одеяние. Оно было обшито белой лентой, присобранной кое-где в сборки. Персидская шаль стягивала в поясе широкие шальвары из белой тафты, прикрывавшие желтые сафьянные бабуши, от которых виден был лишь носок, загнутый сверху, как у китаянок.

...Те, у кого красивые руки, умеют как бы невзначай показать тонкие, крашенные хной пальцы. Есть способы сделать непроницаемым или прозрачным муслин яшмака, удваивая складки или укладывая их в один слой; можно чуть приподнять или опустить несносную маску, сделать шире или уже щель между нею и головным убором. Между двумя этими белыми покровами блестят, как черные алмазы, как агатовые звезды, самые восхитительные в мире глаза, еще более яркие от подведенных век и словно вобравшие в себя всю выразительность лица, наполовину скрытого».

Жены и фаворитки султана никогда не появлялись перед ним в одном и том же платье. Султан и сам лю-

бил менять наряды. Отправленные в отставку костюмы поступали в распоряжение слуг.

Гаремные правила регулировали и повседневные наряды наложниц. Как писал Осман-бей, «обычай требует, чтобы никто во дворце не носил шуб, шалей, кофт и проч., и чтобы полудекольтированное платье было форменной одеждой. Единственные лица, имеющие право тепло одеваться и кутаться сколько угодно, это принцессы крови и жены султана. В силу этого закона все кальфы, ученицы и пр. должны проходить по залам и большим мраморным лестницам по сквозному ветру в одной легкой энтари на плечах. Летом подобный этикет не представляет неудобств, но зимой он может иметь печальные последствия для здоровья бедных девушек, которые иногда часами ожидают приказаний какой-нибудь султанши. И действительно, как говорят, зимой случаи заболевания горлом и грудью чрезвычайно часты в серале».

На картинах, посвященных гаремной жизни, мы действительно видим наложниц в весьма декольтированных нарядах, что за пределами сераля вызвало бы бурю общественного негодования.

В «Тысяче и одной ночи» описан особый ритуал открывания невесты в семи платьях:

«А затем певички забили в бубны и засвистали в свирели, — и появились прислужницы, и посреди них дочь везиря; ее надушили и умастили, и одели, и убрали ей волосы, и окурили ее, и надели ей украшения и одежды из одежд царей Хосроев. И среди прочих одежд на ней была одежда, вышитая червонным золотом, с изображением зверей и птиц, и она спускалась от ее бровей, а на шею ее надели ожерелье ценою в тысячи, и каждый камешек в нем стоил богатства, которого не имел тобба и кесарь. И невеста стала подобна луне в четырнадцатую ночь, а подходя, она была похожа на гурию; да будет же превознесен тот, кто создал ее блестящей! И женщины окружили ее и стали как звезды, а она среди них была словно месяц, когда откроют его облака.

А Бедр-ад-дин Хасан басрийский сидел, и люди смотрели на него; и невеста горделиво приблизилась,

покачиваясь, и горбатый конюх поднялся, чтобы поцеловать ее, но она отвернулась и повернулась так, что оказалась перед Хасаном, сыном ее дяди, — и все засмеялись. И видя, что она направилась в сторону Хасана Бедр-ад-дина, все зашумели, и певицы подняли крик, а Бедр-ад-дин положил руку в карман и, взяв горсть золота, бросил ее в бубны певицам; и те обрадовались и сказали: “Мы хотели бы, чтобы эта невеста была для тебя” И Хасан улыбнулся.

...И прислужницы открыли ее в первом платье, и Хасан уловил ее облик, и она принялась кичиться и покачиваться от чванства и ошеломила умы женщин и мужчин, и была она такова, как сказал поэт:

Вот солнце на тростинке над холмами
Явилось нам в гранатовой рубашке.
Вина слюны она дала мне выпить
И, щеки дав, огонь яркий погасила.

И это платье переменили и одели ее в голубую одежду, и она появилась словно луна, когда луна засияет, с волосами как уголь, нежными щеками, улыбающимися устами и высокой грудью, с нежными членами и томными глазами. И ее открыли во втором платье, и была она такова, как сказали о ней обладатели возвышенных помыслов:

В одеянье она пришла голубом к нам,
Что лазурью на свет небес так похоже,
И увидел, всмотревшись, я в одеянье
Месяц летний, сияющий зимней ночью.

Затем это платье переменили на другое и укрыли ее избытком ее волос и распустили ее черные длинные кудри, и их чернота и длина напоминали о мрачной ночи, и она поражала сердца колдующими стрелами своих глаз.

И ее открыли в третьем платье, и она была подобна тому, что сказал о ней сказавший:

Вот та, что закутала лицо свое в волосы
И стала соблазном нам, а кудри — как жало.
Я молвил: “Ты ночью день покрыла” Она же: “Нет!
Покрыла я лик луны ночной темнотою”.

И ее открыли в четвертом платье, и она приблизилась, как восходящее солнце, покачиваясь от чванства и оборачиваясь, словно газель, и поражала сердца стрелами из-за своих век, как сказали о ней:

О, солнце красы! Она явилась взирающим
И блещет чванливостью, украшенной гордостью.
Лишь только увидит лик ее и улыбку уст
Дневное светило — вмиг за облако скроется.

И она появилась в пятой одежде, подобно ласковой девушке, похожая на трость бамбука или жаждущую газель, и скорпионы ее кудрей ползли по ее щекам, и она являла свои диковины и потряхивала бедрами, и завитки ее волос были не закрыты, как сказали о ней:

Явилась она как полный месяц в ночь радости,
И члены нежны ее и строен и гибок стан,
Зрачками прелестными пленяет людей она,
И жалость ланит ее напомянит о яхонте.
И темные волосы на бедра спускаются, —
Смотри берегись же змей, волос ее вьющихся.
И нежны бока ее, душа же ее тверда,
Хотя и мягки они, но крепче скал каменных.
И стрелы очей она пускает из-под ресниц
И бьет безошибочно, хоть издали бьет она.
Когда мы обнимемся и пояса я коснусь,
Мешает прижать ее к себе грудь высокая.
О, прелесть ее! Она красоты затмила все!
О, стан ее! Тонкостью смущает он ивы ветвь!

И ее открыли в шестой одежде, зеленой, и своей стройностью она унизила копье, прямое и смуглое, а красотой своей она превзошла красавиц всех стран и блеском лица затмила сияющую луну, достигнув в красоте пределов желания. Она пленила ветви нежностью и гибкостью и пронзила сердца своими прекрасными свойствами, подобно тому, как сказал кто-то о ней:

О, девушка! Ловкость ее воспитала!
У щек ее солнце свой блеск зеленый —
Явилась в зеленой рубашке она,
Подобной листе, что гранат прикрывает.
И молвили мы: «Как назвать это платье?»
Она же, в ответ нам, сказала прекрасно:
«Мы этой одеждой пронзали сердца
И дали ей имя «Пронзающая сердце»».

И ее открыли в седьмой одежде, цветом между шафраном и апельсином, как сказал о ней поэт:

В покрывалах ходит, кичась, она, что окрашены
Под шафран, сандал, и сафлор, и мускус, и амбры цвет.
Тонок стан ее, и коль скажет ей ее юность: “Встань!”
Скажут бедра ей: «Посиди на месте, зачем спешить!»
И когда я буду просить сближенья и скажет ей
Красота: “Будь щедрой!” — чванливость скажет:
“Не надо!” — ей.

...И ее стали открывать во всех семи платьях, до последнего, перед Бедр-ад-дином Хасаном басрийским, а горбатый конюх сидел один; и когда с этим закончили, людям разрешили уйти, — и вышли все, кто был на свадьбе из женщин и детей, и никого не осталось, кроме Бедр-ад-дина Хасана и горбатого конюха. И прислужницы увели невесту, чтобы снять с нее одежды и драгоценности и приготовить ее для жениха».

Что касается обуви и вообще женских ног, то здесь особое место занимает знаменитая китайская традиция бинтования ступней. Роберт ван Гулик пишет:

«Со времени династии Сун очень маленькие остроконечные ступни стали обязательным атрибутом красивой женщины, и постепенно этот обычай положил начало особой науке о ступнях и обуви. Маленькие ноги женщин стали считаться их самым интимным местом, символом женственности и наиболее сильным центром сексуальности. На эротических картинах времен династии Сун и позднее женщины изображались полностью обнаженными, и даже их наружные половые органы изображались со всеми подробностями, но мне никогда не приходилось видеть или читать о картине, где женщина была бы изображена с неперевязанными ступнями. Изображение этой части тела женщины было строго запрещено. Самое большее, на что мог пойти художник, — это нарисовать женщину завязывающей или развязывающей повязки на ступнях. Такой же запрет распространялся и на изображение голых женских ног, единственное исключение составляли женщины-божества, такие как Гуаньинь. Исключение составляли картинки босоногих служанок».

Украшения

Как и теперь, драгоценности были самыми желанными спутниками женщин. В сералях украшения полагались наложницам «по службе», а кроме того преподносились в дар их повелителем или гостями сераля, желавшими угодить валиде-султан.

Подарки и приданое мусульманок и сегодня остаются их безусловной собственностью на всю жизнь. Даже при разводах они не делятся и муж не имеет на них никаких прав.

Украшения жен и фавориток наносили весомый ущерб государственной казне, которая тем не менее покорно оплачивала все эти безумные траты.

Наряды и украшения египетских красавиц описала Мелек-ханум:

«Все это собрание представляло очаровательное зрелище. В комнате размещалось около сотни женщин, все почти смуглые, молодые, красивые и одетые в самые нарядные костюмы. Многие из них отличались огромными косами; у других на плечах надеты были что-то вроде поясов, составленных из восьми или десяти штук больших золотых монет; у некоторых по обе стороны лица висели кисти из крупного жемчуга; у арабских женщин в украшениях играют точно такую же важную роль жемчуг и золотые монеты, как у турчанок бриллианты. Бряцание золотых монет при каждом движении голов или тела, разнообразие и блеск цветов их костюмов, различные виды их трубок, то зеленых, то красных, то голубых, — все это вместе взятое придавало особенно интересный характер этому обществу».

Косметика

В искусстве украшать себя и своих подопечных гаремным кальфам не было равных. Это почетное искусство передавалось по наследству, секреты его старались сохранить в тайне. Всевозможные растения, плоды, минералы, ароматические масла и смолы, экзотические благовония давали безграничный простор

фантазиям и экспериментам. Без этих даров Азии и сегодня немислима парфюмерная промышленность мира, корни которой уходят в «лаборатории» восточных сералей.

В гаремах умели все — изменять цвет волос, губ и даже глаз. Удалить ненужное и создать недостающее. Заставить кожу соперничать с атласом и превратить дыхание в благоухание цветущего сада.

Очень популярны в гаремах были сурьма и хна. Сурьмой не только украшали, но и лечили глаза. Хной, как и сегодня, красили волосы, руки, ногти и некоторые другие части тела.

В результате, как писал Джордж Байрон:

И рай меня в объятья звал,
И пламень ждал бы под ногами.
Кто любовался только раз
Леилы грустными очами,
Тот усомнился в тот же час,
Что бедных женщин назначенье
Служить орудьем наслажденья,
Что нет души у них в телах.
Сияньем бога в небесах
Был полон взор ее прекрасный,
Ланит ее румянец ясный
С цветком граната спорить мог,
И волосы до самых ног
Душистой падали волною,
Когда, блистая красотою,
Леила распускала их
Среди прислужниц молодых...

Лица и тела прелестниц украшались золотыми блестками, смешанными с ароматными кремами.

Бедуинки украшают свои лица затейливыми татуировками и в наши дни.

Ароматы и благовония

Гаремные дивы источали всевозможные ароматы. Стараясь не потеряться среди множества очаровательных гурий, наложницы искали свой неповторимый и привлекательный запах.

В гаремах высоко ценилось искусство составления букетов, умение использовать особый смысл и на-

значение каждого цветка или их комбинаций. Создавались целые поэмы, которые можно «читать», созерцая вдохновенно составленный букет или икебану. Кроме формы и цвета, цветы обладают еще одним важнейшим свойством — неповторимым запахом. Аромат искусно подобранного букета мог сотворить чудо.

Способностью запахов настраивать людей на определенный лад пользовались еще древние жрецы. Цветочные одеколоны и духи, масла и настойки, кремы и бальзамы придавали женским достоинствам чудесные оттенки и использовались ими с незапамятных времен. И не секрет, что запахи цветов не только наполняют чувство влюбленности неповторимым очарованием, но и способны привлекать мужчин и женщин друг к другу.

Многовековой опыт гаремных обольстительниц говорил о том, что розы покровительствуют любви. Без них не обходилась ни одна романтическая история.

Розмарин и жасмин разжигали любовную страсть и умножали силы.

Лаванда, цикламены и резеда придавали отношениям утонченное очарование.

Красота цветов имела и другую, тайную силу. Красные розы, например, притягивали мужчин, а фиолетовые ирисы — женщин. Кроме того, приятные с виду цветы могли играть и отвращающую роль, чем с успехом пользовались ревнивые наложницы.

На Востоке издавна применялись разнообразные свечи, в состав которых вводились мускус, амбра, лаванда и другие ароматические вещества. Эти свечи источали неповторимый аромат, создававший атмосферу ожидания любви.

Особыми ароматными курениями пропитывали также волосы и одежду.

О том, как ценились благовония, говорят и сказки «Тысячи и одной ночи», где описывается визит Али-Бабы в знаменитую пещеру разбойников:

«Али-Баба перешел в комнату благовоний, духов и курений — а это была последняя комната — и нашел в ней все лучшие сорта и прекрасные разновидности

вещей этого рода. Там веяло алоэ и мускусом и пахло запахом амбры и цибета, по комнате разносилось благовоние недда и всяких духов, и она благоухала шафраном и прочими ароматами. Сандал валялся там, как дрова для топки, и мандал лежал, словно брошенные сучья. Увидев эти богатства и сокровища, Али-Баба оторопел, и ум его был ошеломлен, и разум у него помутился».

Бани

Лучшими косметическими кабинетами были гаремные бани — хамамы.

Турецкие бани — это особый мир. Познавшие их целебную силу, не променяют эти удивительные заведения ни на какие другие. Центральный зал одной из таких бань, построенной во времена турецкого владычества и до сих пор еще существующей в Будапеште, включает круглый бассейн, окруженный бассейнами поменьше, в которые водопадами низвергаются минеральные воды с разными свойствами и температурой.

Персональные, самые роскошные бани были у падишаха и у валиде-султан.

«Баный зал султана — маленькое чудо, — пишет Теофиль Готье. — ...Он выстроен в мавританском стиле из египетского алебаstra с лентообразным орнаментом, и все в нем кажется высеченным из одного огромного самоцвета: колонки с расширяющимися капителями, аркады в форме сердечка, свод, озаряемый игрой хрусталя и сверкающий так, словно он бриллиантовый. Какое наслаждение, должно быть, предаваться неге на этих плитах, прозрачных, точно агаты.

...Традиция античных терм, утраченная у нас, сохранилась на Востоке. Христианство, проповедуя презрение к материи, постепенно отучило людей от заботы о своем бренном теле, чересчур отдающей язычеством. На Востоке же, где чистота тела есть религиозный закон, бани сохранили всю античную изысканность».

Александр Сергеевич Пушкин в «Бахчисарайском фонтане» описывает сцену купания обитательниц гарема:

...Раскинув легкие влася,
Как идут пленницы молодые
Купаться в жаркие часы,
И льются волны ключевые
На их волшебные красы,
Забав их сторож неотлучный,
Он тут; он видит, равнодушный,
Прелестниц обнаженный рой...

Чтобы не обжечь ноги о горячий пол и уберечь их от нечистот, дамы ходили в деревянных сандалиях на высоких подставках.

Окутанные туманом, насыщенным пьянящими благовониями, парильщицы, массажистки, множество других мастериц холили свою изнеженную клиентуру, умащивали их великолепные тела.

Владельцы же гаремов имели обыкновение тайно любоваться своими живыми сокровищами. Наложницы это хорошо знали и принимали меры, чтобы извлечь из этих «смотрин» пользу.

Но приглашение наложницы в альков господина означало не только желание удовлетворить прихоть. Чаще других владыку посещали дамы, в тонкостях знавшие искусство массажа.

Волшебные прикосновения опытных наложниц способны были успокоить, отвлечь от государственных забот, пробудить угасающие чувства и распалить страсть.

При массаже применялись специальные масла для растирания, ароматические свечи, разогретые или, напротив, охлажденные драгоценные камни и минералы, а также другие приспособления.

В особых уютных кабинетах утомленные дамы отдыхали, курили наргыле, пили кофе и лимонад, лакомились изысканными яствами, обменивались новостями и сплетнями. И... оценивали своих соперниц.

Повсюду и за всеми наблюдали евнухи, пресекавшие любые признаки порочных соблазнов, если такие возникали между дамами.

«Халиф на час» чуть было не лишился разума, попав в купальню владыки:

«После этого его привели в четвертую комнату, еще больше и роскошней прежних — а солнце было уже на закате, — и он увидел в этой комнате три золотых подсвечника, украшенных драгоценными камнями, а в подсвечниках — камфарные свечи. И там тоже были невольницы, восхитительней всех, каких он видел, и каждая держала в руках какой-нибудь музыкальный инструмент, и, когда Абу-ль-Хасан вошел к ним, они поднялись, и ударили по струнам, и завели напевы, ошеломляющие разум. И Абу-ль-Хасан посмотрел и вдруг видит: перед ним столик, весь из чистого золота, над бассейном тоже из чистейшего золота, а вокруг бассейна чаши и в чашах вместо воды — чистое вино. И Абу-ль-Хасан обрадовался и возликовал».

Экзамены

«Обучение обычно длится два года, — писал Джордж Дорис. — И заканчивается торжественным экзаменом, который принимает валиде-султан. Каждая из ее милых учениц должна к этому времени постичь все тонкости службы, которую ей предстоит выполнять: уметь наклонять перед султаном розовый кувшин с ароматной водой, подносить ему туфли и белье, подавать ему его любимые напитки. Она должна быть в курсе его антипатий и пристрастий, знать его прихоти и желания, прежде чем принести ему в жертву свою едва расцветшую красоту.

Юная одалиска обычно достигает брачного возраста к моменту окончания своего обучения. Ей, созревшей для султанского алькова, остается отныне ожидать в гареме, пока каприз господина в один из его визитов не соблаговолит остановиться на ней».

В одной из сказок Шехерезады говорится: «Знай, что я наложница повелителя правоверных и мое имя Куталь-Кулуб. Повелитель правоверных воспитал меня в своем дворце, и я выросла, и халиф увидал мои качества, и красоту, и прелесть, которую даровал мне Господь, и полюбил меня сильной любовью.

И он взял меня и поселил в отдельном помещении, и назначил десять невольниц прислуживать мне,

и подарил мне эти украшения, которые ты видишь на мне».

Александр Сергеевич Пушкин в «Бахчисарайском фонтане» так описывает результаты гаремного обучения:

Я в безмятежной тишине
В тени гарема расцветала
И первых опытов любви
Послушным сердцем ожидала.
Желанья тайные мои
Сбылись. Гирей для мирной неги
Войну кровавую презрел,
Пресек ужасные набеги
И свой гарем опять узрел.
Пред хана в смутном ожиданье
Предстали мы. Он светлый взор
Остановил на мне в молчанье,
Позвал меня... и с этих пор
Мы в непрерывном упоенье
Дышали счастьем...

Очередность посещения жен

Султан был обязан посещать своих главных жен раз в неделю, в строгой последовательности, за которой наблюдал главный евнух. Жены могли меняться «очередью», если были нездоровы или делали вид, что у них недомогание, и уступали «в долг» свою очередь другой жене. В остальные дни султан ничем себя не ограничивал.

Эмир Бухары выбирал девушку, попивая чай в особой беседке у бассейна, в котором плескались юные гурии. Но когда эмир не был уверен, которой из них отдать предпочтение, он предоставлял это на волю случая. У эмира было золотое яблоко, которое он бросал одалискам, и та, в чьих руках оказывалось яблоко, становилась на этот раз его избранницей.

Ту, кому достался золотой жребий, умащивали особыми маслами и одевали в роскошные наряды. На вечернем пиру она танцевала последней из одалисок, и когда заканчивала танец, соперниц вокруг уже не было.

В гаремах существовал и такой обычай: муж посылал букет цветов той из своих жен, с которой хотел провести ночь.

В «Тысяче и одной ночи» читаем: «А вместе с этим у него было триста шестьдесят наложниц, по числу дней в году у коптов, и эти наложницы были из всех народов, и он устроил для каждой из них комнату (а эти комнаты были внутри дворца), и выстроил двенадцать дворцов, по числу месяцев в году, и сделал в каждом дворце тридцать комнат, так что всех комнат стало триста шестьдесят. И он поселил этих невольниц в тех комнатах и назначил каждой из наложниц одну ночь, которую он проводил у нее, и он приходил к ней только через целый год, и так он провел некоторое время».

А Ленид Васильевич Соловьев в книге «Ходжа Насреддин» пишет: «Перед его мысленным взором вставали кокандские площади, мечети, базар, ханский дворец с обнесенным высокой стеной гаремом, где томились, по слухам, двести тридцать семь жен — по одной на каждый день года, не считая постов». Правильнее было бы написать не жен, а наложниц, но дела это не меняет.

В комментариях к роману «Цветы сливы в золотой вазе...» Борис Рифтин рассказывает, что император Юань-ди поручил известному художнику Мао Янь-шоу нарисовать портреты своих многочисленных жен и наложниц:

«По этой своеобразной картотеке государь потом выбирал себе подругу на ночь. Все наложницы наперебой давали Мао Янь-шоу взятки, чтобы он сделал их на портретах покрасивее. И только красавица Ван Чжао-цзюнь не пожелала подкупать художника, и он изобразил ее дурнушкой. Впоследствии по портрету государь выбрал ее для того, чтобы отдать в жены гуннскому князю. Когда же государь узрел женщину перед отъездом, он был поражен ее красотой, но сделать уже ничего было нельзя».

Там же говорится о том, что император Ханьский У-ди имел в своем гареме более трехсот красавиц, с которыми он должен был встречаться в строгой очередности.

А Роберт ван Гулик в своей книге пишет: «Постоян-

но возрастающее число женщин в гареме вынуждало вести подробные записи: дату и час каждого удачного сексуального единения, даты менструации каждой женщины и первые признаки беременности. Необходимы были и особые меры, не позволяющие что-либо перепутать. В своей книге “Чуан лоу цзи” “Записки из гардеробной” Чан Пи (около 940 года) утверждает, что, начиная со времени правления Кай-юань (713—741), каждая женщина, которую посещал ночью император, отмечалась клеймом, которое ставилось на руке. Клеймо сопровождалось специальной отметкой-названием “Ветер и луна (то есть сексуальное заигрывание) всегда будут новыми” Такое клеймо втиралось с помощью особой мази, в состав которой входил коричник, что делало его несмываемым (издание “Лун вэй цун шу”, с. 7а). Ни одна из сотен женщин дворца не могла заявить о том, что получила благосклонность императора, не предъявив такое клеймо».

Об индийском варианте деликатных гаремных правил сообщает «Камасутра»:

«Когда царь встает после дневного сна, к нему приходит женщина, которая сообщает царю, какая из жен проведет с ним сегодня ночь. С ней приходят служанки жены, чья очередь пришла, а также тех, кто по разным причинам или по болезни пропустил свою очередь. Служанки кладут перед царем притирания и благовония, присланные этими женами, помеченные отпечатками их колец, и царю сообщают причины, по которым ему прислали эти притирания и благовония. После этого царь выбирает притирание одной из них, этой жене сообщают, что царь выбрал ее, и она готовится.

...Поскольку у царя, как правило, было много жен, обычно он наслаждался ими по очереди. Но бывало так, что некоторые пропускали свою очередь из-за отсутствия царя или из-за нездоровья, в таком случае среди тех, кто пропустил свою очередь, и тех, чья очередь наступила, устраивалось нечто вроде лотереи; участницы посылали царю свои мази, и он, принимая мазь одной из них, решал спор».

ГАРЕМНАЯ МАГИЯ

Привлечь к себе внимание повелителя было непросто, ведь гарем был переполнен красавицами. Поэтому женщины использовали любые средства, чтобы добиться успеха.

Мамед Саид Ордубади писал в романе «Тавриз туманный»:

«Теперь, когда здесь не видно было ни зги, на темных кривых улицах появились женщины из аристократических гаремов. Тут и там мелькали их черные силуэты. Они спешили к цыганкам, чтобы поучиться у них кокетству, умению нравиться мужчинам. Из глинобитных домов доносились звуки музыки... Эти волнующие звуки очаровывали, сердца замирали от восторга, ноги отказывались идти дальше».

Секреты обольщения

Восток всегда был полон тайн и суеверий. Хотя в мусульманских странах магия и колдовство считались делом богопротивным, суеверия были весьма живучи.

Стараясь привлечь к себе мужа, женщины пускались на всевозможные уловки.

Мелек-ханум в своей книге рассказывает, как ей пришлось изготовить любовный талисман для одной из женщин:

«— Вы так добры и умны, — сказала мне однажды одна из них, — что я убеждена, что вы согласитесь сделать мне талисман для внушения паше любви ко мне.

— Вы меня считаете гораздо умнее, чем я есть, ответила я. — Как могу я составить такой могущественный талисман?

— Если захотите, то, наверное, можете это сделать, — настаивала она.

Я увидела, что продолжая отказываться, я только достигну уменьшения ее привязанности, не доказав ей бессмысленности ее просьбы.

— Очень хорошо, моя милая, — сказала я. — Я постараюсь исполнить ваше желание.

Поэтому я на другой день взяла немного истолченного сахара, смешала с солью и положила все в маленький шелковый мешочек, завязанный веревочкой, весьма запутанной и с большим количеством узлов.

— Вот талисман, который вы у меня просили, сказала я, отдавая мешочек. — Сегодня ночью, когда паша будет сидеть у вас и курить, надо тайком развязать шнурок и быстро всыпать содержимое в жаровню.

Она так и сделала.

— Что значит этот треск и дым? — воскликнул паша, услышав треск соли на огне и дым от горящего сахара.

— Вероятно, невольница положила дурных углей в жаровню, — сказала бедная женщина, вся дрожа.

Паша заметил ее расстройство, угадал, что здесь что-нибудь кроется, но не подал вида. Он решился исполнить ее желание и остался с ней на всю ночь. Предоставляю читателю решить, убедилась ли она после этого в могуществе моего волшебства.

Когда я достигла репутации искусной волшебницы, каждая из жен просила меня дать ей какое-либо магическое средство для увеличения любви ее мужа. Одна из них, более честолюбивая, долгое время просила научить ее какому-нибудь волшебству, чтобы сделаться матерью, обещая мне за это весьма значительную сумму.

Я дала ей большой мешок извести, советуя ей чаще ходить в ванну и каждый раз высыпать туда ложку это-

го состава, который имеет особенную силу для достижения требуемого результата. Случилось так, что она действительно забеременела вскоре после этого.

Было бы почти невозможным описать все те нежности, которые она мне расточала. К моему великому удовольствию все эти женщины были вполне убеждены в моем глубоком знании таинственных наук.

Все восточные женщины верят в действенность талисманов, наговоров, амулетов и тому подобных смешных проделок. Таким образом, много женщин и мужчин (так как и последние занимаются этим) живут за счет легковерия себе подобных. Но... бывает... вследствие невежества, а иногда даже недоброжелательства колдунов и колдуний, приходится испытывать серьезные последствия, а подчас можно и умереть от съеденной по совету этих плутов какой-нибудь... вредной смеси».

О ревности гаремных женщин, об их вечной готовности к интригам, к использованию всевозможных таинственных сил, магических приемов и колдовства писал и Осман-бей:

«Когда уже все средства истощены, то женское самолюбие все-таки не позволяет сознаться, что чарующая красота ее соперницы восторжествовала; сознавая себя побежденною, она будет доискиваться причины своего поражения в колдовстве, будто бы употребленном ее соперницей с успехом.

“Против колдовства нужно действовать колдовством, — говорит себе оскорбленная женщина, — и мы увидим, которая из нас лучше колдует” Затем бедняжка обращается за советами к старым женщинам, которые премного сведущи по этой части.

— Ах, моя милая, — говорит она одной из таких старух, беспрестанно трущихся около гаремов. — Что мне делать? — ума не приложу. Эта мерзкая “маленькая дама” приколдовала к себе моего пашу. Она делает из него что только ей вздумается, и бедный паша так переменялся, что его нельзя узнать. Нужно сыграть какую-нибудь штуку с этой дрянью. Не знаешь ли ты хорошего ходжи, который мог бы мне сделать буйю (вещицу, имеющую магическую силу)?

— Как же, — отвечает старуха, — недавно прибыл сюда некий Сивасли-ходжа. Говорят, что он удивительный колдун (буюджи). Все бегут к нему. Если желаете, сударыня, то пойдете к нему вместе.

— Я пошла бы к нему, но боюсь, что он такой же плохой колдун, как и все колдуны, к которым я до сих пор обращалась и которые несколько мне не помогли.

— Будьте, сударыня, спокойны, — говорит старушка. — Сивасли-ходжа такой колдун, каких у нас еще не бывало; даже султанши ходят к нему.

В назначенный день они отправляются к прославленному колдуну. Разумеется, колдун старается успокоить встревоженную женщину, уверяя, что в подобных вещах не трудно пособить горю, так как всегда есть средства затронуть сердце даже самого грубого и холодного к женщинам мужчины. Что же касается самого колдовства, то услужливый старик спешит заверить своих клиенток, что он один имеет настоящий дар привораживать и может снабдить кого угодно таким буйю, каких ни у кого нет и не может быть. Затем он берет несколько кусочков бумаги, вырезанных самым затейливым образом, на которых проводит карандашом или пером несколько черт и знаков, и к этим бумажкам прилагает пакетик с таинственной пудрой, составленной из смеси различных веществ.

Вручая бумажки и пакет своей клиентке, ходжа дает ей наставления, как употреблять это магическое средство. Прежде всего бумажки должны быть положены под простыню постели, на которой муж ее должен спать с ее соперницей; затем нужно бросить горсть этой пудры на горячие уголья, чтобы дымом от нее изгнать духов, призываемых ее соперницей на помощь.

Бедная женщина выслушивает все эти наставления с крепкой верой в силу ворожбы, вручает деньги колдуну и возвращается домой с облегченным сердцем. Дома она тотчас же приступает к делу и в удобную минуту приготовляет постель для своих жертв, подпихивая бумажки под простыню, и затем выжидает последствий колдовства.

Подобные проделки совершаются в гаремах чуть ли не каждый день. Если бы женщины не верили в кол-

довство, то они не находили бы себе ни в чем утешения, а самим колдунам пришлось бы умереть с голоду.

Эти “ходжи” имеют также средства против женского бесплодия. Ремесло колдуна весьма выгодное. Нередко они злоупотребляют своим положением, так как женщины, обращающиеся к их помощи, должны быть с ними откровенны и открывать им свои тайны».

В романе «Иосиф и его братья» Томас Манн приводит историю с мандрагоровыми яблоками, которые, по поверьям, обладали необычайной магической силой:

«Шершавая ботва с овальными листьями едва-едва поднималась над землей, незаметная для неискушенного глаза. Но по темным, с орех, ягодам, которые и назывались мандрагоровыми яблоками, Рувим узнал, что здесь прячет земля. Он засмеялся и поблагодарил. Схватив тотчас же нож, он начертил кружок и окопал корневище, так что оно повисло только на тонких волокнах. Затем, произнеся заклинание из двух слов, он рывком отделил корешок от земли. Он ожидал, что тот закричит, но этого не случилось. И все-таки он держал за вихор самого настоящего волшебного человечка: телесного цвета, с двумя ножками, ростом с детскую ладонь, бородатый и сплошь покрытый волокнистым пушком, — это был гном, удивительный и смешной. Мальчик знал его свойства. Они были многочисленны и полезны; но особенную пользу — так слышал Рувим — они приносили женщинам. Поэтому он сразу предназначил свою находку Лии, своей матери, и побежал вприпрыжку домой, чтобы отдать ей корень».

Яблоки мандрагоры, говорится в романе, способны были благорастворять воздух, отводить порчу от людей и скота, предсказывать погоду, узнавать скрытые и будущие события, делать мужчин неуязвимыми, приносить удачу в промысле и устраивать так, что судья всегда признавал их правыми. Кроме того, из яблок мандрагоры готовили отвар, «который усыпит человека, как только он понюхает его, а если будет нюхать долго, то лишит языка», «кто хлебнет лишнего, мужчина ли, женщина ли, тот умрет, но малая толика хорошо помогает при укусе змеи, а если тебя режут по живому телу, то кажется, что тело чужое».

Но главное свойство мандрагоры побуждало все еще остававшуюся бесплодной Рахиль молить Лию отдать ей чудесные яблоки:

Чтобы я стала плодовита, ибо разочарование от того, что я до сих пор бесплодна, сокращает мне жизнь, и своей неполноценности я горько стыжусь! Лань моя, златокудрая среди черноголовых, ведь ты же знаешь, что это за отвар и как он воздействует на мужчин, ведь он же, как влага небесная, на женскую засуху, и женщины с его помощью зачинают счастливо и разрешаются от бремени с легкостью!»

Лия обменяла мандрагору Рахили на право «вне очереди» разделить с Иаковом супружеское ложе.

Чудесная сила мандрагоры проявилась очень скоро, однако рожать начала Лия. Со временем родила и Рахиль. Она подарила Иакову несколько сыновей и дочь и умерла при родах, оставив Иакову еще одного сына — Вениамина.

Одним из сыновей Рахили был Иосиф, названный впоследствии Прекрасным. Тот самый Иосиф, которого братья продали в рабство за то, что он был любимым сыном отца, и который затем стал в Египте самым могущественным после фараона лицом.

В индийских гаремах тоже практиковали магические средства. Особые втирания из масел и трав, прикладывания к телу некоторых растений, пилюли из лотоса с медом, бусы из раковин, определенные органы животных, различные снадобья, таинственные заклинания — арсенал любовной магии был весьма внушителен.

В «Камасутре» предлагались даже способы сделать невидимыми любовников, жаждущих проникнуть на свидание в гарем: «Он может также приходить и уходить, спрятавшись в складках постели или в покрывалах или сделав свое тело невидимым с помощью специальных средств... Нужно сжечь вместе сердце мангусты, плод длинной тыквы (тамби) и глаза змеи, не выпуская дыма, затем пепел растереть и смешать с равным количеством воды. Намазав этой мазью глаза, человек становится невидимым».

Колдуны снабжали дам разнообразными амулетами от порчи и сглаза. Они обладали, как считалось,

чудодейственной силой привлекать мужчину к одной и отвращать от другой женщины, а последнюю могли сделать и вовсе бесплодной.

Ничего общего с подобной магией не имеют мусульманские талисманы, в которых зашивают особые защищающие человека молитвы. Их носят и по сей день дети и взрослые.

Гадания

В гаремах широко практиковались всевозможные гадания и ворожба. Весьма популярным было гадание на песке. Для этого золотые или обычные дощечки покрывали песком и чертили по ним каламом (пером). По особым линиям и знакам предсказывали будущее, ждущее даму счастье или беду, рождение детей, козни соперниц и т. д.

В сказках Шехерезады это описано так: «И проклятый изменил свое имя (а он повязал белый тюрбан) и сказал: “О царь, мое имя Али, а по ремеслу я ткач, и пришел я в этот город для торговли” “Подайте мне дощечку с песком и медный калам!” — сказала Зумурруд. И ей тотчас же принесли то, что она потребовала, и она взяла дощечку с песком и калам и стала гадать на песке, и начертила каламом изображение, похожее на изображение обезьяны, и после этого она подняла голову и некоторое время всматривалась в Барсума и сказала ему: “О собака, как ты это лжешь царям!..”»

В ходу были и гадание на бараньей лопатке, и гадания по руке. Искусством хиромантии владели кальфы, употреблявшие свои способности с немалой для себя выгодой.

Толковательницы снов тоже не оставались без дела. Они умели так истолковать любой сон, плохой или хороший, что клиентки пребывали в постоянном ожидании счастья и не скупилась на подарки.

В Китае гадали по «Книге перемен», которая говорила не только о том, что будет, но и о том, что было и происходит в данное время.

Гадание в китайском гареме описано в романе «Цветы сливы в золотой вазе...»:

«Юэ-нян велела слуге проводить ее во двор. Гадалка остановилась у внутренних ворот, положила расчерченный на секторы бумажный круг с помещенной в каждом секторе картинкой и достала чудотворную черепаху.

— Погадай нам, — попросили женщины.

Гадалка опустила на колени, отвесила четыре земных поклона и подбросила черепаху. Та перевернулась и упала, застыв на месте. Женщина взглянула на одну из картинок. ...На ней была изображена женщина в обществе троих мужчин: купца в маленькой шапочке, чиновника в красном одеянии и ученого. Была здесь и сокровищница, охраняемая слугами.

— Вы, госпожа, родились в год цзя-цзы, — сказала гадалка. — Вашу судьбу омрачают три пытки и шесть бедствий. Их можно миновать, лишь переборов супруга. Вы нежны и приветливы, у вас добрая душа, но своей добротой вам не удастся завоевать сердца. Всю жизнь вам приходится страдать из-за других, вы жертва злых наветов...

После Юй-лоу гадалка погадала Пин-эр и ушла, получив от каждой женщины награду.

Астрологи

Астрология, хотя и порицается исламом, была очень популярна в сералях. К услугам астрологов прибегали как сами султаны, так и обитательницы их гаремов.

Один из героев «Тысячи и одной ночи» рекомендовал себя как человека «сведущего в белой магии, в грамматике, синтаксисе, риторике, красноречии, логике, астрономии, геометрии, правоведении, преданиях и толкованиях Корана». Он был цирюльником-звездочетом, а заодно и лекарем:

«...В восхождении в сегодняшний день, согласно правилам науки счисления, Марс, и случилось так, что ему противостоит Меркурий, а это указывает на то, что брить сейчас волосы хорошо.

...И я взял астрорябию, и определил ему высоту, и нашел, что положение звезд для него неблагоприятно и что пустить кровь при этом тяжело, и осведомил

его об этом; и он последовал моим словам и подождал».

В другой сказке Шехерезады говорится: «И тогда царь призвал звездочетов и всех толкователей снов, которые были в его царстве, и они все явились пред лицо его, и царь рассказал им свой сон и сказал: “Я хочу от вас, чтобы вы мне сообщили правдивое толкование сна”».

По движению небесных светил астрологи не только толковали сны, но и предсказывали все, что невозможно было предсказать иным способом, включая ночи, к которым нужно было особенно готовиться, ибо ожидалось особое расположение владыки. Ни один выезд валиде-султан или жен из сераля не совершался без того, чтобы астролог не назвал для этого благоприятный час.

Звездочеты определяли дни, часы и даже минуты, когда следовало что-то начать или воздержаться от этого.

Западный оккультизм также со временем проложил себе дорогу в гаремы, которые стали напоминать парижские салоны, в которых вещали духи и вертелись столы.

ЖЕНИТЬБЫ

Как мы уже писали, не все султаны считали необходимым официально связывать себя брачными узами. В конце концов, даже признанные четыре любимые жены султана, как правило, были его бывшими рабынями и полной собственностью.

Вместе с тем рабское происхождение не было в Турции чем-то презираемым. Рабство так вросло в турецкую жизнь, что женитьбы на рабынях стали самым обычным делом. К тому же многие рабыни были более благородного происхождения, чем их мужья-турки. Со временем дети бывших рабынь становились вельможами, министрами, военачальниками и даже султанами, и излишнее любопытство по поводу происхождения знатных господ считалось уже неуместным.

Женитьба на рабыне освобождала новоиспеченного мужа от множества неудобств и ограничений, связанных с женитьбами на свободных турчанках, учитывая их родственные отношения, куда меньшую, чем у рабынь, покладистость, охраняемые законом права и т. д.

По закону женились в основном турки среднего класса и некоторые сановники. Подвигнуть же падишахов на заключение брака по всем религиозным и светским правилам могли лишь чрезвычайные обстоятельства.

Роксолана

Сулейман I Кануни (Сулейман Законодатель или Великолепный), в правление которого (1520—1566) империя достигла невиданного расцвета и вершины могущества, прославился еще и своей женой, прекрасной Роксоланой из украинского городка Рогатин. Захваченная во время набега крымскими татарами, она была продана на невольничьем рынке, после чего попала в султанский гарем.

В серале она сделала головокружительную карьеру — от одалиски до любимой жены султана, с которой он заключил официальный брак. Возвышение Роксоланы было сколь быстрым, столь и удивительным. То, что она вышла победительницей из этих смертельно опасных перипетий, говорило не только о ее красоте, но и о сильном характере. При ней гарем перебрался в султанский дворец и стал влиятельным государственным учреждением. Преуспела она и в коварных интригах, одолев ревнивых соперниц и их кланы. Она даже сумела сделать наследником престола одного из своих сыновей, хотя принцев хватало и без него.

И даже после смерти Роксолана удостоилась особой чести — ее похоронили рядом с супругом.

Причины, побуждавшие правителей не жениться на знатных и свободных девушках, а отдавать предпочтение рабыням, отчасти раскрывает Жан Расин в своей трагедии «Баязид»:

Продолжу: в Турцию ворвался Тамерлан,
Был под Ангорою разгромлен ваш султан,
С женою вместе в плен попал он после боя,
И сделалась она презренною рабою.
Султаны с той поры вступают редко в брак,
Дабы над честью их не надругался враг.
Но истинной любви законы эти чужды.
Примеры приводить, пожалуй, нету нужды.
И все ж ответствуй мне: из ваших всех владык
Кто более могуч и более велик,
Чем Сулейман? И сей завоеватель гордый,
Который столько лет со славой правил Портой,
Рабыню полюбил, на ней женился он,
И Роксолана с ним с тех пор делила трон.

Виды браков

Некоторые источники утверждают (правда, другие в этом сомневаются), что кузина жены Наполеона Жозефины — Эмми де Ривери была захвачена на Средиземном море пиратами и продана на невольничьем рынке в Алжире. Она попала в гарем правителя Алжира, который решил подарить красавицу султану Абдул-Хамиду I. Француженка очень понравилась султану, родила ему сына Махмуда и стала одной из его четырех жен. Султан уважал ее за ум и образованность. После смерти Абдул-Хамида новый султан Селим III оставил ее при дворе.

Селим III продолжил начатые отцом реформы в армии, финансах, землепользовании и административном управлении. Но в 1807 году в ходе резни, учиненной взбунтовавшимися янычарами, султан был свергнут с престола и позже убит. В 1808 году на престол взошел сын француженки — султан Махмуд II, который правил более тридцати лет, уничтожил янычарский корпус и провел ряд важных реформ.

У султана Абдул-Меджида (правил с 1839 по 1861 год) уже было четыре жены, когда он произвел маленькую гаремную революцию, взяв себе еще одну «любимую». Но и этим увлекающийся монарх не ограничился. Влюбившись в удочеренную египетской княгиней рабыню Бессиме, он дал понять, что хотел бы видеть ее в своем гареме. Однако княгиня, желавшая девушке более счастливой судьбы, чем участь одной из бесчисленных гаремных наложниц, решила деликатно отказать падишаху. Тогда ослепленный страстью Абдул-Меджид сделал официальное брачное предложение как обычный турецкий подданный. Событие это было неслыханное, и княгиня не смогла ничего возразить.

Вскоре были присланы великолепные подарки невесте и ее мачехе. А торжества по случаю обручения и свадьбы султана продолжались несколько недель по всей стране.

Однако новоявленная султанша позже развернула такую бурную деятельность, что султану пришлось горько пожалеть о том, что он уступил своим чувствам.

Известны и другие, весьма оригинальные, способы заключения брака.

К примеру, в Египте если иностранец-христианин желал жениться на рабыне-мусульманке, но не мог этого сделать, так как мусульманкам запрещен брак с иноверцами, то разрешить это противоречие брались специальные «фиктивные» мужья. Они формально женились на девушках, получали свой гонорар и исчезали, предоставив заказчику пользоваться плодами своих «трудов».

Во временные «паломнические браки» вступали одинокие женщины, желавшие совершить хадж, но не имевшие права отправляться в святые места без мужа или ближайшего родственника мужского пола. Капитаны кораблей, перевозчики и погонщики верблюжьих караванов прибывали на место с приобретенными по пути гаремами. После паломничества мужья разводились со своими женами, получая солидные «отступные». Кроме тех, разумеется, кто успевал проникнуться к новым супругам нежными чувствами и развода уже не желал.

Свахи

«Чтобы вступить в брак, турок пользуется услугами свахи — профессия, весьма почитаемая в Константинополе, — писал Теофиль Готье. — Сваха посещает бани и описывает ему со всеми подробностями девственных красавиц — Асме, Рутин, Нурмагаль, Пембе-Гаре, Лейлу или Михримах, — не забывая украсить цветистыми восточными метафорами портрет девушки, которой она покровительствует. Эфенди влюбляется в портрет, усыпает гиацинтами улицу, где проходит задрапированный кумир его сердца, и, обменявшись с будущей невестой несколькими взглядами, просит у отца ее руки. Определив выкуп соразмерно своей страсти и доходам, он ведет жену в брачные покои и только здесь впервые видит, как падает ненавистный яшмак, скрывающий обыкновенно черты чистые и правильные. Такие браки чреватые ошибками и разочарованиями ничуть не в большей степени, чем наши».

Свахи работали и «на заказ». Учитывая прихоти богатого клиента, свахи производили разведку всюду, где могла найтись подходящая невеста. Если таковая не обнаруживалась, сваха принималась убеждать заказчика в том, что образ, нарисованный его воображением, совсем не то, что ему действительно нужно. И стоит ему лишь взглянуть на ту прелестную особу, которую ему рекомендует сваха, как прежний образ потускнеет и уступит место более привлекательному, да еще с богатым приданым. Как правило, дело устраивалось к взаимному удовольствию и наступал новый этап на пути к заветной цели.

Сватовство

Просить руки избранницы жених отправлял делегацию, снабдив послов дорогими подарками для невесты и ее родителей. Наличие у жениха других женихов особенно не смущало, потому что в доме, куда посылалась делегация, как правило, был свой гарем.

Делегация обычно состояла из ближайших родственников — доверенных представителей жениха и свидетелей. Их задача состояла в том, чтобы заручиться согласием невесты и заключить с ее родителями брачный контракт (сговор).

Хотя некоторые авторы и пишут, что у мусульман согласие невесты вещь необязательная, на самом деле — это главное условие, делающее брак законным. Совершеннолетней девушке даже согласие родителей, в строгом юридическом смысле, не требуется, но собственное согласие она должна высказать четко и при свидетелях.

Договор, часто от имени отца невесты, заключал имам или мулла. Стороны улаживались о калыме (свадебном даре) и других материальных сторонах брачного союза.

«На мусульманские калымы европейцы вообще смотрят чрезвычайно ошибочно, — писал этнограф П. Ипполитов. — Их обыкновенно считают платою, даваемой женихом отцу или родственникам девушки за саму невесту, как за какую-нибудь вещь. Между тем

это мнение не верно. Калым есть приданое, даваемое невесте самим же женихом: он составляет обеспечение всей ее будущей жизни и есть исключительно ее собственность».

Затем мулла объявлял, что такой-то, сын такого-то, желает взять в жены такую-то, дочь такого-то. Когда невеста из-за занавеса или ширмы трижды отвечала «да» на вопрос, желает ли она стать женой этого человека, мулла официально скреплял союз, читал молитву и делал в особой книге соответствующую запись, которая удостоверялась обеими сторонами. Обряд венчания на этом заканчивался, а брачный союз обретал законную силу.

Далее все происходило по обычному сценарию: невеста блистала красотой и драгоценностями, жених роскошно обустраивал ей отдельную квартиру или целый дом, а родители невесты отправляли туда ее приданое.

Посылка приданого

Посылка приданого превращалась в торжественный и красочный ритуал. Вереницы украшенных лентами и колокольчиками верблюдов везли мебель, посуду и прочие домашние принадлежности. Рабы и слуги несли всевозможные дорогие вещи, а толпы любопытствующих могли оценить богатство невесты. Шествие сопровождалось музыкой и песнями. Все, кто имел отношение к церемонии, получали подарки, а зрителей осыпали мелкими монетами и конфетами.

Подобный ритуал описан в «Тысяче и одной ночи»:

«И затем он приказал шейх-аль-исламу написать брачную запись, и тот написал запись царевны с купцом Маруфом, и царь принялся устраивать свадьбу. Он приказал украсить город, и забили в барабаны, и поставили кушанья всевозможных родов, и пришли забавники. А купец Маруф сидел на скамеечке в брачном зале, и к нему приходили забавники, фокусники и плясуны, и мастера диковинных движений и удивительных развлечений, — и он приказывал казначею и говорил: “Принеси золото и серебро!” И тот приносил

золото и серебро, и Маруф обходил смотрящих, подавал каждому, кто играл, горсть, и он благодетельствовал беднякам и нищим и одевал голых, и была эта свадьба шумная».

Трон невесты

Турецкий свадебный обряд имел много общего с подобными обрядами у других народов, но были у него и свои любопытные особенности.

Для невесты готовили богато украшенный трон (аски), на который ее усаживал прибывший с друзьями жених. После этого жених на время откланивался, предоставляя женщинам восторгаться красотой невесты, роскошью ее нарядов и сокровищами из приданого.

Трон невесты помещался под богато декорированным балдахином, который украшался золотыми звездами, жемчужными нитями и гирляндами ярких цветов.

После свадьбы трон вместе с балдахином исчезал из дома невесты навсегда.

Еще одной особенностью турецких свадеб была выставка приданого в комнате невесты, которую охотно посещали все женщины, независимо от того, были ли они приглашены на свадьбу или нет.

«Эта экспозиция, — писала Мелек-ханум, — состояла из туалетного столика, массивного серебряного обеденного сервиза, вышитого золотом белья, зеркал, обуви, украшенных бриллиантами и другими драгоценностями кубков и часов, дорогих тканей и т. д. Во избежание соблазнов, сокровища невесты были отгорожены позолоченной решеткой. ...На каждую свадьбу множество женщин стекается от всех сторон, чтобы полюбоваться волнующим зрелищем. Есть женщины, которые просто помешаны на свадьбах. ...Приглашены они или нет, они одеваются и бегут прямо в дом невесты, делают различные замечания касательно новобрачной, критикуют ее туалет и приданое, едят плов и другие сладости, и затем возвращаются домой, чтобы рассказать соседкам все, что они видели».

Еще один свадебный ритуал заключался в том, что

вечером накануне свадьбы в гареме устраивался прием для подруг невесты. Это называлось «Ночь хны», потому что все направлялись в баню, где главным действием было окрашивание хной ногтей, пальцев рук и ног невесты.

В день свадьбы невесту наряжают и приводят к отцу, который благословляет дочь и опоясывает ее драгоценным поясом — знаком предстоящего замужества. Затем невеста направляется к матери, которая дополняет наряд невесты цветами и бриллиантами.

Шествие невесты к жениху

Эту красочную церемонию описала Мелек-ханум: «Когда солнце село, все дамы завернулись в свои белые плащи, которые составляют дополнение к их костюму и служат им покрывалом, оставляя открытыми лишь глаза. Невеста оделась точно так же; тогда все гости отправились провожать ее до дома жениха. Четыре из приглашенных подняли укрепленное на палках сиденье из красного сукна, устроенное вроде палатки, открытой спереди. Жених, стоя на пороге своего дома, приветствовал кортеж, бросая мелкую монету, а женщины при этом кричали: “Лу, лу, лу!”, читали стихи в честь невесты и выражали разные добрые пожелания. Когда невеста и все женское общество вошли в дом, жених вышел из него. Невеста села на диван, и, по мере того как гости входили, она вставала и целовала у них руку. Затем две старые невольницы сняли с нее покрывало и поднесли ей прохладительное питье».

Свадьба

Осман-бей живописал страсти, бурлившие вокруг свадеб:

«День свадьбы у турок то же, что огненный столб, который указывал путь евреям во время странствования их в пустыне. Те, которые шли впереди столба, оборачивались назад, чтобы любоваться, а шедшие позади смотрели прямо на него.

День свадьбы — это огненный столб, на который устремлены глаза всех турецких девушек, принадлежащих к подрастающему поколению, тогда как авангард старушек, престарелых девиц и всяких кумушек обращается к нему со взором, преисполненным самых сладостных воспоминаний...

— Ах, если бы вы присутствовали на нашей свадьбе, — говаривали они, — то увидели бы то, чего никогда вам не видать!

— Моя свадьба наделала шуму по всему городу, — говорит другая. — Все сбежались смотреть на меня!

Эти восклицания сопровождались обыкновенно глухими вздохами...

— Нужно было видеть, как я была одета в этот день! Я была причесана, завита и наряжена, как султанша! На голове моей была диадема, кушак был весь обшит бриллиантами, платье же мое было залито золотом!»

Свадебную церемонию вспоминала и Мелек-ханум:

«В восемь часов, после вечерних молитв, жених, прослушав свадебные молитвы, прочитанные в мечети, возвратился в свой дом в сопровождении многочисленного общества своих знакомых, несших зажженные факелы и поющих молитвы; имам взял жениха за плечи и втолкнул его в дом, после чего все выпили шербета и разошлись. Тогда жених пошел наверх и сел в кресло, а его невеста в сопровождении двух старых невольниц, несших зажженные подсвечники в руках, предстала пред лицом своего будущего мужа, и все три начали танцевать; время от времени они удалялись, чтобы переменить на молодой платье, и опять возвращались с нею и принимались за танцы. Таким образом продолжалось до тех пор, пока невеста не передела всех платьев, находившихся в ее приданом. Когда эта церемония кончилась, муж взял жену за руку и повел в спальню».

Но брачный ритуал на этом не заканчивался. Жених еще должен был выкупить право открыть лицо невесты. Она соглашалась не сразу, а когда жених наконец поднимал покрывало, то, восхитившись красотой своей избранницы, украшал ее головку драгоценной булавкой с бриллиантами.

На следующее утро счастливый муж отправлялся благодарить родителей невесты, которые дарили ему, как правило, хорошего коня и дорогую саблю.

Разводы

По шариату, чтобы развестись с женой, мужчине было достаточно заявить при свидетелях, что он ее «отпускает», и сказать: «Талак» (развод). При этом он мог не объяснять причины, побудившие его к расторжению брака. Если такое происходило по недоразумению, в порыве сиюминутного гнева или в результате гаремных интриг, закон оставлял раскаявшемуся мужу возможность возобновления супружеских отношений в течение трех месяцев. Если за это срок муж не возвращал жену в дом, брак считался окончательно расторгнутым и женщина могла выйти замуж за другого мужчину.

Если мужчина сгоряча произносил формулу развода трижды, то ситуация становилось куда более сложной и вместе с тем весьма пикантной. Теперь мужчина мог жениться на своей бывшей жене только после сложных церемоний. Чтобы вернуться в дом первого мужа, она сначала должна была выйти замуж за другого и снова получить развод уже от второго супруга. На такие случаи всегда находились «временные» мужья или «заместители», для которых спасение чужого семейного счастья было доходным занятием.

Знаменитому Ала-ад-дину (Аладдину) из «Тысячи и одной ночи» довелось стать именно таким «временным» мужем:

«О дитя мое, — молвил старик, — что ты скажешь, если я дам тебе тысячу динаров, и платье в тысячу динаров, и мула в тысячу динаров» “За что ты дашь мне это, о дядюшка?” — спросил Ала-ад-дин. И старик сказал: “Этот мальчик, который со мною, сын моего брата, и у его отца никого нет, кроме него, а у меня есть дочь, кроме которой у меня никого не было, и зовут ее Зубейда-лютнистка, и она красива и прелестна. Я выдал ее замуж за этого юношу, и он ее любит, но она ненавидит его, и однажды он не сдержал клят-

ву, трижды поклявшись тройным разводом; и едва только его жена уверилась в этом, она покинула его. И он согнал ко мне всех людей, чтобы я вернул ему жену, и я сказал ему: это удастся только через заместителя. И мы сговорились, что сделаем заместителем какого-нибудь чужеземца, чтобы никто не корил моего зятя этим делом, и раз ты чужеземец — ступай с нами. Мы напишем тебе договор с моей дочерью, и ты проведешь с ней сегодняшнюю ночь, а наутро разведешься с ней, и я дам тебе то, о чем говорил”

И Ала-ад-дин сказал про себя: “Клянусь Аллахом, провести ночь с невестой, в доме и на постели, мне лучше, чем ночевать в переулках и проходах!” — и отправился с ними к кади. И когда кади взглянул на Ала-ад-дина, любовь к нему запала ему в сердце, и он спросил отца девушки: “Что вы хотите?” — “Мы хотим сделать его заместителем этого юноши для моей дочери, — отвечал отец девушки, — и напишем на него обязательство дать в приданое десять тысяч динаров. И если он переночует с нею, а наутро разведется, мы дадим ему одежду в тысячу динаров, а если не разведется, пусть выкладывает десять тысяч динаров”

И написали договор с таким условием, и отец девушки получил в этом расписку, а затем он взял Ала-ад-дина с собою и одел его в ту одежду, и они пошли с ним и пришли к дому девушки. И отец ее оставил Ала-ад-дина стоять у ворот дома и, войдя к своей дочери, сказал ей: “Возьми обязательство о твоём приданом — я написал тебе договор с красивым юношей по имени Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат; заботься же о нем наилучшим образом” И потом купец отдал ей расписку и ушел к себе домой».

В этой истории допущена серьезная неточность. В тексте упоминается, что бывший муж развелся с женой «трижды поклявшись тройным разводом». То есть «Талак» был произнесен девять раз. После этого возобновление супружества не допускается уже ни при каких условиях. И не такой уж грех совершил Аладдин, который влюбился в Зубейду и отказался с ней разводиться, потому что она была уже полностью свободной женщиной.

При всей внешней простоте, развод по инициативе жены был большой редкостью, а по инициативе бывшей наложницы и вовсе немыслим, потому что не было как таковой и женитьбы.

Свободнорожденная женщина имела право инициировать развод, если муж нарушал условия брачного договора, демонстративно обходил жену вниманием, явно дискриминировал относительно других жен, плохо обращался с детьми и т. п.

Если муж не желал разводиться, женщина могла обратиться в суд. После развода она получала обратно все свое приданое, выкуп за невесту (калым), уплаченный при сватовстве, свадебные подарки и долю состояния бывшего супруга согласно брачному договору. А также содержание как бывшей жене на три месяца и детям ее — до совершеннолетия. Таким образом, развод оказывался делом весьма невыгодным как в социальном, так и в материальном отношении.

Разумеется, оставшиеся в гареме жены вовсе не желали делиться семейным имуществом, и дело доходило до скандальных судебных процессов. И здесь все зависело от ловкости адвокатов и связей тяжущихся сторон при дворе. Если семья была богатая, жена при разводе могла получить целое состояние, а у бедняков это могло быть свечой и скудной пищей на каждый день.

Отставки

Гаремы жили своей обычной жизнью, в неге и роскоши, заслонявшей для непосвященных напряженную борьбу главных жен, кадин и фавориток. Но все это продолжалось до поры до времени. Султаны тоже смертны, и когда такая беда приключалась, их гаремы замирали в оцепенении — они теперь никому не были нужны.

Борьба за престол оттесняла на задний план все остальное. Но, как правило, к тому моменту, когда султан покидал этот мир, престолонаследник уже был известен. Новая мать-султанша возносилась к вершинам могущества вместе со своим сыном — новым сул-

таном, а остальных красавиц гарема ждала совсем иная участь.

«В двадцать четыре часа после того, как султан испустит последний вздох, жены его и фаворитки должны съехать, — писал Осман-бей. — Все женщины должны собрать свои вещи и покинуть сераль. Эта перемена декораций представляет совершенную картину армии после поражения или экипажа после кораблекрушения, когда каждый старается ухватиться за спасительную доску, которая могла бы удержать его на поверхности воды и не дать потонуть в глубине Старого сераля.

Те из них, которые имеют детей — принцев или принцесс, остаются под императорской кровлей, так как государственные соображения не позволяют, чтобы дети вышли из-под надзора подозрительного и сурового наследника. Поэтому и их матери оставляются во дворце, где положение их, конечно, лучше, чем если бы они были заперты в Старом серале. Все же прочие должны укладываться и уходить со всеми женщинами и рабами своего двора. Само собою разумеется, что некоторым из последних удастся при помощи протекции отделаться от своих прежних господ и остаться во дворце, где их зачислят в какой-нибудь из вновь формируемых дворов.

Старый сераль, помещающийся в конце дворца, представляет скучное и мрачное здание, настоящую могилу, куда погребают живых людей. Вообразите себе средневековой замок с высокими зубчатыми стенами, маленькими окнами, со всех сторон окруженный густой стеной старых платанов и кипарисов, и вы составите себе приблизительное понятие о здании, в котором заперты павшие богини сераля.

...Заключение это, впрочем, не пожизненное, потому что с течением времени стражи становятся более снисходительными и отпускают, так сказать, поводья. Но это случается уже тогда, когда заключенные достигли того возраста, который поневоле делает их скромными. Действительно, когда кадине стукнет лет пятьдесят, можно вполне рассчитывать, что она стоит гораздо выше житейских треволнений. Царствующий

султан отдает в ее распоряжение одну из императорских резиденций и милостиво разрешает ей делать все, что ей угодно».

В Старом серале оказывались, как правило, члены гаремных кланов, проигравших битву за престол. Союзниц новой султанши-матери и их дочерей — бывших принцесс пристраивали в богатые семьи, выдавая замуж за удержавшихся на плаву вельмож и их детей. Бывших принцев женили на богатых невестах и назначали на хорошие должности.

На время все успокаивалось, пока честолюбивые принцы, их матери и лишившиеся привилегий вельможи не решались начать новую борьбу с победившими кланами. Впрочем, это было характерно не только для Турции. Кровавые схватки за престол — часть исторического наследия большинства государств.

Наложницы бухарского эмира содержались в гареме, пока им не исполнялось шестнадцать лет. Затем их выдавали замуж или попросту удаляли из гарема, снабдив всем необходимым для безбедной жизни. Однако общество их не принимало, и им оставалось коротать свой век в одиночестве.

Наиболее опытные наложницы оставались в гареме, где воспитывали новое поколение одалисок.

Фаворитки султанов тоже могли быть «отставлены» от гарема. Обычно это было результатом какой-то провинности, наговоров или усердия ревнивых соперниц. Делалось это быстро и просто, стоило лишь султану проявить свое неудовольствие.

Почетная отставка влекла за собой выдачу фаворитки замуж за какого-нибудь чиновника. «Невесте» давали хорошее приданое, оставляли ее подарки и имущество.

«Когда рабыни султана достигают тридцати лет, — писал Теофиль Готье, — он некоторым из них дарует свободу, и они делают хорошие партии благодаря связям при дворе и предполагаемому покровительству султана. Эти девушки прекрасно образованы, умеют читать, писать, сочинять стихи, танцевать, играть на музыкальных инструментах и отличаются изысканностью манер, какую можно приобрести лишь при дво-

ре. К тому же они лучше, чем кто-либо, сведущи в дворцовых интригах и кознях и нередко узнают через своих подруг, оставшихся в гареме, политические тайны, которыми пользуются их мужья, чтобы войти в милость или избежать немилости. Так что взять невесту из сераля очень выгодно для человека честолюбивого или осторожного».

Случались и простые отставки, когда бывшая фаворитка получала ограниченное содержание наподобие ветеранок гарема бухарского эмира. Кроме того, ей выплачивалась пенсия, подразумевавшая, что получательница денег не выдаст тайн султанского гарема. Однако, учитывая страсть гаремных див к сплетням, щедроты нового султана могли внезапно иссякнуть. Если отставная красавица не успевала найти себе мужа и обзавестись семьей, ее, как правило, ждала нищета или публичный дом.

Но и такая отставка была не самым плохим исходом. Опальная фаворитка запросто могла оказаться и на невольничьем рынке, и в казармах янычаров, и в мешке на дне Босфора.

Мелек-ханум, жена великого визиря Кипризли-Мехмет-паши, прошла тернистый путь от стремительного возвышения до крушения всех надежд. В результате клеветы и интриг, она была изгнана из гарема и ей даже пришлось бежать в Европу, где она испытала все тяготы полуголодного существования.

Путешествуя по Египту, Жерар де Нерваль попал на невольничий рынок и решил совершить благодеяние. Он купил красивую рабыню, чтобы затем дать ей свободу. Однако рабыня, как оказалось, вовсе не разделяла взглядов просвещенного европейца:

«— Свободна! — сказала она. — И чем прикажете мне заниматься? Свободна! Куда мне идти? Лучше продайте меня обратно Абд-аль-Кериму.

— Но, дорогая моя, не в правилах европейца продавать женщин, получать деньги таким образом бесчестно.

— Как же быть? — сказала она, плача. — Разве я смогу заработать себе на жизнь? Ведь я ничего не умею!

— Может быть, ты пойдешь в услужение к какой-нибудь даме, исповедующей ту же религию?

— Я? В услужение? Ни за что. Продайте меня. Меня купит мусульманин — шейх или паша. Я смогу стать госпожой! Вы хотите со мной расстаться... Отвезите меня на рынок.

Что за необычная страна, где рабы не желают быть свободными! Однако я знал, что рабыня права...»

ДЕТИ В ГАРЕМАХ

Законные дети незаконных жен

Дети, были ли они рождены женами или наложницами, становились всеми признаваемыми законными наследниками его султанского величества.

О детях, прижитых от собственных невольниц, в шариате говорится:

«...Если дети родились в срок, правилами шариата определенный, и если, кроме хозяина, никто другой не имел с невольницей сожития, то дети эти имеют одинаковое с прочими детьми право на наследство отца.

Собственное признание и объявление лица свободного состояния, что дети, рожденные его невольницей, им прижиты, делают их свободными и этого достаточно для определения законного их рождения.

...Невольницы, с которыми хозяин их имел сожитие и прижил детей, именуются умме-велед.

Сожитие хозяина и рождение ребенка не дает права на свободу; но умме-велед приобретает то преимущество, что при жизни ребенка ее хозяин не имеет права ее продать и по смерти хозяина она достается в наследство на часть ребенка и через это получает свободу».

В одной из сказок Шехерезады говорится: «И наконец пришли в одну ночь из ночей потуги к жене царя, после того как дни ее беременности кончились.

И царь Асим велел привести всех, кто был в городе из ученых, астрономов, образованных людей, главарей звездочетов, достойных людей и обладателей перьев, и они явились и сели и стали ждать, пока бросят шарик на блюдо, — а это был знак от звездочетов и домочадцев. И все они сидели и ждали, и наконец шарик бросили, и царица родила мальчика, подобного обрезку месяца в ночь полнолуния, и звездочеты принялись высчитывать и определять его звезду и гороскоп, и установили числа».

В другой сказке описывается радость отца по случаю рождения наследника: «А потом, в один из дней, его жена сидела, и дитя шевельнулось у нее в животе, и поняла она, что она носит. И ей стало больно, и изменился цвет ее лица, и она позвала одного из евнухов, бывших при ней (а это был старший из них), и сказала: “Ступай к царю, в каком бы он ни был месте, и скажи ему: — О царь времени, я тебя обрадую — беременность нашей госпожи стала видимой и дитя пошевелилось у нее в животе”

И евнух вышел поспешно, радостный, и увидел, что царь сидит один, приложив руку к щеке, и размышляет, и тогда евнух подошел к нему и поцеловал землю меж его руками и рассказал ему, что его жена понесла. И, услышав слова евнуха, царь поднялся на ноги и от сильной радости поцеловал евнуху руку и голову и, сняв то, что было на нем надето, отдал это евнуху и сказал тем, кто был в его приемной зале: “Тот, кто любит меня, пусть окажет ему милости!” И евнуху подарили денег, драгоценных камней, яхонтов, коней, мулов и садов столько, что не счесть и не перечислить».

По случаю рождения принца устраивались грандиозные торжества с орудийными салютами и фейерверками. Когда рождалась принцесса, торжества были менее пышными.

Колыбель младенца по своему дорогому убранству походила на маленький трон. Счастливая мать получала дорогие подарки, новый ранг и апартаменты, кормилиц и увеличенный штат прислуги.

Жены, имевшие сыновей, очень ими дорожили. Сын был основой благополучия и надеждой на луч-

шее будущее даже для простой рабыни. Даже в обычных семьях, если умирал хозяин, его свободный сын мог получить свою мать как часть наследства и дать ей свободу.

Когда ребенок заболел, принимались всевозможные меры для его лечения. Бывало, если младенец умирал, вместо него тайно покупали на стороне похожего ребенка. Несчастных матерей не останавливали даже страшные кары, если обман откроется.

Гаремные войны за престолонаследие

В Средние века существовало жестокое установление, согласно которому всех сводных и даже родных братьев назначенного султаном наследника безжалостно убивали.

Как пишет Алев Литлэ Крутье: «Законы о наследовании трона устанавливали, что власть от умершего султана переходит не его сыну, а старшему мужчине из живущих членов семьи. Мехмед Завоеватель, хорошо поднаторевший в дворцовых интригах, сформулировал положения, которыми жила Османская империя на протяжении веков. Эти правила, в частности, позволяли султану умертвить всю мужскую половину своей родни, чтобы обеспечить трон для собственного отпрыска. Результатом этого в 1595 году стало страшное кровопролитие, когда Мехмед III по наущению матери казнил девятнадцать своих братьев, включая младенцев, а семерых беременных наложниц своего отца велел завязать в мешки и утопить в Мраморном море. “После похорон принцев толпы народа собрались возле дворца смотреть, как матери умерщвленных принцев и жены старого султана покидают насиженные места. Для их вывоза были использованы все экипажи, лошади и мулы, какие только имелись во дворце. Кроме жен старого султана под охраной евнухов в Старый дворец были отправлены двадцать семь его дочерей и более двухсот одалисок... Там они могли сколько угодно оплакивать своих убиенных сынов”, — пишет посол Г. Д. Роуздейл в книге “Королева Елизавета и Левантийская компания” (1604).

В 1666 году Селим II своим указом смягчил суровые уложения законов Завоевателя. По новому указу имперским принцам даровалась жизнь, но до смерти правящего султана им запрещалось участвовать в общественных делах.

С этого момента принцев содержали в кафесе (золотая клетка), помещении, примыкающем к гарему, но надежно изолированном от него.

Вся жизнь принцев проходила вне всякой связи с другими людьми, кроме нескольких наложниц, у которых были удалены яичники или матка. Если по чьему-либо недогляду какая-то женщина беременела от заключенного принца, ее немедленно топили в море. Принцев охраняли стражники, у которых барабанные перепонки были проколоты, а языки надрезаны. Эта глухонемая охрана могла стать при необходимости и убийцами заключенных принцев.

Жизнь в “золотой клетке” была пыткой страхом и мучением из-за полного неведения всего, что происходило за стенами. В любой момент султан или дворцовые заговорщики могли там всех поубивать. Если принц выживал в таких условиях и становился наследником трона, он чаще всего был просто не готов править огромной империей. Когда в 1640 году умер Мурад IV, его брат и преемник Ибрагим I так испугался толпы, рвавшей в кафес, чтобы провозгласить его новым султаном, что забаррикадировался в своих покоях и не выходил до тех пор, пока не принесли и не показали ему тело мертвого султана. Сулейман II, проведя в кафесе тридцать девять лет, стал настоящим аскетом и увлекся каллиграфией. Уже будучи султаном, он не раз высказывал пожелание вернуться к этому тихому занятию в уединении. Другие принцы, как упомянутый Ибрагим I, вырвавшись на свободу, пускались в дикий разгул, как бы мстя судьбе за погубленные годы. Служившая фундаментом сераля невольничья система пожирала в “золотой клетке” своих творцов и превращала их самих в рабов».

Принц мог стать султаном, его могли женить на принцессе из другой державы или на дочери турецкого сановника и отправить в провинцию, подальше от

дворца, а могли и просто лишить жизни в интересах соперничающих за престол кланов.

Драме такого рода Жан Расин посвятил свою трагедию «Баязид», написанную под впечатлением рассказов очевидца кровавых событий — французского посланника в Турции графа де Сези. Трагедия была поставлена во Франции в 1672 году и позже стала классической.

В предисловии к трагедии автор счел нужным кратко описать ход исторических событий: «У султана Мурада, или Мурата (Мурад IV — Ш. К.), повелителя турок, завоевавшего в 1638 году Багдад, было четверо братьев. Первый, Осман, был султаном до него и процарствовал около трех лет, по прошествии которых янычары лишили его и престола, и жизни. Второго звали Орхан. В первые же дни своего правления Мурад велел задушить его. Третьим был Баязид, царевич, на которого возлагались большие надежды. До осады Багдада Мурад — то ли из политических соображений, то ли из братской приязни — щадил царевича. Но после того как город был взят, торжествующий султан отправил в Стамбул повеление умертвить Баязида, каковое и было исполнено примерно так, как я изобразил в своей пьесе. Мурад имел еще одного брата по имени Ибрахим, которого презирал за тупость и потому не опасался; впоследствии Ибрахим стал султаном. Ныне царствующий султан Мехмед является сыном Ибрахима и, следовательно, племянником Баязида».

Один их героев пьесы — великий визирь Акомат раскрывает своему наперснику, а заодно и зрителям, тайны борьбы за престол:

Суровы, знаешь сам, обычаи в серале.
Припомни, сколько раз тут братьев убивали:
Брат может посягнуть на трон, и оттого
Он кровью платится за кровное родство.
Лишь хилый Ибрахим здесь может быть спокоен.
Хотя ни умереть, ни жить он не достоин,
Но жизнь ничтожную бессмысленно влачит:
Убожество ума — ему надежный щит.
А Баязид умен, отважен и прекрасен,
И в силу этого особенно опасен».

Не обошел эту волнующую тему и Осман-бей:

«В серале ведутся такие интриги, каких нельзя встретить ни в одной части света. Каждая женщина там интригует или в свою пользу, или в пользу своих принцев и принцесс, если они у нее есть. Если у нее принц (шах-заде), то она постоянно предвидит в будущем возможность видеть своего ребенка на троне и самой сделаться валиде-султан. Если у нее дочь, ее постоянно мучит и заставляет интриговать забота о приискании выгодной партии для своей султанши.

Здесь мы коснулись чрезвычайно чувствительной струны, которая связана с самым жгучим вопросом, можно сказать, душой внутренней турецкой политики, — вопросом о престолонаследии. Действительно, каждая кадина, имеющая сына, есть претендентка, так как каждый шах-заде может сделаться султаном; поэтому все окружающие его, в особенности же матери, делают себе из его вступления на престол *idée fixe*, осуществление которой становится целью всей их жизни.

Поэтому каждая кадина и ее двор составляют партию, денно и ночью интригующую и работающую в пользу своего принца. Этот принц является для них идолом, которого они ласкают и берегут с чрезвычайной нежностью и уважением. Арслан, лев — вот имя, с которым эти люди обращаются к своему принцу; так как султан-отец считается львом львов, то само собою разумеется, что его сыновья по праву могут называться левятами. Поэтому кадина никогда не назовет своего сына иначе как арсланум — мой лев: назвать его иначе было бы нарушением придворного этикета.

Так как эти стремления питают все партии, то ясно, что в серале столько партий, сколько претендентов. Каждая из этих партий представляет очаг интриг, отпрыски которых тянутся во все стороны внутри сераля так же, как и вне его, потому что, если жены и принцы стараются привлечь себе партизан, то те, которые стремятся к власти, тоже имеют интерес в том, чтобы приобрести себе поддержку возле падишаха или по крайней мере знать все, что делается вокруг него.

Сказанного мною, кажется, достаточно для того, чтобы объяснить то политическое брожение, которое оттуда распространяется в административные, а подчас даже и дипломатические сферы.

Эти интриги с их разнообразными комбинациями задают, как легко можно понять, много работы женскому населению сераля».

Школа принцев

Кому-то из принцев суждено было стать султаном, а потому ему следовало кое-что знать и получить достаточное образование.

Обучались мальчики в «Школе принцев», существовавшей во дворце. Обычная программа включала письмо, чтение, толкование Корана, жизнеописание Пророка, законоведение, историю, стихосложение, риторику, философию, математику и некоторые другие предметы.

По случаю первого чтения ребенком Корана устраивали большие праздники, приглашая множество гостей.

Особое внимание уделялось дворцовому этикету и военным наукам. Обычным делом были парады принцев, одетых в военную форму, увешанных всевозможными наградами, в сопровождении свит из мальчиков, также облаченных в военную форму и при оружии.

Об отцовском воспитании, в привычном смысле, говорить не приходилось. Султана многочисленные сыновья видели только по большим праздникам. Но были и исключения из правил. В сказках Шехерезады читаем: «А после того Нур-ад-дин занялся воспитанием своего сына; и когда тот окреп и ему исполнилось семь лет, он призвал к нему учителя и поручил ему научить его читать и дать ему образование и хорошо воспитать его. И учитель научил его читать и заставил усвоить полезное в знании, и Хасан повторял Коран в течение многих лет и становился все красивей и стройней».

«Сыновья же пашей обыкновенно получают весьма плохое воспитание и образование, — писала Мелекханум. — Они рано предаются всякого рода излише-

ствам и тем самым преждевременно расстраивают свое физическое и умственное здоровье. По смерти отцов они скоро проматывают свое состояние и по большей части умирают в крайней бедности».

Дочери султана получали самое поверхностное образование в стенах гарема. Их обучали читать, писать и вышивать, а главное внимание уделялось науке быть красавицей, женой и матерью, и прочим гаремным премудростям. По сути же девицы, окруженные роскошью и скукой, пребывали в некой сладостной летаргии в ожидании радостей любви.

Повзрослевших принцесс выдавали замуж, и таких браков добивались для своих сыновей самые влиятельные вельможи и иностранные властители.

Ограничение рождаемости

У султанов, как правило, было много детей. И хотя рождение каждого ребенка становилось праздником, безмерное увеличение потомства не приветствовалось.

«Казалось бы, Абдул-Хамид, обладатель столь огромного сераля, должен быть отцом многочисленного семейства, — писал Джордж Дорис. — Однако это отнюдь не так, и число его детей сравнительно невелико — их всего тринадцать. Женщины из его гарема редко становятся матерями, и это результат строгих мер, принятых с целью не допустить чрезмерного увеличения числа потомков султана. Произвольный выкидыш — частое явление в гареме: старые рабыни-кальфа в совершенстве владеют этим мерзким искусством. Надзор, который осуществляют за женщиной, удостоившейся чести разделить ложе падишаха, очень строг и позволяет распознать самые первые симптомы беременности, которую они тут же прерывают.

Впрочем, случается, что бедная одалиска, иногда из гордости, а иногда из-за материнского инстинкта, весьма развитого у турчанок, с помощью различных уловок обманывает бдительность надзирательниц. Она скрывает беременность до самого конца и, делая султана отцом вопреки его желанию, из простой икбал становится кадиной».

ТАЙНЫ СЕРАЛЯ

Влияние жен на государственные дела

Чем меньше правители занимались государственными делами, тем большее влияние обретали их жены и фаворитки. И если правителей еще сдерживали принятые правила или дворцовый этикет, то у дам не было и таких ограничений. Гаремная жизнь воспитывала в них постоянную готовность к интригам и соперничеству, и дипломатические таланты раскрывались будто сами собой.

Если влиятельные дамы были иностранками, то это, как правило, сказывалось на отношениях властителей к исторической родине их жен.

В Библии излагается удивительная история еврейской красавицы Эсфирь. Когда персидский царь Артаксеркс изгнал свою неверную жену, были собраны лучшие девушки со всего царства, чтобы царь мог избрать себе супругу. Выбор пал на Эсфирь. Сделавшись царицей, она сумела спасти свой народ от разорения и уничтожения, которым его намерился подвергнуть алчный царский вельможа. Первым он собирался повесить отца Эсфири Мардохея, не оказывавшего ему почтения и покорности. Однако в виселице оказался сам вельможа, а народ Эсфири в честь своего чудесного избавления установил праздник Пурим.

Знаменитая Юдифь также готова была пожертвовать собой, чтобы спасти родной город. Когда к нему

подступили войска Навуходоносора под командованием Олоферна, красавица Юдифь явилась в стан врага якобы за тем, чтобы помочь ему захватить город. Когда же ослепленный красавицей Олоферн пригласил ее разделить с ним ложе, Юдифь отрубила ему голову и унесла ее в корзине. Деморализованные войска Навуходоносора потерпели поражение. Этот сюжет весьма популярен в литературе и живописи.

Масштаб деятельности султанши Роксоланы сильно пошатнул прежние представления о месте женщины в государстве и политике. Бывали периоды, когда империей правили не султаны, а их жены. Порожденную Роксоланой новую эпоху позже назвали «Женским султанатом» (1541—1687).

«Три тысячи лиц, составляющих императорский гарем и двор, образуют зерно партии, называемой партией серая, — писал Осман-бей. — Влияние всего этого народа, окружающего султана, без сомнения, чрезвычайно велико; но если захотеть приблизительно высчитать численную силу этой партии, силу, фигурирующую между политическими факторами, нужно сюда прибавить еще около 10 000 человек, связанных с сералем тысячами самых жгучих интересов.

Точно так же население Бедиктага и др., равняющееся населению большого города, целиком составлено из лиц, служащих при дворце и по необходимости обязанных следовать его политике.

Таким образом, эти двенадцать-тринадцать тысяч человек составляют партию, настолько сильную и влиятельную, что сам падишах принужден сообразовываться с ее видами и покровительствовать ее интересам».

Так как руководила этой гаремной партией мать-султанша, то естественно, что ее покровительства искали не только обитательницы гарема, но и самые важные сановники, дипломаты, купцы. Лишь она одна имела серьезное влияние на султана, почти небожителя, и охраняла доступ к вниманию падишаха, как архангел Гавриил — врата рая. Случались, конечно, и исключения, когда одна из жен безраздельно завладевала султаном, но это только подтверждало правило.

Покои валиде-султан были столь же труднодоступны, как и покои самого султана. Все обращения к валиде-султан или визиты к ней осуществлялись по строгому этикету и с соответствующими почестями, которые подчеркивали ее власть и значимость.

О результатах таких посещений писал Джордж Дорис:

«Разумеется, эти визиты иногда приносят мужьям стремительное повышение, которое не всегда означает признание их личных заслуг или результат вмешательства валиде-султан. Так, в гаремах Константинополя ходит много слухов о влиянии, которым пользуется одна милая дама из гарема Хасана-паши — министра морского ведомства, прозванного “бессменным” за свое умение выходить из всех министерских и прочих бурь и за особое расположение к нему султана».

Указывать султану на то, что влияние жен или фавориток стало чрезмерным, или влиятельному паше на неподобающее поведение гарема никто не решался. Эта тема была под особым запретом и могла стоить правдоискателю головы.

«Заговорить с турком о его женах — значит допустить вопиющую бестактность, — писал Теофиль Готье. — Этой деликатной темы нельзя касаться даже иносказательно, даже малейшим намеком. Поэтому привычные для нас фразы вроде “Как здоровье вашей супруги?” из разговора исключены. Самый суровый и бородатый османлы покраснеет, как девица, услышав подобную непристойность. Жена французского посла, желая преподнести Решид-паше несколько отрезков лионского шелка для его гарема, вручила их ему со словами: “Вы сумеете лучше, чем кто-либо другой, найти применение этим тканям” Выразить назначение подарка более ясно означало бы совершить неловкость даже в глазах Решида, приученного к французским нравам, и редкостный такт маркизы подсказал ей эту изысканно-расплывчатую форму, чтобы не ранить восточную щепетильность».

Чрезвычайный и полномочный посол России в Османской империи генерал-поручик Михаил Илларионович Кутузов прибыл в Стамбул в сентябре 1793 года. Помимо дипломатических талантов, он проявил немалую закулисную ловкость. «Подарки к султан-валиде отправлены в харем с советником и двумя кавалерами посольства, — сообщал Михаил Кутузов в письме императрице Екатерине II, — где приняты кизлярскою с великою почтительностию, и уже известно здесь, что султан внимание сие к его матери принял с чувствительностию. При сем препровождаю всеподданнейше ведомость подаркам, розданным с 21 октября, и счет чрезвычайным издержкам с 13-го того же месяца...»

В письмах к своей жене Михаил Кутузов описывал любопытные подробности своей кипучей деятельности: «Ничего примечательного после последней почты не случилось, кроме вещи здесь небывалой, а именно: валиде-султан, то есть мать султанская, прислала в церемонии чиновника своего валиде-кегая-колфосы, провождаемого переводчиком Порты, спросить об моем здоровье, объявить внимание ее ко мне и вручить от лица ее подарки, состоящие из шалей, трех платков, которые вечно сохраню, и многих парчей турецких, ост-индских и ормуских, и чашечку для кофея с дорогими камнями; всего пиастров на 10 000. Да, чтобы тебе дать об великолепии азияцком понятие, надобно сказать об обеде капитан-паши; он молодой человек, фаворит султанской, женат на его сестре, великолепен, мот, три миллиона [пиастров] должен; учтив и любезен. Мебель и платье на людях, все новое было; слуг до тысячи в парче; ковры малиновые, бархатные, золотом шитые; софы с жемчугом; на ближних слугах очень много бриллиантов. Между многих забав, был жирит, то есть скачка на лошадях. Все лошади его конюшни, которая, конечно, первая в свете. Он так великолепен, что лишь только увидел, что мне две лошади понравились, тотчас их на другой день и послал мне, и я уже с сей конюшни имею пять лошадей».

Описал Михаил Кутузов жене и прием у падишаха: «Дворец его, двор его, наряд придворных, строение и убранство покоев мудрено, странно, церемонии иногда смешны, но все велико, огромно, пышно и почтенно. Это трагедия Шекспирова, поэма Мильтонова или Одиссея Гомерова. А вот какое впечатление сделало мне, как я вступил в аудиенц-залу: комната немножко темная, трон, при первом взгляде, оценишь в миллиона в три; на троне сидит прекрасной человек, лучше всего его двора, одет в сукне, просто, но на чалме огромной солитер (большой бриллиант в оправе. — *Ш. К.*) с пером и на шубе петлицы бриллиантовые. Обратился несколько ко мне, сделал поклон глазами, глазами и показал, кажется, все, что он мне приказывал комплиментов прежде; или я худой физиономист, или он добрый и умный человек. Во время речи моей слушал он со вниманием, часто наклонял голову и, где в конце речи адресуется ему комплимент от меня собственно, наклонился с таким видом, что кажется сказал: “Мне очень это приятно, я тебя очень полюбил; мне очень жаль, что не могу с тобою говорить” Вот в каком виде мне представился султан».

Михаил Кутузов пробыл в Турции всего один год, но успел сделать очень много: упрочил влияние России в Турции и склонил ее к заключению союза с Россией и другими европейскими державами против революционной Франции. Влияние Франции было серьезно ослаблено, а французские подданные получили приказание покинуть пределы Турции.

О том, как устраивались всевозможные дела через посредничество жен «неподкупных» чиновников, вспоминала и Мелек-ханум. В бытность ее супруга губернатором Иерусалима, она не теряла времени даром: «То один, то другой пришлет мне когда великолепные часы, когда бриллиантовую булавку или жемчужное ожерелье; они, казалось, соперничали между собою, кто из них сделает мне лучший подарок».

Если кто-то не догадывался заслужить признательность «первой леди», ее дворецкий находил всевозможные способы «призвать их к порядку». «Все это совершалось без ведома губернатора, — писала Мелек-

ханум. — И вскоре я увидала себя обладательницей четырехсот тысяч франков, заключавшихся частью в денежных суммах, частью в драгоценных камнях и различных золотых украшениях».

Протекции были обычной практикой и при дворце. Сама Мелек-ханум выхлопотала у султана прощение и высокую должность для своего супруга Кипризи-паши, находившегося в опале.

Та же Мелек-ханум проявила чудеса смекалки, когда, уже изгнанная мужем, направлялась в Стамбул. По пути через провинции, в которых назрел мятеж против самоуправления ее бывшего мужа, она рисковала жизнью. Но представившись женой нового губернатора, была принята с большим почетом, осыпана подарками и отправилась дальше, пообещав наивным бедуинам протекцию.

Как правило, султан редко снисходил до того, чтобы самолично рассматривать кандидатуры на второстепенные посты. Этим занимались его вельможи, вернее — их жены, которых, в свою очередь, просили матери, жены или сестры кандидатов на «теплые» места. И тут, разумеется, не обходилось без соответствующих подарков, приношений и других знаков признательности.

Султан — профессия опасная

История султанских династий красноречиво свидетельствует, что опасность заговора, убийства, свержения с престола существовали всегда, как тень трона падишаха. А потому забота о собственной безопасности была одной из главных «профессиональных» обязанностей султана. И в этом деле государственной важности султаны предпочитали излишества недостаткам.

Александр Сергеевич Пушкин писал в «Бахчисарайском фонтане»:

Гирей сидел потупя взор;
Янтарь в устах его дымился;
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.

...Горит ли местию кровавой,
Открыл ли в войске заговор,
Страшится ли народов гор,
Иль козней Генуи лукавой?
Нет, он скучает бранной славой,
Устала грозная рука;
Война от мыслей далека.
Ужель в его гарем измена
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нег и плена
Гяуру сердце отдала?..

Роберт ван Гулик приводит пример из китайской истории: «Поскольку император во время развлечений с женщинами был особенно уязвим для нападения, его безопасность обеспечивалась самым строгим образом. Все двери, ведущие во внутренние апартаменты, держали закрытыми, и их усиленно охраняли. Чтобы предотвратить любые попытки женщин напасть на своего царствующего возлюбленного, во дворце соблюдался старинный обычай, согласно которому женщину, которой предстояло разделить ложе с императором, раздевали донага, заворачивали в накидку и доставляли в императорские покои на спине евнуха. Таким образом, она никак не смогла бы спрятать на себе оружие».

Шпионаж, или Особые подарки Его Величества

Джордж Дорис приоткрыл некоторые тайны султанского гарема: «Кадина не может никогда, ни под каким предлогом, покинуть султанский сераль — в отличие от одалиски, простой икбал, у которой нет детей. Последняя может быть подарена султаном фавориту или какому-нибудь крупному вельможе: в этом случае она, естественно, занимает первое место в гареме своего нового господина.

Часто падишах делает такого рода подарок для того лишь, чтобы избавиться от женщины, к которой его каприз уже прошел или присутствие которой во дворце покажется ему бесполезным. Иногда за этим щедрым жестом кроется тайный расчет и на подаренную таким образом женщину возлагается миссия, роковая для того, чьей женой она становится. Так, алим

Сайфеддин-эфенди, более других внушавший опасения султану, получил от него в подарок изумительной красоты рабыню, которая оказалась слишком прекрасна: он так любил ее и так был любим ею, что от этой любви умер...

Еще чаще этим женщинам, рассылаемым в гаремы к подозреваемым лицам, приходится заниматься таким низким делом, как шпионаж. Турецкие мужья гораздо откровеннее со своими женами, чем это обычно представляют. Они часто посвящают жен в свои планы, делятся своими проблемами, иногда даже советуются с ними, и это доверие отчасти служит для них вознаграждением за то жалкое положение, которое они обречены занимать в обществе: этим легко пользуется Абдул-Хамид. Если случается, что женщина привязывается к своему новому господину и не выполняет свою предательскую миссию, она теряет право когда-нибудь вернуться в султанский гарем. Чтобы иметь возможность вернуться в этот "Сад Наслаждений", она должна прежде всего оказывать некоторые услуги. На жаргоне сераля это называется "получить паспорт". Во время армянских событий женщины-шпионки сыграли важную роль. Именно благодаря им власти выяснили, кто из турок выказывал симпатии к армянам, злоумышляя против султана.

В обычное время они занимаются этим в стенах самого дворца, наряду с евнухами, которые, прячась за шторами, постоянно подслушивают из-за перегородок все разговоры. Иногда Абдул-Хамид лично узнает то, что ему важно знать. Так, однажды, увидев юную рабыню, которая стирала платки своей госпожи-кадины, он приказал, чтобы ее доставили к нему и удовлетворил с нею свою внезапную прихоть. И так как, говоря словами поэта, удовольствие всегда располагает к беседе, он пообещал ей титул принцессы при условии, что она будет сообщать ему о том, что думают дамы из ее гарема и какого они мнения о нем. Поощренная таким образом, новая фаворитка не замедлила удовлетворить любопытство повелителя и сообщила ему, что кадина, ее госпожа, находит его слишком старым и неспособным к любви. Получив горький урок,

Абдул-Хамид поставил юную рабыню над ее впавшей в немилость госпожой, сказав: «Так я поступлю со всеми, у кого на сердце не то же, что на языке»».

В восточных преданиях приводятся и другие истории, когда к преступавшим все пределы царям подсылали специально обученных наложниц. Те их сначала покоряли своей красотой, а затем предавали ужасной смерти, венчавшей изощренный план мести.

Пытки и казни

Вызвать подозрение, а еще страшнее — гнев господина было для наложницы или жены равносильно подписанию смертного приговора.

«Кто знает, сколько крови и слез утекло уже за непроницаемыми двойными стенами и сколько безвинных душ было принесено в жертву безмерной подозрительности Абдул-Хамида? — писал Джордж Дорис.

Все знают, что при малейшем подозрении в адрес своих жен он выходит из себя и наносит удар не задумываясь.

Известна история одной рабыни, которую он застрелил в своей собственной постели: она позволила себе резкое движение, и деспоту показалось, что несчастное дитя хотело его задушить.

Юность, красота и нежность робких созданий не могут смягчить жестокость господина. Часто по малейшему подозрению его евнухи получают приказ устранить какую-нибудь из них, подругам исчезнувшей девушки запрещается расспрашивать о ней. На сей счет рассказывают трагическую историю двух одалисок, проникнувшихся друг к другу теснейшей симпатией. Одна из них, заподозренная в греховном умысле, внезапно исчезла. Ее подруга, не видя ее более в гареме и не осмеливаясь даже произнести ее имя, увяла, потеряв единственное в жизни близкое существо, и умерла, как срезанный цветок, лишенный влаги.

Удушение, утопление в Босфоре, истязания — все это, кажущееся в наше время неправдоподобным, здесь чаще практикуется — причем чаще, чем обычно считают — против жен падишаха.

Вот простой пример, дающий достаточно наглядное представление о драмах, разыгрывающихся в Йилдызе.

Однажды султан, выйдя из своего кабинета, забыл на столике один из своих миниатюрных карманных револьверов, с которыми он никогда надолго не расстаётся. Вернувшись вскоре, он застаёт двенадцатилетнюю девочку, маленькую рабыню из гарема, которая по недосмотру проникла в комнату и вертела в руках оружие, приняв его, быть может, по своей наивности, за диковинную игрушку. Мысль о покушении мгновенно пронеслась в больном мозгу Абдул-Хамида! Увидев страх на лице господина, девочка залилась слезами, и волнение невинного ребенка показалось деспоту признанием в преступлении, в котором он ее подозревал. Он повелел схватить девочку и тотчас же «допросить» ее, что в Йилдызе означает: подвергнуть самым отвратительным пыткам. Но от невинной бедняжки не могли добиться ничего, кроме криков и слез, хотя под ногти ей загоняли раскаленные иглы! С помощью этих методов следствие установило, что ей, невиновной, было не в чем признаваться: лишь тогда было прекращено истязание маленькой мученицы, горестная история которой, верно, уже забыта в султанском гареме!»

Палач, мешок с ядром и дно Босфора были неизбежным концом для жен и наложниц, дерзнувших вызвать ревность или гнев повелителя. Однако даже такая мрачная перспектива не в силах была остановить обитательниц гаремов, терявших осторожность от вдруг нахлынувшей любви, жгучей ревности или жажды мести за свои унижения.

Упоминавшаяся уже рабыня Бессиме, на которой султан женился по всем канонам, этим не удовлетворилась. Потеряв расположение султана и выселенная из гарема, она затеяла роман с Тефик-пашой и даже вышла за него замуж.

«Это был первый случай в истории Оттоманской империи, — писал Осман-бей, — когда жена султана вступила во вторичный брак с обыкновенным смертным.

Вышеупомянутый паша, несмотря на свое весьма маленькое жалованье, проводил жизнь среди удоволь-

ствий, делал долги и надувал каждого, кто имел к нему какое-либо отношение. Смелый поступок Тефик-паши, без сомнения, должен был вызвать гнев Абдул-Меджида и презрение его верных подданных; турки бывают неумолимы к оскорбителям величества. ...Спустя недолгое время, Тефик-паше пришлось ответить за свое преступление преждевременной смертью. Но столь строгое наказание было совершено со всею изобретательностью и предусмотрительностью, на которую способна только восточная тонкость.

Сначала Абдул-Меджид сделал вид, что он очень равнодушно относится к замужеству своей законной жены; он даже до такой степени скрыл свое неудовольствие по этому поводу, что предоставил Бессиме право пользоваться одним из дворцов, принадлежащих казне. Отвлекая таким образом общественное мнение, султан однако же вскоре придрался к незначительному предлогу, чтобы сослать Бессиме и ее мужа в Бруссу. И нет сомнения, что Тефик-паша должен был бы там расстаться с жизнью; но так как это требовалось совершить со всевозможными предосторожностями, то было решено вернуть несчастного пашу в Константинополь и отравить. Поэтому Тефик получил прощение и вернулся в Константинополь, где спустя несколько месяцев и умер. Официальная милость и широкое прощение произвели желаемое впечатление, и никому не пришла мысль подозревать причину смерти Тефика. Бессиме, как предмет слабости султана, осталась в живых».

Похоже, вмешательство гарема в дела правителей были обычным и древним явлением. Одну такую историю мы находим и в сказках Шехерезады:

«Что же касается женщин-любимиц, из наложниц и других, которые были причиной убиения визирей и порчи государства из-за своих хитростей и обманов, то когда все, кто пришел в диван из городов и селений, отправились к своим местам и дела их выправились, царь приказал визирю, малому по годам, большому по разуму, то есть сыну Шимаса, призвать прочих визирей, и они все явились к царю, и тот уединился с ними и сказал: «Знайте, о визири, что я укло-

нялся от прямого пути, был погружен в невежество, отвращался от добрых советов, нарушал обещания и клятвы и прекословил советчикам, и причиной всего этого была забава с этими женщинами, и их обманы, и ложный блеск их слов, и ложь, и мое согласие на это. Я думал, что их слова — искренний совет, так как они были нежны и мягки, а оказалось, что это яд убийственный. Теперь же я утвердился в мнении, что они хотели для меня лишь смерти и гибели, и заслужили они наказание и возмездие от меня по справедливости, чтобы я сделал их назиданием для поучающихся. Но каков будет правильный план, чтобы их погубить?”

И визирь, сын Шимаса, ответил: “О царь, великий саном, я говорил тебе раньше, что вина падает не на одних только женщин, — ее разделяют с ними и мужчины, которые их слушаются. Но женщины при всех обстоятельствах заслуживают возмездия по двум причинам: во-первых, для исполнения твоего слова, ибо ты есть величайший царь, а во-вторых, потому, что они осмелились идти против тебя и обманули тебя и вмешались в то, что их не касается и о чем им не годится говорить. Они более всех достойны гибели, но довольно с них того, что их теперь поражает. Поставь же их от сей поры на место слуг, и тебе принадлежит власть в этом и во всем другом”

И некоторые из визирей посоветовали царю то же самое, что говорил ибн Шимас, а один визирь выступил к царю, пал перед ним ниц и сказал: “Да продлит Аллах дни царя! Если необходимо сделать с ними дело, которое их погубит, сделай так, как я тебе скажу” — “А что ты мне скажешь?” — спросил царь. И визирь сказал: “Самое правильное вот что: прикажи одной из твоих любимиц, чтобы она взяла женщин, которые тебя обманули, и отвела их в комнату, где произошло убийство визирей и мудрецов, и заточила их там, и прикажи давать им немного пищи и питья — лишь в такой мере, чтобы поддерживать их тело, и совершенно не позволять им выходить из этого места. И пусть тех, кто помрут сами по себе, оставляют среди них, как есть, пока все женщины не умрут до послед-

ней. Вот ничтожнейшее воздаяние им, ибо они были причиной этой великой смуты, — нет, корнем всех бедствий и смут, которые были во все времена” И оправдались в них слова сказавшего: “Кто выроет своему брату колодец, сам в него упадет, хотя бы долго длилось его благополучие”

И царь принял мнение этого визиря и сделал так, как он говорил. Он послал за четырьмя жестокосердыми наложницами и отдал им тех женщин, приказав отвести их к месту убиения и заточить там, и назначил им немного плохой пищи и немного скверного питья. И было дело их таково, что они печалились великой печалью и клялись в том, что из-за них случилось, и горевали великой горестью, и наделил их Аллах, в воздаяние, позором в здешней жизни и уготовил им пытки в последней жизни, и они оставались в том темном месте с зловонным запахом. И каждый день несколько из них умирало, пока они не погибли до последней».

Другие повелители были не менее жестоки и отправляли неудобных на тот свет «более или менее искусными путями».

В комментариях к роману «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» говорится:

«...Из любимой наложницы государя сделали “человека-свинью”; ей отрубили руки и ноги, выкололи глаза, проткнули уши, дали выпить снадобья, вызывающего немоту, и поместили жить в отхожее место».

«...Государь древней династии Инь был влюблен в красавицу Да-цзи и потакал всем ее прихотям. Тогда У-ван поднял войска и разгромил армию Чжоу Синя. Чжоу Синь покончил с собой, а Да-цзи была казнена. Ее голову привязали к белому знамени в знак того, что именно она погубила царство Чжоу Синя и династию Инь».

Расправы и казни учинялись не только хозяевами гаремов, но и членами их семей.

«Мы при ней очень несчастны, — жаловалась рабыня египетской принцессы. — Она чрезвычайно причудлива и жестока. Когда был жив ее муж, то ему случилось раз сказать одной невольнице, принесшей для

него воды: “Довольно, ягненок” Слова эти были переданы принцессе; она пришла в ярость и отдала приказание убить несчастную девушку, а голову отрезать, начинить рисом, изжарить и положить на блюдо. Когда муж пришел обедать, принцесса велела подать блюдо, сказав при этом: “Покушай твоего ягненочка” Дефтердар выскочил из-за стола, бросил салфетку и более не возвращался к жене, которая после того потеряла окончательно его расположение. Он не разошелся с нею формально только потому, что не хотел лишить себя ее богатства и желал считаться зятем Мегемета-Али».

Яды и отравления

Яды были излюбленным способом избавления от соперниц и провинившихся одалисок. Ядами пользовались и евнухи для устранения нежелательного наследника престола, как и многих других, на кого пала немилость повелителя.

Это опасное искусство развилось до такой степени, что и сами султаны вынуждены были с ним считаться.

Умение составлять яды и противоядия ценилось очень высоко. Мастерам этого тайного искусства позволялось многое. В их лабораториях процветала алхимия. Предания сохранили упоминания об эликсирах и других загадочных веществах, с помощью которых обычные металлы превращались в золото.

Для защиты от коварных отравителей во дворце существовал кущи-баши. Это отважный чиновник отвечал за подаваемую султану пищу, которая должна была быть изысканной, полезной и, главное, безопасной.

«Кущи-баши должен, во-первых, находиться в кухне во время приготовления обеда его величеству, — писал Осман-бей. — Когда все блюда готовы и уложены на носилки, он покрывает их красным сукном, которое припечатывает сургучом. Исполнив эту формальность, он представляет блюда султану, причем всегда первый отвеживает их. Эта последняя формальность совершенно понятна, потому что без нее султан мог

бы вдруг почувствовать себя дурно, поев какого-нибудь блюда; но раз уж кущи-баши подает пример, серьезных опасений быть не может и аппетит является сам собою».

Некоторые опасались отравления до такой степени, что запрещали в гаремах, как писал Джордж Дорис, «миндальные и жасминовые печенья, пудру, разноцветные карандаши, бархатные мушки и парики».

Впрочем, боялись отравлений не только турецкие султаны. История дает нам множество доказательств того, что такой способ устранения соперников был распространен повсеместно.

Не пренебрегал услугами отравителей и Иван Грозный, избавляясь от своих многочисленных жен и прочего неугодного люда.

Обитательницы гарема тоже использовали различные зелья, как в борьбе с соперницами, так и для того, чтобы по собственной воле расстаться с опостылевшей жизнью. Некоторые пили яд мгновенного действия, другие глотали большие дозы опиума, после которого редко кого удавалось спасти.

Сказки «Тысячи и одной ночи» содержат в себе и другие примеры использования подобных снадобий:

«...И он не переставал приходить к могиле в течение месяца. И случилось так, что халиф вошел в гарем, когда эмиры и визири разошлись по домам, и проспал немного, и у него в головах сидела невольница и обмахивала его опахалом, а другая невольница, у его ног, растирала их. И халиф спал, и проснулся, и открыл глаза, и зажмурил их, и услышал, как та невольница, что сидела в головах, сказала невольнице, бывшей у ног: “Послушай-ка, Хайзуран!” И та ответила: “Да, Кадыб-аль-Бан!” И первая сказала: “Наш господин не ведает, что случилось, он не спит, проводя ночи у гроба, где ничего нет, кроме обструганной деревяшки, которую сделал плотник” “А Кут-аль-Кулуб, что же с ней случилось?” — спросила другая. И первая девушка сказала ей: “Знай, что Ситт Зубейда послала с невольницей кусок банджа (сильное снотворное с наркотическим эффектом, изготавливаемое из конопли, подобие гашиша. — Ш. К.) и одурманила Кут-аль-Ку-

луб. Когда бандж овладел ею, Ситт Зубейда положила ее в сундук и велела Сауabu и Кафуру вынести его из дворца и поместить в гробницу” И вторая невольница спросила: “Послушай, Кадыб-аль-Бан, разве госпожа Кут-аль-Кулуб не умерла?” “Нет, клянусь Аллахом, да сохранит он ее юность от смерти! — отвечала невольница. — Я слышала, как Ситт Зубейда говорила, что Кут-аль-Кулуб у одного юноши, купца, по имени Ганим-ибн-Айюб Дамасский, и что с сегодняшним днем у него четыре месяца. А наш господин плачет и не спит ночей над гробом, в котором ничего нет”

И они еще долго говорили об этом, и халиф слушал их, а когда невольницы окончили разговор, халиф узнал все: и то, что могила поддельная, ненастоящая, и то, что Кут-аль-Кулуб уже четыре месяца у Ганима-ибн-Айюба. И халиф разгневался великим гневом...»

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Если главной обязанностью гаремных див было развлекать своего господина, то главной потребностью оставалось развлечение самих себя. Это непростое искусство совершенствовалось веками и достигало порой блистательных высот.

Если султаншами становились иностранки, в гаремы проникали новые веяния, вкусы, моды. Когда сами султаны увлекались достижениями европейской культуры, это тоже находило отражение в жизни сераля.

Каждая новая одалиска привносила в культуру гаремных развлечений что-то свое, унаследованное от традиций ее родины. Но приживалось лишь то, что было проверено временем, которое текло в гареме иначе, чем за его стенами.

Недостаток свободы и любви женщины замещали иллюзией счастья, снабженной весьма реальными атрибутами — роскошью, всевозможными яствами, изысканными развлечениями и показными душевными откровениями. Со временем они привыкали к этой иллюзии жизни, и она становилась более реальной, чем все остальное.

Как писал Александр Пушкин в «Бахчисарайском фонтане»:

Для них унылой чередой
Дни, месяцы, лета проходят
И неприметно за собой
И младость и любовь уводят.
Однообразен каждый день,
И медленно часов теченье.
В гареме жизнью правит лень;
Мелькает редко наслажденье.

Гаремные забавы

Шехерезадами в гаремах состояли кальфы-рассказчицы. Это были весьма образованные дамы, умевшие читать на персидском и арабском языках, знавшие произведения поэтов и ученых. Рассказчицы увлекали слушательниц гирляндами удивительных преданий, иногда меняя сюжет или придумывая свою историю. Популярными жанрами были легендарные сказания вроде «Кер-оглы» и месневи — романы в стихах.

Сказки из «Тысячи и одной ночи» и «Книги попугая», безумная любовь Лейлы и Меджнуна уже не казались одалискам вымыслами, потому что они и сами могли поведать не менее трогательные были из собственной жизни.

Чувственный гаремный эпос дополнялся музыкой, песнями, танцами, бесконечными сплетнями, прогулками в чудесных садах, плаванием в бассейнах, всевозможными играми и прочими увлекательными занятиями вроде прогулок за город или приема гостей. Все это вместе являлось незаменимым лекарством от скуки, которой, казалось, была пропитана вся атмосфера гарема. Хотя со стороны могло показаться, что красавицы гарема живут довольно весело и ни в чем себе не отказывают.

«Пение, музицирование, катание на лодке, а для некоторых — занятие фотографией и даже, говорят, велосипедные прогулки фигурируют в числе других их развлечений, — писал Джордж Дорис о гареме конца XIX века. — В основном же они проводят время в совершенно детских забавах: играют в куклы, изображают крики животных, пение петуха, жужжание мухи, лай собаки... Напудрив мукой лица негритянок, они заставляют их кривляться или драться друг с дру-

гом — короче, делают все, чтобы спастись от скуки. Лежа на диванах или софах, покрытых шелком, сидя на бухарских коврах в непринужденных позах, подчеркивающих стройность их тел и выдающих всю печальность их пустого существования, одни смотрят за голубыми струйками дыма от их сигарет или наргиле и перебирают рукой в браслетах янтарные или сандаловые бусинки своих тесбих (четки). Другие потягивают сироп и розовый шербет, едят мороженое, грызут фисташки, жуют мастику (род ароматной резинки), сосут леденцы. Все они любят конфеты, табак, цветы, благовония — особенно мускус и фиалку, запах которой особенно нравится султану, и к которой они питают явное расположение; они обожают кошек, попугаев, голубей; кофе, карты и фривольности; от двух вещей они просто без ума, потому что они им запрещены и потому что они женщины, — это вино и раки (восточная виноградная водка), которые им иногда доставляет услужливый евнух.

Время, которое им не удастся “убить”, они проводят в бесконечных печальных думах — о далекой родине, покинутом очаге, пропавших родителей, о неизвестном будущем, о сказочном возлюбленном, о старом господине, угрюмом и безобразном...

Будни гаремных див поэтично описал Александр Сергеевич Пушкин:

Младые жены, как-нибудь
Желая сердце обмануть,
Меняют пышные уборы,
Заводят игры, разговоры,
Или при шуме вод живых,
Над их прозрачными струями
В прохладе яворов густых
Гуляют легкими роями...
Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне
Толпою резвою сидели
И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.
Нарочно к ней на дно иные
Роняли серьги золотые.
Кругом невольницы меж тем
Шербет носили ароматный...

В Китае среди наложниц устраивались соревнования — нечто вроде фестивалей искусств. В романе «Сон в Нефритовом павильоне» читаем: «Мне известно, — заговорил князь Шэнь, обращаясь к Яну, — что принцесса привезла трех моих наложниц: две из них бывшие гетеры из Чанъани, третья — дочь простолюдина. Все они несравненно поют и танцуют, сочиняют стихи, ездят верхом и стреляют из лука. Думаю, они не уступят вашим наложницам, князь! Не хотите устроить меж ними состязание?»

Некоторые правители сами не прочь были позабыть свои гаремы. Порой развлечения эти были весьма жестокими. Шехерезада рассказывала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных приказал Масруру-меченосцу снять с Абу-Новаса одежду и привязать ему на спину седло и надеть ему на голову повод и на зад подхвостник и водить его по комнатам невольниц и помещениям женщин и другим покоям, чтобы над ним смеялись, а после этого отрубить ему голову и принести ее. И Масрур сказал: “Слушаю и повинуюсь!”»

Музыка

Одним из любимейших развлечений в гаремах была музыка. Музыкантшами, как правило, были рабыни. Типичный живописный сюжет — лежащая на диване томная красавица, слух которой услаждает не менее симпатичная рабыня-музыкантша.

«И с ним была каирская девушка, — рассказывает «Тысяча и одна ночь», — подобная свежему курдюку, или чистому серебру, или динару в фарфоровой миске, или газели в пустыне, и лицо ее смущало сияющее солнце: с чарующими глазами, бровями, как изогнутый лук, розовыми щеками, жемчужными зубами, сахарными устами и томными очами; с грудью цвета слоновой кости, втянутым животом со свитыми складками, ягодицами, как набитые подушки, и бедрами, как сирийские таблицы... И девушка склонилась над ней, как мать склоняется над ребенком, и пощекотала ее паль-

цами, и лютня застонала, и зазвенела, и затосковала по прежним местам, и вспомнила она воды, что наполнили ее, и землю, на которой она выросла. И вспомнила она плотников, которые ее вырубил, и лакировщиков, что покрыли ее лаком, и купцов, которые ее доставили, и корабли, что везли ее, и возвысила голос, и закричала, и стала рыдать, и запричитала, и казалось, что девушка спросила ее об этом, и она ответила языком нежных звуков».

Музыкальные инструменты упоминаются в сказках Шехерезады очень часто: «...А потом она сказала невольнице: “Марджана, подай нам какие-нибудь музыкальные инструменты” И невольница отвечала: “Слушаю и повинуюсь!” — и, скрывшись на мгновение, принесла дамасскую лютню, персидскую арфу, татарскую флейту и египетский канун. И девушка взяла лютню, настроила ее и натянула струны, запела под нее нежным голосом, мягче ветерка и слаще вод Та-снима».

Наложницы тоже уделяли музыкальным занятиям и танцам немало времени.

Основными инструментами в гареме были струнные уд (вид лютни) и рехаб, тростниковая флейта, бубен с колокольчиками и глиняный барабан дарабукка, похожий на кувшин с широким горлом, покрытым кожей. Когда музыкантам удавалось угодить слушателям, те бросали в их бубны деньги, и они наполнялись золотом.

Султан Абдул-Азиз даже завел себе целый оркестр из молодых невольниц. При дворе был и настоящий большой оркестр. Музыку для него писал и им же дирижировал брат известного итальянского композитора Гаэтано Доницетти. Придворный дирижер также перекладывал для своего оркестра популярные европейские произведения.

«Оркестр султана, которым дирижировал брат Доницетти, — писал Жерар де Нерваль, — исполнял очень красивые марши; все инструменты играли одновременно, как это принято в восточной музыке».

Когда один гарем прибывал в другой город в гости

к другому гарему, местное начальство могло прислать военный оркестр, чтобы тот развлекал гостей игрой под окнами сераля.

Повсюду в серале стояли «музыкальные часы, исполнявшие арии из итальянских опер. Они были украшены механическими птицами: соловьями, издающими трели, и павлинами, распускающими хвост веером».

У чернокожих рабов были свои развлечения. В Стамбуле существовало особое их сообщество. Отпущенные невольники помогали своим собратьям и устраивали праздники, на которые стекалось множество негров. Они исполняли свои обряды, сопровождавшиеся традиционной африканской музыкой и плясками. Некоторые из их инструментов стали весьма популярными в Турции.

Танцы

Гарем, как и Восток в целом, немыслим без танца. Не умевшая хорошо танцевать одалиска почти не имела шансов понравиться своему господину. Да и где, как не в грациозном танце, девушка могла показать себя во всей красе?

«Одна часть гостей начала петь под аккомпанемент кудума (инструмента, похожего на два маленьких тамбурина, поставленных рядом на пол и ударяемых двумя палочками) и тара или большого тамбурина, — вспоминала Мелек-ханум. — Две гостьи принялись танцевать: они стали одна против другой на некоторое расстояние и сходились и расходились, двигаясь взад и вперед под такт музыки. Танец этот не допускает поднимания всей ноги, а только едва заметное движение нижней ее части. Стан перегибается из стороны в сторону, голова наклоняется то вправо, то влево, руками делаются грациозные жесты, и все позы и движения их во все время продолжения танца исполнены страстности и упоения. Под конец танцы сделались общими, в них приняли участие и старые и молодые: жены кади (судей), накиба (главного законоведа), имама (священника) и многих других важных личностей как военного, так и гражданского ведомств».

Танец живота

Вряд ли найдется другой танец, который производил бы на зрителей более сильное впечатление, чем этот. Увидеть этот танец можно и сейчас. На Востоке его исполняют на сцене, в барах и ресторанах, на палубах прогулочных кораблей и всюду, где бывают туристы. Танец живота — чувственный, и при этом удивительно грациозный — покори́л весь мир. Повсюду находятся желающие постигнуть его чарующие тайны и насладиться его пленительным великолепием.

Даже женщин завораживают великолепные извивающиеся фигуры, трепещущие бедра танцовщиц, одетых в вызывающие наряды. А мужчины мгновенно преобразуются в султанов, щедро одаривая танцовщиц деньгами, против чего не ропщут и жены.

О восточных танцовщицах слагались легенды. Жертвой их очарования пал даже Иоанн Креститель. Предтеча обличал царя Ирода, который женился на жене своего брата Иродиаде. Тогда царь заключил обличителя в темницу, но казнить не решался из-за его популярности у народа. Мстительная Иродиада искала случая погубить Иоанна, и дочь ее Саломея вызвалась помочь матери. На пиру в честь дня рождения Ирода Саломея плясала так красиво, что ослепила своим великолепием и царя, и его вельмож. Восхищенный Ирод пообещал исполнить любое желание Саломеи, даже если бы она попросила половину царства. Великолепная танцовщица попросила у царя голову Иоанна Крестителя — так научила ее мать. Ирод не отступил от своего обещания, и вскоре голову Иоанна принесли на блюде Саломее, которая и передала ее матери.

День усекновения главы Иоанна Крестителя отмечается христианами 29 августа (по старому стилю). У мусульман Иоанн почитается как пророк Йахья, и голова его покоится, как святыня, в мечети Омейядов в Дамаске.

У танца живота много вариантов: танец с тростью, с миниатюрными цимбалами, бубном, шарфом и др. Одним из редких вариантов считается «Танец семи

покрывал», которые исполнительница сбрасывает с себя по мере приближения к кульминации. Вероятно, этот танец связан с описанным выше ритуалом открывания невесты в семи платьях.

«И Ибрахим увидел движения, каких не видал всю свою жизнь, — говорится в «Тысяче и одной ночи», — и Джамила показала в своей пляске диковинный способ и удивительные новшества, так что заставила нас забыть о пляске пузырьков в чаше и напомнила о том, что тюрбаны на головах покосились. И она была такова, как сказал о ней поэт:

Как хочешь, сотворена она, соразмерная,
По форме красы самой — не меньше и не длинней.
И, кажется, создана она из жемчужины,
И каждый из ее членов равен луне красой.

Или как сказал другой:

Плясунья! Подобен иве гнущейся стан ее,
Движенья ее мой дух едва не уносят прочь.
Не сможет стоять нога, лишь только плясать начнет
Она, словно под ногой ее — пыл души моей».

Откуда пришли эти танцы — все еще остается тайной. Это завораживающее яркое зрелище отражает многообразие культур, а вкуче с искусством индийских и африканских танцовщиц наталкивает на вполне определенные выводы. Во всяком случае, в танцах явственны отголоски древних ритуалов, символизирующих природную суть женщины, а страстный язык тела и жестов не требует перевода.

Однако вряд ли сегодня можно увидеть тот самый, настоящий танец живота, которым наслаждались султаны в своих великолепных гаремах.

«Танец во всех его видах, распространенных на Востоке, в большом почете в гареме и служит здесь главным развлечением, — писал Джордж Дорис. — Турецкие хороводы под цимбалы, тамбурины, уд (небольшой струнный инструмент) или под негромкое хоровое пение; черкесские, египетские, арабские танцы, из которых султан предпочитает наименее бесстыдные. (Тем не менее в прежние времена он очень

ценил талант старой негритянки, низкорослой, толстой, губастой и безобразной, которой не было равных в исполнении танца живота.)».

Пляски полуобнаженных женщин не укладывались в мусульманскую мораль, однако привычка к подобным развлечениям была неистребима и вызывала к жизни удивительные зрелища.

«Вот в облаках табачного дыма появились альмеи, — описывал Жерар де Нерваль свои каирские впечатления. — Они поразили меня блестящими тубетейками на заплетенных в косы волосах. Они притоптывали каблучками, отбивая ритм; на поднятых вверх руках позвякивали колокольчики и браслеты, они сладострастно покачивали бедрами, а под прозрачным муслином между кофточкой и роскошным, спадающим на бедра, как у Венеры, поясом виднелась полоска обнаженного тела. Эти обворожительные особы так быстро кружились, что было почти невозможно разглядеть их лица.

Они ударили в маленькие цимбалы, размером не более кастаньет, звуки которых почти заглушала примитивная мелодия, выводимая флейтой и тамбурином. Две гордые альмеи, с восточными глазами, подведенными кохлем, со свежими, слегка нарумяненными щеками, были очень красивы, но зато третья — третья явно принадлежала к иному, не столь нежному полу, о чем свидетельствовала недельная щетина на “ее” лице. После того как закончился танец, я сумел лучше разглядеть лица и двух первых и убедился в том, что перед нами были альмеи... мужского пола.

Вот вам сюрпризы Востока! А я-то чуть было не проникся поспешной страстью к этим “прелестным созданиям” и уже готов был прилепить им на лоб по нескольку золотых монеток согласно одной из самых невинных восточных традиций... Меня могут счесть расточительным, но спешу объяснить: существуют золотые монеты — гази — достоинством от пятидесяти сантимов до пяти франков. Разумеется, зрители выбирают самые мелкие монеты, чтобы покрыть лица танцовщиц своеобразной золотой маской, когда, проде-

лав изящные па, они склоняют перед каждым свой влажный лоб; но эти простые танцовщики, переодетые женщинами, не заслуживали подобной церемонии, им можно было просто бросить несколько пара.

В самом деле, египетская мораль весьма своеобразна. Еще недавно танцовщицы могли свободно ходить по городу, вносили оживление в праздники и доставляли удовольствие посетителям казино и кофеен. Сегодня они имеют право выступать лишь на торжествах в частных домах, и поборники морали считают более пристойным, чтобы эти танцы исполняли женоподобные длинноволосые мужчины, чьи обнаженные руки, тело и грудь являют собой плачевную пародию на прелести полуобнаженных танцовщиц».

Карлики

Особую роль в гаремных увеселениях играли карлики. Их вольные, порой довольно скабрзные проделки забавляли весь двор, принадлежностью которого карлики и «числились».

После определенных хирургических манипуляций, в целях обеспечения гаремного целомудрия, карлики допускались в серали наравне с евнухами. Эти несчастные создания были дорогой игрушкой и знали себе цену. Удачливые шуты-карлики наживали целые состояния и даже заводили себе рабов, когда их отставляли из гаремов. Однако успех при дворе давался карликам нелегко.

«Из числа сотни штук, проделываемых с несчастными карликами, одною из самых забавных считается — посадить карлика в груду рисового плова, — писал Осман-бей. — Эта штука делается обыкновенно, когда в серале какой-нибудь большой праздник. ...Берут большое обеденное блюдо, посреди которого помещают маленькую картонную нишу, в которой помещается карлик. После того все покрывается рисом и подается гостям, которые с ложками в руках ждут последнего блюда. Все по обыкновению спешат опустить свои ложки в эту груду плова; но не успеют они сделать один или два глотка, как в куче риса происхо-

дит странное движение, и из середины ее вылезает человек, весь запачканный смесью риса, масла и пота. Чтобы заставить карлика выпрыгнуть с большим эффектом, те, которые знают в чем дело, иногда нарочно впускают в него иголку, укол которой заставляет его прыгать, как сумасшедшего. ...Другой род забавы, в которой участвуют карлики и шуты, — смешной танец вроде канкана, исполняемый иногда на ипподромах. Этот танец по-турецки называется джуржуна и состоит в ряде кривляний и гримас, исполняемых в такт с хором. Чтобы придать еще более пикантности этой смешной сцене, карликов одевают в шутовские костюмы с громадными тюрбанами в виде груш, тыкв и пр. Ничто не может быть смешнее этого танца.

Эти маленькие шуты были непременно частью свиты султана.

Одного из них описал Теофиль Готье:

«...За ними ехал приземистый, одетый, как паша, толстый карлик со злобным лицом, занимающий при своем повелителе то же положение, что и шуты при дворе средневековых королей. Этот карлик, которого Веронезе изобразил бы в двухцветном одеянии с попугаем на руке или играющим с борзой во время обеда, сидел, вероятно, для контраста, на огромном коне, с трудом обхватывая его кривыми ногами».

Кроме «штатных» карликов, в серале были популярны и профессиональные шуты, на искусство которых всегда был спрос. Самых остроумных и веселых показывали гарему. Как писал Жерар де Нерваль, «все здесь устроено таким образом, чтобы жены могли участвовать во всех развлечениях гостей султана, не показываясь при этом. Повсюду в залах сделаны зарешеченные ложи, позволяющие дамам гарема незримо участвовать в политических или светских приемах».

Жаждающие развлечений дамы наблюдали за уморительными проделками шутов и бросали им монеты. Несмотря на явные успехи, шуты во дворце не задерживались — их выживали карлики, ревностно оберегавшие свои привилегии и не терпевшие конкурентов.

Когда вместе с европейскими веяниями в Турцию проникло и театральное искусство, дамы гарема употребили все свои способности, чтобы убедить султана в необходимости открытия в серале собственного театра.

Видимо, султан и сам был не против новых увеселений, раз соблаговолил отдать соответствующий приказ.

Для этого «собрали всех хорошеньких девушек и взяли от каждой кальфы субъектов, наиболее способных к изучению музыки, танцев и пантомимы, — писал Осман-бей. — Таким образом, при помощи некоторых усилий и множества денег удалось сформировать полный оркестр, кордебалет и труппу комедианток. Оркестр совершенно полный, как бы оркестр какого-нибудь гвардейского полка, с тою только разницей, что в серале женщины бьют в барабан и играют на тромбоне.

Что же касается танцовщиц и комедианток, то они дают представления в восточном вкусе, а также и в более систематическом и выработанном вкусе Западной Европы. Эти представления давались сначала в залах сераля, куда иногда допускались некоторые камергеры и любимцы его величества. Абдул-Меджид сделал еще шаг вперед по этому пути, выстроив рядом с дворцом красивый театр.

Я уверен, что мои читатели хотели бы знать, каким образом удалось обучить этих черкешенок изящным искусствам, которые с таким трудом даются в Европе. Дело объясняется очень просто. Пригласили таких профессоров, как Доницетти, Гаттелли и проч., и поручили им обучение молодых воспитанниц.

Но каким же образом султан допустил в свой гарем мужчин и, что еще хуже, учителей музыки и поручил им воспитание своих молодых черкешенок? ...Когда наступает час уроков или репетиций, ученицы выстраиваются в колонны с отрядами евнухов впереди и сзади. Это войско вводится таким образом в залу, где даются уроки и выслушивают их, причем учителя

не смеют слишком близко подойти к девушкам, а эти последние отбросить свои покрывала.

Число артисток простирается приблизительно до 200, что составляет уже довольно почтенный контингент земных гурий, искусство которых должно облегчать падишаху бремя государственных дел».

Мода на Восток, захлестнувшая Европу в XIX веке, привела гаремы, зачастую вымышленные, не только на страницы романов или полотна живописцев, но и на театральную сцену. Когда после окончания Кавказской войны имам Шамиль был привезен в Москву, в числе прочего почетному пленнику показали и балетный театр.

Давали балеты «Пери» Поля Дюка и «Катарина» («Укрощение строптивой»), поставленные Жюлем Перро. В «Пери» на сцене явился турецкий султан со всем своим гаремом. На экзотические танцы избранных прелестниц Шамиль смотрел со снисходительной улыбкой. Но когда сам султан принимался выражать свои восторги энергичными прыжками и великолепными сальто-мортале, Шамиль негодуя поднимал брови и растерянно косился на своих спутников. Такого позора от высокочтимого лица, хотя бы этот султан был и балетным, он не ожидал. Но вскоре Шамиль отложил бинокль и только иронично улыбался, отнеся безумные пляски султана на счет невежества создателей балета, «кормивших публику грязью».

Карагёз

Если европейский театр был новшеством, то представления марионеток были жанром традиционным и любимым всеми. Это был театр теней, в котором мастерски сделанные куклы разыгрывали презабавные, а порой и остросатирические действия.

«Спектакль давался в саду, под деревьями; низкие табуреты для местных жителей и соломенные стулья для гяуров представляли собой партер, — писал Теофиль Готье. — Публика собралась многочисленная. От трубок и наргиле поднимались в воздух голубоватые спирали, сливаясь в ароматный туман над курильщи-

ками, а головки трубок светились на земле, как светлячки. Синее ночное небо, усыпанное звездами, служило потолком, а луна заменяла люстру; официанты сновали взад и вперед, разнося кофе и воду, без которых не обходится ни одно турецкое зрелище.

...Театр Карагёза устроен еще проще, чем балаганчик Полишинеля: угол между двумя стенками затягивают плотной тканью, в которую вставлен прозрачный белый квадрат, высвечиваемый сзади одной-единственной плоской. Роль оркестра принимает на себя бубен. Импресарио стоит в треугольнике из двух стен и занавеса, двигает фигурки и произносит за них текст.

Квадрат, где предстояло двигаться маленьким актерам, светился во тьме, притягивая нетерпеливые взгляды. Вскоре между полотном и пламенем плоски возникла тень. Прозрачная разноцветная фигурка прильнула к газовой ткани. Это был китайский фазан на кусте. Вздрогнул и загудел бубен, и пронзительный гортанный голос затянул протяжную монотонную песню в неуловимом для европейских ушей ритме. Пение звучало в полной тишине, ибо при появлении фазана шум разговоров и тот невнятный гул, какой неизбежно создает всякое скопление людей, даже самых спокойных, внезапно смолкли. В переводе на наш театральный язык это были поднятие занавеса и увертюра.

...Взрыв смеха возвестил о появлении Карагёза, и гротескная фигурка высотой в семь-восемь дюймов, нелепо жестикулируя, остановилась перед оградой.

Карагёз заслуживает отдельного описания. Его маска — разумеется, существующая лишь в виде силуэта, как того требует принадлежность к театру теней, являет собой довольно удачную карикатуру на турецкий тип.

...В отличие от марионеток Серафена, он не выделяется черным непроницаемым силуэтом на промасленной бумаге, а расписан прозрачными красками, как картины волшебного фонаря. Его можно сравнить с фигурой витража, извлеченной из композиции вместе со свинцовой оправой.

...Вторая пьеса “Женитьба Карагёза” — целиком построена на действии. Карагёз видит красивую де-

вушку, и в нем немедленно вспыхивает страсть, ибо человек он темпераментный. Отметим мимоходом, что в театре Карагёза у женских фигурок лицо открыто. Его идеал — стройная красотка и в самом деле довольно хорошенькая, с подведенными сурьмой глазами, алым ротиком и нарумяненными щечками. Наряжена она, как султанша из Комической оперы, и вертится очень кокетливо. Заключив брак, Карагёз посылает свадебные подарки: четыре арбы, четыре талики, четыре лошади, четыре верблюда, четыре коровы, четыре козы, четыре собаки, четыре кошки и четыре клетки с птицами. Но это еще не все: далее шествуют хаммалы, неся сундуки с нарядами, диваны, табуреты, столики, ковры, трубки, наргиле, светильники, ларцы с драгоценностями, посуду и ночные горшки. Этот кортеж, чрезвычайно интересный для иноземца, ибо знакомит с предметами турецкого быта, движется под татарский марш с четким, настойчивым ритмом, который постепенно начинает нравиться, и мотив потом привязывается надолго. Щедрость, однако, не спасает Карагёза от краха еще не начавшейся супружеской жизни. Девушка, только что такая изящная, на глазах округляется от скороспелой беременности, в которой никак не может быть повинен муж. Бедный Карагёз в самый день своей свадьбы оказывается отцом — это чрезвычайно его удивляет, но, подобно парижским мужьям, он в конце концов смиряется.

Меня очень позабавило это представление, так как в отличие от предыдущего оно не требовало понимания диалога: я получил удовольствие, подобное тому, какое получают в Париже иностранцы, не знающие французского, когда смотрят балет.

...Наше современное ханжество делает невозможным пересказ этих игривых ателлан, где сладострастные сцены Аристофана переплетаются с озорными грезами Франсуа Рабле. Представьте себе античного бога садов, переодетого турком и пущенного по гаремам, базарам, кофейням, невольничьим рынкам, где он гуляет, как смерч, порождая сумятицу и неразбериху, циничный, бесстыдный и жизнерадостно ненасытный. Трудно превзойти этого итифаллического гения в изо-

бретательности блудливого воображения. Театр Карагёза часто дает представления в сералях, где женщины смотрят их, укрывшись на обнесенных решетками галереях. Как увязать столь вольные зрелища с мусульманской суровостью нравов? Быть может, это своего рода предохранительный клапан, всегда необходимый в перегретом котле, ибо, как бы ни была строга мораль, она вынуждена оставлять порочной человеческой натуре выход для пара. Впрочем, эти греховные фантазии неопасны и исчезают как тень, когда гаснет фонарь балагана».

Представления марионеток нередко использовали для того, чтобы иносказательно донести до владык то, что беспокоило народ, или сообщить о преступлениях в его окружении. Подобно «Гамлету» Уильяма Шекспира, театр марионеток дал султану Абдул-Меджиду сигнал об опасности, грозящей его наследнику, которого тайно терзала супруга султана Бессиме.

«Никто не осмеливался донести султану о всех этих жестокостях; влюбленный Абдул-Меджид не поверил бы ничему, и тогда горе доносчику! — писала Мелек-ханум. — Однако один из верных слуг нашел возможность довести о таком положении дел до сведения своего владыки, не подвергая при этом себя ни малейшей опасности. Приглашенный для развлечения султана дать представление, называемое “Кара-Гез”, он составил для этого случая несколько небольших пьес, род комедии, в которых решился изобразить перед своим государем влюбленного султана, женившегося на невольнице, и султаншу, сводящую любовные интриги с самыми низшими слугами своего дворца, жестоко обращающуюся с наследником престола и под конец умерщвляющую его, и что все это прощается ей ее очарованным и слабым мужем.

Абдул-Меджид понял намек. Он послал за юным принцем, расспросил его, увидел на его теле следы жестокого обращения и получил от него признание во всех вынесенных им страданиях. Читатель, может быть, подумает, что после всего этого султан вне себя от ревности за ее поведение и преисполненный негодованием за своего сына немедленно отдал повеление,

по старому обычаю, завязать ее в мешок и бросить в море. Совсем нет. Оправившись весьма скоро от своего гнева, он послал за валиде-султаншей и, не говоря ей о причинах побуждающих его действовать таким образом, отдал ей приказание отправить Бессиме-ханум на следующее же утро со всеми ее драгоценностями, полученными ею от него, в загородное помещение, которое он назначил для нее».

Прогулки

Существует заблуждение, что женщины были вечными узницами гаремов и никогда не покидали их стен. Это вовсе не так. Гаремные красавицы посещали родных, базары, парки, катались на лодках (каиках) и т. д. Некоторых дам даже отпускали в небольшие отпуска «по болезни», когда лекари рекомендовали сменить климат для поправки здоровья.

На прогулки гаремы выезжали в задрапированных экипажах в сопровождении кальф, служанок и под охраной конных евнухов. Выезд султанского гарема представлял собой грандиозную процессию.

Излюбленными местами прогулок были Сладкие воды Азии и Сладкие воды Европы — райские уголки на берегах Босфора. Здесь были устроены фонтаны и водопады, беседки, разбиты цветники и парки, проложены дорожки.

«Дамы выходят из своих экипажей, для них расстилают ковры, и они садятся со своими невольницами за роскошно убранные столы, уже заранее приготовленные по этому случаю, — вспоминала Мелек-ханум. В убранстве и роскоши этих столов дамы соперничают друг перед другом и щеголяют блеском золотой и серебряной посуды. Нельзя при этом не обратить внимания на некоторых знатных дам, окруженных своими невольницами и грациозно сидящих в богатых малиновых платьях, обшитых золотой бахромой, а также на множество лодок, сплывающих по реке, и на оркестр, помещающийся неподалеку от дам. Разнообразные плащи, красные, зеленые, голубые; щегольские экипажи, общее оживление, вызываемое звуками музыки, приезд

и отъезд экипажей, кавалеры верхом и пешком, разнообразные костюмы слуг, евнухов, курьеров и продавцов фруктов — все это вместе представляет живописное зрелище».

Особенно приятными были водные путешествия на каиках, которые описал Теофиль Готье:

«Вся эта конструкция из навощенного или лакированного бука, иногда с тонким золотым ободком, отличается невероятным изяществом и тщательностью отделки. Каиджи сидят на маленьких поперечных скамейках, покрытых овечьей шкурой, чтобы не скользить, и каждый орудует парой весел с утолщением у рукояти, упираясь ногами в деревянную перекладину.

Пассажиры размещаются на дне лодки, у самой кормы, чтобы нос приподнимался над водой, — это облегчает скольжение.

Каиджи — здоровенные молодцы, арнауты обладают геркулесовой силой и в большинстве своем — мужественной красотой. Под ветром и солнцем кожа их приобретает цвет меди, что усиливает их сходство с медными скульптурами.

...На Сладких водах Азии, неподвижно сидя под деревом или прислонясь к фонтану, будто задремавший мечтатель, я видел не один прелестный профиль, едва затуманенный газовым покровом, не одну грудь, белоснежную, как паросский мрамор, мягко выступающую под складками приоткрывшегося фередже, пока евнух, обманутый моим рассеянным и сонным видом, прохаживался неподалеку или глядел на идущие по Босфору пароходы.

...Продавцы воды, шербетов, винограда и вишни сновали от одной группы к другой.

...Чуть поодаль всадники на прекрасных конях занимались джигитовкой — несомненно, в честь невидимой красавицы. Чистокровные скакуны из Неджда, Хиджаза и Курдистана в сверкавших драгоценными камнями чепраках горделиво потряхивали длинными шелковистыми гривами, чувствуя, что ими любят, а когда какой-нибудь всадник поворачивался спиной, из окошка одной из талик выглядывала прелестная головка».

О том, как отдыхали женщины в обычных домах, Алев Литлэ Крутье пишет: «За внешним миром женщины могут наблюдать, сами оставаясь невидимыми, с балконов, также закрытых решетками. Для прогулок на свежем воздухе женщины пользуются двором, террасой на крыше дома и садом, что также входит в границы гарема. Излюбленным местом для женщин были террасы на крышах домов, откуда можно наблюдать за плывущими кораблями, где легче дышится в жаркий полдень и где хорошо закусывать на открытом воздухе. Эти террасы позволяли женщинам незамеченными переходить из одного дома в другой».

Такие террасы и сегодня существуют в восточных домах.

Приемы в гаремах

Такие события были редки, но запоминались надолго. К ним тщательно готовились, потому что приемы в гаремах были своего рода смотрами достижений сераля и фавориток: великолепные наряды, ослепительный блеск драгоценностей, изменения в иерархии — все это служило поводом для бесконечных обсуждений и многозначительных выводов.

К тому же по традиции дамы на приемах обменивались дорогими подарками. Подарки попроще получали евнухи и слуги.

Мелек-ханум описала и свой визит к принцессе Египта: «Взяв с собою мою дочку Аише, двух невольниц и евнуха, и в сопровождении лиц, посланных за мной принцессой, я отправилась в Яффу, а оттуда поехала морем в Александрию, где нашла экипажи и слуг, высланных ко мне навстречу ее светлостью. Кареты были обиты внутри красным бархатом и вместо окон с обеих сторон имели тонкие переплеты, пропускавшие воздух. Я тотчас же доехала к принцессе в ее дворец, находившийся вблизи Нила, посреди великолепного сада, наружная архитектура дворца имела почти европейский вид. Мозаики, покрывавшие полы апартаментов, были замечательно хороши.

Выйдя из кареты на одном из дворов дворца, я во-

шла в широкое фойе с великолепной лестницей, ведущей в верхние покои. По обе стороны этой лестницы стояли в ряд невольницы, одетые в блестящие шелковые платья, с ценными ожерельями на шее, серьгами в ушах и браслетами на руках. Чтобы оказать мне особый почет, меня, когда я подымалась наверх, вели под руки несколько невольниц, другие же, а также и евнухи, несли шлейф моего широкого плаща (ферадж), застегнутого спереди и имевшего еще обширные рукава и пелерину. На верху лестницы меня встретила казначейша принцессы, ввела в большую залу, где, посадив меня на диван, просила отдохнуть, прежде чем представиться принцессе.

Спустя некоторое время казначейша пришла сказать, что ее светлость ждет меня. Войдя в ее покои, я увидела ее сидящей на великолепном диване и спокойно курящей кальян. При моем входе она привсталала и, твердой поступью приблизившись ко мне, сказала мне приветствие.

Принцесса была среднего роста и довольно смугла; лицо ее носило отпечаток энергии и страстности, что не всегда бывает вместе; глаза ее были пронизательны и смелы и выражали ум. Я, по обычаю, простерлась перед ней на полу; она грациозно наклонилась в ответ на мой поклон и пригласила меня движением руки сесть на диван против нее.

В комнате находились разные старухи, которые развлекали принцессу, рассказывая ей сказки. Как скоро я села, мне подали кальян, и я принялась курить. Принцесса вступила со мной в разговор, начав расхваливать меня и передавать все, что она слышала лестного обо мне. После этого мы говорили о различных предметах, и Назли-ханум выказала много ума и большое знание в делах Востока. Во время нашего разговора нам подали шербет с различными благовониями, а потом кофе. Спустя часа полтора я простилась с принцессой и удалилась в отведенные для меня покои. Подобно всем комнатам дворца, и мои комнаты были великолепно убраны: вышитые бархатные диваны, подушки и занавесы были повсюду. Когда наступил час обеда, Назли-ханум обедала со мной вдвоем. Стол был

накрыт шитой шелковой скатертью и уставлен множеством серебряных блюд редкой работы, а также и ложки были разукрашены драгоценными камнями.

Во время обеда мы говорили мало, и когда вышли из-за стола, то пошли в сад, где сели у стола, курили и пили кофе. Около десяти часов нам подали фрукты и шербет в золотых кубках, с крышками, украшенными бриллиантами.

В это же самое время некоторые невольницы танцевали под такт медных кастаньет, а другие пели. Те же, обязанность которых была неотлучно присутствовать в комнате стоя, падали от усталости; лица их ясно говорили о том, что они проводили ночи без сна. Они не смели выказывать утомления или нетерпения, иначе госпожа их, заметя это, велела бы их немилосердно бить; многие не выдерживали такого жестокого наказания и даже умирали вследствие этого.

...Назли приказала принести две шкатулки, из которых каждая была в три фута длины и очень широка и глубока. “Теперь, — сказала она, — будем выбирать камни” Обе шкатулки были доверху наполнены бриллиантами, изумрудами и другими драгоценными камнями; некоторые из них были весьма больших размеров и не имели себе цены. Принцесса, пересмотрев все, хотела уже запретить шкатулки, как вдруг сказала: “Я вам сделаю маленький подарок; здесь есть два бриллианта; возьмите их и один отдайте вделать в кольцо для себя, а другой для вашего мужа” Каждый из этих бриллиантов был впоследствии оценен в пять тысяч франков.

После того Назли-ханум потребовала большой ящик, который был весь наполнен слитками золота. “Я думаю перелить эти слитки в блюда, — сказала принцесса. — Что вы на это скажете?” — “Полагаю, — отвечала я, — что блюда из чистого золота будут слишком тяжелы; лучше сделать их из серебра” — “Вы правы, — отвечала она, — и я лучше употребляю это золото для чего-нибудь другого” Тогда, взяв два или три слитка, она бросила их к ногам одной из своих невольниц, сказав ей: “На, возьми, это тебе”.

Случались на приемах и конфузы. «Когда валиде-

султан принимала у себя императрицу Германии, писал Джордж Дорис. — Она ждала почтительного целования руки; когда же гостья удостоила ее лишь дружественным рукопожатием, валиде была до крайности шокирована. Когда прием окончился, она сказала дамам из своей свиты, что сиятельная иностранка “плохо воспитана” (“эдебсиз”).

Не приходится удивляться такому высокомерию, если учесть, что подле султанского трона они вдыхают пьянящий фимиам, который неустанно курят перед господином сонмы угодливых придворных льстецов. Еще детьми их научили, что султан есть Царь Царей, тень Бога на земле, единственный Вершитель судеб мира. Владыка Обеих Земель и Обоих Морей, Повелитель Востока и Запада (некоторые из титулов султана), и они искренне считают глав других государств простыми вассалами Великого Господина».

Праздники

Главным праздником был Байрам, наступавший после поста и длившийся несколько дней.

В этот праздник члены семей поздравляли друг друга, родственников и соседей. Разумеется, все, кто имел возможность, отправлялись поздравлять султана, его гарем, а затем и семьи вельмож.

Все наряжались в лучшие одежды и отправлялись раздавать подарки. Богатые одаривали своих слуг и бедняков, которые приходили их поздравить. Это вообще считалось богоугодным делом, а в большие праздники приобретало особенный размах и щедрость.

«Тот же барабанный бой, который во время Рамазана подает сигнал к пробуждению жителей от сна, писала Мелек-ханум, — во время Байрама раздается для призыва их приветствовать наступающей сезон. Барабанщик проходит по всем улицам в сопровождении толпы ребятишек обоего пола; дамы из за своих решетчатых окон бросают им мелкую монету, завернутую в кисейные платки. Бедные толпятся у домов богатых и потчуют дам апельсинами и конфетами, взамен чего обыкновенно получают одежду и несколько

мелких монет. Мужчины также делают визиты, а подчиненные подносят при этом своим начальникам конфеты и фрукты. ...Народ же празднует Байрам шумными увеселениями, отправляясь толпами на главную площадь, где размещаются странствующие музыканты и дают представления фокусники, плясуны, акробаты, показываются волшебные фонари и продаются пирожки и сласти, словом, все то, что обыкновенно встречается у всех народов на публичных гуляньях».

Праздник не прерывался и ночами. «Топхане, весь в красных и зеленых бенгальских огнях, сиял, словно в апофеозе: ежесекундно стреляли пушки, трещал фейерверк, зигзагами взлетали шутихи, взрывались и расцветали пиротехнические бомбы, — описывал празднества Теофиль Готье. — Махмудие исчезала и вновь возникала в клубах опалового дыма, подобно сверкающим дворцам из восточных сказок, где обитает царица пери. Это было потрясающе. На освещенных парходах с цветными стеклами курсировали вдоль берегов оркестры, и их фанфары радостно разносил морской ветерок. Небо, словно тоже пожелав участвовать в празднестве, щедро разбросало содержимое своего звездного ларца по лазуритовому куполу, чуть тронутому у самого края заревом земного пожара».

ДАМСКИЕ ШАЛОСТИ

Интриги

Излюбленным занятием обитательниц гарема были интриги. Матери принцев и принцесс были поглощены заботами о будущем своих детей; те же, кто детей не имел, изобретали хитроумные способы понравиться султану, сделаться матерью и получить законное «повышение по службе». А так как соперниц, желавших таким же образом добыть себе счастье и могущество, в гареме всегда было в избытке, то в ход пускались самые изощренные и хитроумные средства. Очаровательное ангелоподобное создание могло учинить все, что угодно — от драки с целью изуродовать конкурентку до государственного переворота.

В предисловии к трагедии «Баязид» Жан Расин писал: «Вряд ли на свете есть еще один подобный двор, при котором любовь и ревность были бы столь же хорошо известны, как там, где заперто вместе столько соперниц, пребывающих в вынужденной праздности и не знающих иного занятия, кроме как совершенствоваться в искусстве обольщения и любви».

Роберт ван Гулик рассказывает о том, как фаворитки пробивались к вершинам власти:

«Женская половина дворца, как и раньше, напоминала улей, где процветали интриги, так как каждая жен-

щина буквально из кожи вон лезла, чтобы привлечь внимание императора. Двум женщинам удалось пробиться на вершины с помощью своей красоты и незаурядности, и их имена хорошо известны в истории страны.

Первая была госпожа У Чжао, которая, будучи супругой императора Тай-цзуна, вступила в интимные отношения с его сыном-наследником... Когда она стала фавориткой Кай-цзуна, она убила своего собственного ребенка и затем ложно обвинила императрицу и другую фаворитку императора в злодеянии. Император отправил обеих женщин в темницу и в 655 году возвысил У Чжао, сделав ее императрицей. Но он все же выказывал некий интерес в отношении двух отвергнутых женщин, и У Чжао приказала забрать их из темницы, жестоко избить, а затем отрезать кисти рук и ступни и утопить в бочке с вином. Вскоре после смерти императора У Чжао узурпировала всю власть, управляя империей “железной” рукой. В личной жизни она отличалась крайней похотливостью. Еще при жизни императора она уговорила его разместить большие зеркала вокруг кушетки, где она обычно развлекалась с ним в дневное время. Однажды, когда император находился там один, известный генерал Лю Цзяньгуй (601—685) пришел на аудиенцию. Он ужаснулся, когда увидел императора, сидящего среди зеркал, и сказал: “На небе не бывает двух солнц, на земле не может быть двух правителей. Но твой слуга видит здесь многочисленных Сынов Неба. Разве это не зловещий знак?” Тогда император приказал убрать все зеркала, но когда после его смерти императрица У Чжао продолжила свои любовные приключения, она приказала поставить зеркала снова. Должно быть, эта женщина обладала потрясающей жизнеспособностью. Когда ей было около семидесяти лет, она все еще забавлялась с Чан Чанцуном, молодым человеком, который был ее фаворитом в течение восьми лет и который расхаживал по дворцу с нарумяненным и напудренным лицом. Ян Ляньфу написал сатирическое стихотворение об амурных делах императрицы:

Ясным весенним днем в зеркальном зале
Разыгрывается много тайных игр,
Отраженные образы тел цвета нефрита
Точно повторяют их каждое движение.
Господин Шесть, упоенный победой,
Улыбается сверкающей пустоте,
Резвится пара мандаринок
В зеленых волнах.

Вторая удачливая наложница была Ян-гуйфэй, “драгоценная наложница Ян” Ее имя было Юй Хуань — “Нефритовое кольцо”, она была наложницей сына императора Мин-хуана (712—755), известного покровителя искусств и литературы. Ян-гуйфэй описывают как замечательную белокожую красавицу, правда, довольно полную — как этого требовала мода того времени. Очень скоро ее взял себе старый император и возвысил, а в 745 году она получила ранг гуйфэй. Император исполнял ее малейшее желание. Три ее сестры пришли в гарем фаворитками, а кузен был назначен министром. Император очень любил наблюдать за ней, когда она, обнажившись, купалась, и построил для нее дворец Хуацзин на горячих источниках в провинции Шаньси, куда каждый год ездил вместе с ней. Но ее карьера была внезапно прервана восстанием Ань Лушаня. Когда в 756 году армии повстанцев приблизились к столице, император вместе со своими женщинами сбежал. В пути стража потребовала голову Ян-гуйфэй, которая, как считали в народе, была источником бед, обрушившихся на империю. Император вынужден был уступить, и она и ее сестры были убиты. После поражения Ань Лушаня войсками сторонников империи император вернулся в столицу, но он так и не смог забыть Ян-гуйфэй и скорбел о ней до конца своих дней».

Ревность и соперничество

«Можно представить себе, какое соперничество, какая ревность, какие запутанные интриги рождаются в среде этих праздных женщин, молодых, пылких или тщеславных! — писал Джордж Дорис. — Они образуют бесчисленные кружки и группы — со своими секрета-

ми, своими симпатиями и антипатиями. Соперничающие кланы ведут между собой нескончаемую скрытую войну, приводящую к шумным ссорам, к потасовкам, которые требуют вмешательства евнухов и прекратить которые иногда требует больших усилий».

Выдавшие виды кальфы щедро снабжали своих пассий рецептами хитроумных интриг. Уроки гаремного соперничества предлагались и в популярных у наложниц книжках вроде упоминавшихся «Тысяче и одной ночи» или «Книги попугая».

Полезные сведения содержала и «Камасутра»: «Если, кроме нее, у мужа несколько жен, старшая жена должна заключить союз с той, что ближе к ней по положению и возрасту и подстрекать ее ссориться с нынешней любимицей мужа. Потом выразить второй жене свое сочувствие, собрать всех жен вместе и выставить фаворитку мужа как коварную и злую женщину, не выдавая себя при этом. Если фаворитка ссорится с мужем, старшая жена должна встать на ее сторону, всячески ее подбадривать и подстрекать и тем самым еще больше усилить ссору. Если ссора легкая, старшая жена должна сделать все, чтобы она стала серьезной. Но если после этого она обнаруживает, что муж по-прежнему предпочитает фаворитку, она должна изменить тактику и примириться с любимицей мужа, чтобы не навлечь на себя его неудовольствие».

Сгорающих от ревности соперниц Александр Сергеевич Пушкин описал в «Бахчисарайском фонтане»:

..Но где Зарема,
Звезда любви, краса гарема? —
Увы! печальна и бледна,
Похвал не слушает она.
Как пальма, смятая грозюю,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбил Гирей.
Он изменил!.. Но кто с тобою,
Грузинка, равен красотою?
Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи;
Чей голос выразит сильнее
Порывы пламенных желаний?

Чей страстный поцелуй живею
Твоих язвительных лобзаний?
Как сердце, полное тобой,
Забьется для красоты чужой?
Но, равнодушный и жестокий,
Гирей презрел твои красы
И ночи хладные часы
Проводит мрачный, одинокий
С тех пор, как польская княжна
В его гарем заключена.
...Мария! ты пред ним явилась.
Увы, с тех пор его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, изменою дыша,
Моих не слушает укоров,
Ему докучен сердца стон;
Ни прежних чувств, ни разговоров
Со мною не находит он.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю: не твоя вина...
Итак, послушай: я прекрасна;
Во всем гареме ты одна
Могла б еще мне быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, как я, не можешь;
Зачем же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мне: он мой;
На мне горят его лобзанья,
Он клятвы страшные мне дал,
Давно все думы, все желанья
Гирей с моими сочетал;
Меня убьет его измена...
Я плачу; видишь, я колена
Теперь склоняю пред тобой,
Молю, винить тебя не смея,
Отдай мне радость и покой,
Отдай мне прежнего Гирея...
Не возражай мне ничего;
Он мой! он ослеплен тобою.
Презреньем, просьбою, тоскою,
Чем хочешь, отврати его...

Невинной деве непонятен
Язык мучительных страстей,
Но голос их ей смутно внятен;
Он странен, он ужасен ей.
Какие слезы и моления
Ее спасут от посрамленья?
Что ждет ее? Ужели ей
Остаток горьких юных дней
Провести наложницею презренной?

Избавление от соперниц

«Жены и одалиски составляют высшее сословие из невольниц, — писала Мелек-ханум. — Если их господин богат, то они пользуются всеми прихотями роскоши: экипажами, выездами, пирами, прислугой всех родов. Но часто случается, что раба не долго остается единственной женой; муж вводит другую, которая делается уже подругой по привязанности. В каком бы положении ни находилась первая жена, будь она свободной или рабой, вторая жена всегда старается свести первую на задний план. Если вторая тоже раба, то дело оканчивается ревностью, если же она свободная женщина и происходит из семейства, уважаемого мужем, то бедная жена-раба должна переносить все неприятности, все унижения, которые только может придумать ревнивая и могущественная соперница. Жизнь первой жены становится рядом мучений, нередко оканчивающимся трагически.

Если же раба поступит в гарем высокопоставленной женщины, то положение ее становится крайне плачевным: раба должна проводить ночи стоя, прислуживая во время оргий своей госпожи. Из простого каприза рабы часто осуждаются на бичевание их евнухами, вооруженными курбачами или кнутами из слоновой кожи.

С другой стороны, эти несчастные создания иногда одновременно служат предметом страсти их господина и предметом ревности своих господж. Ввиду постоянного одиночества, подстрекаемые мыслью быть одалиской или второстепенной женой, часто взятые насильно — они сами ищут случая вступить в связь. Но лишь только их госпожа узнает о какой-либо интриге, как на рабу обрушиваются все ужасы ее бешенства. Муж, терпение которого обыкновенно совершенно теряется, оставляет несчастную жертву во власти своей жены, которая с целью освобождения себя от соперницы старается ее продать».

Рабыни-служанки, не имевшие шансов понравиться владыке гарема, вели свою войну за место под солнцем. Они старались сблизиться с главными женами, чтобы, оказав им какие-либо тайные услуги, по-

лучить на своих хозяек определенное влияние. Далее следовали примитивный шантаж и откровенное вымогательство. От таких рабынь хозяйки избавлялись разными способами. Рабынь пристраивали в жены к старым вдовцам. Или предлагали приличную сумму отступных и полную свободу за пределами своего дома. Если эти способы не помогали, находились евнухи, слуги или наемные убийцы, которые всегда были готовы совершить хорошо оплачиваемое черное дело.

«Ревность принцессы простирается и на тех из ее невольниц, — писала Мелек-ханум, — которые служат ее страстям; при малейшем подозрении в измене она приговаривает их к смерти под ударами кнута».

В книге Роберта ван Гулика читаем: «У князя Чу были две фаворитки, Ван Чаопин и Ван Тию. Когда князь заболел, наложница по имени Чаосинь ухаживала за ним и снискала его благосклонность. Однажды, когда князь развлекался с Тию, он обнаружил у нее в рукаве кинжал. Когда ее высекли и допросили, Тию призналась, что она и Чаопин договорились убить Чаосинь из ревности. Чу затем допросил Чаопин, которая созналась после того, как ее прижгли железными прутьями. Вслед за этим князь собрал всех женщин и сам убил Тию, отрезав ей голову, потом он заставил Чаосинь убить Чаопин. Он сделал Чаосинь своей главной женой. Она приревновала его к наложнице по имени Тао Ванцзинь и оклеветала ее, сказав, что Ванцзинь обнажалась перед художником, который рисовал ее портрет. Когда затем она также обвинила ее в прелюбодеянии, князь приказал ее выпороть и заставил других женщин жечь ее иглками. Ванцзинь бросилась к колодцу и хотела утопиться, Чаосинь приказала вытащить ее и *virga intra pudenda eius adacta interfecit** Затем она отрезала жертве нос, язык и губы и приказала сжечь тело. Далее, когда князь оказал знаки внимания другой наложнице по имени Юнъай, Чаосинь оклеветала и ее. Юнъай бросилась в колодец, чтобы избежать истязаний, но Чаосинь приказала вытащить ее и пороть до тех пор, пока она не признается в супружеской измене».

* Латинский текст приведен, как в подлиннике.

До наших дней дошло множество историй о похождении восточных донжуанов и казанов, перед которыми приключения героев «Декамерона» сильно бледнеют. Эти истории были весьма популярны в народе и даже представлялись в театрах марионеток. А еще рассказывают, что чужеземцы, наслышанные о «подвигах» местных сердцедедов, которым якобы удавалось проникать в гаремы и даже похищать оттуда красавиц, и решавшиеся на подобные авантюры, легко могли быть облапошенными девицами легкого поведения, выдававшими себя за обитательниц гарема.

Иногда подобные легенды распространяли сами же жертвы своего легковерия, попавшиеся в сети девиц легкого поведения, которые походили на турчанок своими костюмами, но на самом деле турчанками не были.

Уловки таких дам, которые «достаточно хорошо подражают манерам турчанок, чтобы провести чужеземца», описал Теофиль Готье: «Для спектакля требуется лишь старая сводня, состоящая в сговоре с прекрасной интриганкой, легковерный молодой человек и уединенный дом, где назначается свидание. Мужское тщеславие дорисовывает остальное. Приключение, как правило, заканчивается изъятием более или менее крупной суммы (о чем в рассказах не упоминается) у одуроченного гяура, который видит в каждой продажной женщине по меньшей мере фаворитку паши или даже мечтает вступить в соперничество с самим султаном. В действительности же жизнь турчанок наглухо скрыта от нас стенами домов, и невероятно трудно узнать, что же происходит за их окнами с частыми решетками, где проделаны овальные глазки... чтобы незаметно глядеть на улицу».

Между тем за этими стенами разыгрывались нешуточные страсти. Известно, например, что один «утешитель покинутых женщин», красавец Решид, проникал в гаремы в женском платье. Когда его поймали и с пристрастием допросили, оказалось, что по сокровенным уголкам гаремов таких «барышень» бродило множество.

Случалось, что изнемогающие от скуки и обделенные вниманием дамы сами приглашали кавалеров.

В сказках Шехерезады описан один хитроумный способ доставки в гарем любовника:

«А потом она взяла меня и положила в сундук и заперла его, и затем подошла к евнуху, с которым было много вещей, и стала брать их и складывать в другие сундуки и запирала их один за одним, пока не сложила всего. И сундуки положили в челнок и поехали, направляясь к дворцу. И меня взяло раздумье, и я сказал про себя: “Я погиб из-за своей страсти! Достигну я желаемого или нет?”

И я стал плакать, находясь в сундуке, и взывать к Аллаху, чтобы он выручил меня из беды, а они все ехали, пока не оказались с сундуками у дверей покоев халифа, и сундук, в котором я был, понесли в числе других.

И моя подруга прошла мимо нескольких евнухов, приставленных наблюдать над гаремом, и слуг и дошла до одного старого евнуха; и тот пробудился ото сна и закричал на девушку и спросил ее: “Что это такое в этих сундуках?” — “Они полны вещей для Ситт-Зубейды”, — ответила она. И евнух сказал: “Открой их один за одним, чтобы мне взглянуть, что лежит в них!” Но девушка возразила: “Зачем открывать их?” И тогда евнух закричал: “Не тяни, эти сундуки необходимо открыть!” — и поднялся и сразу же начал открывать сундук, в котором был я. И меня понесли к евнуху, и тогда мой разум исчез, и я облился от страха, и моя вода полилась из сундука; и девушка сказала евнуху: “О начальник, ты погубил и меня и себя и испортил вещи, стоящие десять тысяч динаров! В этом сундуке разноцветные платья и четыре манна воды Зезема (Замзама, священного источника в Мекке. — *Ш. К.*), и сейчас вода потекла на одежды, которые в сундуке, и теперь в них полиняет краска” “Бери твои сундуки и уходи, сказал евнух, и слуги подняли мой сундук и поспешили уйти, а другие сундуки понесли вслед за моим”».

Не оставила без наставления таких искателей любовных приключений и «Камасутра»: «С помощью служанок женщины из царского гарема могут заполучить

мужчин в женской одежде. Эти служанки и дочери нянь, пользующиеся доверием женщин и знакомые с их тайнами, должны отыскивать мужчин и приглашать в гарем, рассказывая о том, какие награды их ожидают, описывая способы войти в гарем и выйти из него, большие размеры вознаграждения, беззаботность часовых и невнимательность служанок царских жен. Но эти женщины никогда не должны уговаривать мужчину прийти в гарем, говоря ему неправду, потому что это, возможно, приведет к его гибели. Что же касается самого мужчины, то ему лучше не приходиться в гарем, даже если доступ туда нетруден, из-за многочисленных опасностей и бедствий, ожидающих, если его там обнаружат».

Султаны, тратившие огромные средства на роскошные наряды и драгоценности для своего гарема, на армию прислуги для него, вовсе не были застрахованы от неверности своих жен. Как султаны пресыщались своими многочисленными женами, так и жены порой пресыщались окружавшим их богатством, которое слепило глаза, но не наполняло сердце. Если уж дамы сераля желали обрести предмет тайной сердечной привязанности, то ни евнухи, ни стены, ни угроза расправы не могли их остановить. Всегда находились те, чьи взгляды, как живописала Шехерезада, оставляли после себя тысячу вздохов. Были и отчаянные ловеласы, которые умели пользоваться женскими слабостями и завлекать дам в губительные сети любви, тем более что признательность «осчастливленных» ими не имела границ. Некоторые влиятельные сановники даже потакали таким нарушениям гаремного устава. Они ловко управляли тайными страстями, шантажируя их жертв и интригуя при дворе в своих интересах.

Жерар де Нерваль рассказывает о приключениях в Константинополе французского дагеротиписта (фотографа), рассчитывавшего сколотить состояние с помощью новомодного технического изобретения:

«Обычно он выбирал многолюдные места и однажды установил свой аппарат в тени Сладких вод.

Внимание его привлек ребенок, игравший на траве; художник сделал снимок и получил прекрасное изоб-

ражение на пластинке. Он выставил портрет на обозрение; вокруг немедленно собралась толпа зевак.

Из естественного любопытства подошла и мать ребенка; она была поражена, увидев прекрасный портрет, и решила, что это — колдовство.

Художник не знал турецкого языка и сперва не понял комплиментов дамы. Сопровождавшая ее негритянка сделала ему знак следовать за ними. Дама села в арбу и поехала в Скутари (часть Стамбула. — Ш. К.).

Художник, взяв под мышку довольно увесистый ящик с дагеротипом, отправился пешком вслед за арбой. Дойдя до первых домов Скутари, он увидел, что арба остановилась, дама вышла и направилась в деревянный особняк, стоявший на берегу моря. Старуха-негритянка сделала ему знак не входить в дом, а подождать на улице; только с наступлением темноты она ввела его внутрь.

Когда художник предстал перед дамой, она ему заявила, что пригласила его для того, чтобы он сделал с помощью своего аппарата ее портрет.

— Мадам, — пытался объяснить художник, — мой аппарат работает только при солнечном свете.

— Ну что ж, — ответила дама, — подождем, пока встанет солнце.

К счастью для мусульманской морали, это была вдова.

На следующее утро, пользуясь солнечными лучами, проникавшими через зарешеченные окна, художник попытался запечатлеть черты прекрасной дамы из предместья Скутари. Она была еще молода, несмотря на то, что у нее был уже большой сын; как вы знаете, на Востоке обычно выходят замуж в двенадцать лет. Пока художник обрабатывал свои пластины, в наружную дверь постучали.

— Прячьтесь! — крикнула дама и с помощью служанки затолкала художника вместе с его аппаратом в крошечный чулан рядом со спальней. У несчастного было достаточно времени, чтобы предаться грустным размышлениям. Он не знал, что дама была вдовой, и, естественно, подумал, что неожиданно из какого-нибудь путешествия вернулся ее муж. У него возникло и

другое предположение, также сулящее ему неприятности: в дом нагрянула полиция, которой сообщили, что накануне сюда зашел гяур. Он прислушался и, поскольку комнаты в турецких домах разделены тонкими перегородками, вскоре несколько успокоился, так как различил только женский шепот.

Действительно, дама принимала одну из своих подруг, но такие визиты в Константинополе могут продолжаться целый день: прекрасные бездельницы ищут любой повод убить время. Показываться было опасно: посетительница могла быть старой и некрасивой; к тому же, хотя мусульманкам нередко приходится делить мужа, это отнюдь не означает, что им неведомо чувство ревности, особенно в делах сердечных. А несчастный художник имел неосторожность понравиться.

Наступил вечер; докучливая подружка пообедала, отведала прохладительных напитков и, вдоволь позлословив, удалилась восвояси, позволив наконец французу покинуть свое тесное убежище.

Было слишком поздно, чтобы вновь приниматься за долгое и трудоемкое изготовление дагерротипа. Помимо всего художник испытывал голод и жажду. Пришлось отложить сеанс до утра.

На третий день его положение напоминало положение матроса из народной песни времен Людовика XV, которого долго держала взаперти жена судьбы: он начал томиться.

...Художник изготовил заказанный ему портрет и дал понять, что важные дела требуют его возвращения в Перу. Но выйти из дома днем было невозможно, а когда наступил вечер, прекрасный ужин, предложенный дамой, удержал его в не меньшей степени, чем признательность за ее очаровательное гостеприимство. Однако на следующий день он решительно заявил о своем намерении уйти. Опять нужно было дожидаться вечера. Но его дагеротип спрятали, а как можно было уйти без этого ценного аппарата, в те времена единственного в городе? Кроме того, с его помощью он зарабатывал себе на жизнь. Женщины Скутари несколько необузданны в своих привязанностях; дама дала понять художнику, который уже стал разбирать

некоторые турецкие слова, что если он попытается уйти, то она позовет соседей и громогласно заявит, что он пробрался в дом, покушаясь на ее честь.

В конце концов эта обременительная связь истощила терпение молодого человека. Пока дама спала, ему удалось удрать через окно, пожертвовав дагеротипом.

Самым печальным в этой истории было то, что друзья художника в Пере, обеспокоенные его трехдневным отсутствием, известили полицию. Нашли свидетелей, которые видели, что произошло на Сладких водах. Крестьяне заметили, как проезжала арба, за которой несколько поодаль шел художник. Показали и дом; несчастную турчанку наверняка бы растерзали фанатики за то, что она принимала гюра, если бы полиция вовремя ее не увезла. Она отделалась пятьюдесятью палочными ударами, а негритянка получила двадцать пять, так как по закону невольнику полагается наказание в два раза меньше, чем свободному человеку».

Флирты на прогулках

Томящиеся в сералях прелестницы старались не упустить ни одной возможности, чтобы совершить прогулки за стенами гарема. Это вносило в их жизнь разнообразие и сулило приключения.

«В большей части случаев они служат предлогом для заранее условленных встреч, для свиданий и всевозможных интриг, — писал Осман-бей. — Эти дамы до того привыкли к подобному препровождению времени, что часто они и выезжают только с целью подразнить гуляющих и заставить их делать тысячи глупостей. Они находят это более занимательным, чем сидеть взаперти в серале; что, впрочем, совершенно понятно.

Так, например, увидев какого-нибудь молодого человека, проходящего мимо их экипажа, они начинают делать ему знаки, гримасы и тем увлекают его за экипажем и заставляют бегать целые часы, а потом вдруг приказывают лакею прогнать его или уезжают галопом.

Но точно так же, когда они хотят, они не боятся передавать и получать платки, конфеты и даже любовные записки.

Что же касается лакеев и дворцовых надзирателей, то эти люди часто бывают принуждены играть самую печальную роль, потому что трудно ладить с женщинами, ищущими приключений, и теми, которые гонятся за ними. Ловкие из них успевают устроиться по любовно с обеими партиями и забирают в карманы все, что им дают для того, чтобы они смотрели сквозь пальцы. Впрочем, если бы даже они и хотели действовать, то не могли бы, потому что женщины всегда могут пожаловаться и выбрать себе кого-нибудь более сговорчивого».

По примеру своих хозяек рабыни гарема, отправляясь в экипажах по какому-либо поручению, находили время и на то, чтобы позабавиться, дразня молодых людей:

«Однажды, когда нас четверо поехало в одной карете, мы увидели, что двое пашей, еще молодых, приблизились к нам, — передает их рассказ Мелек-ханум. — Они рассмотрели наши черты лица через яшмак и приблизились к дверцам нашего экипажа. Они спросили знаками, не желаем ли мы фруктов; мы ответили утвердительно. Предложив нам освежиться, они угостили нас музыкой и затем предложили нам по маленькому кошельку с золотом, которые мы и приняли. Ободренные успехом, они отправились за нами, чтобы узнать, где мы живем и кто мы. Каково же было их удивление, когда они увидели, что наш экипаж направляется ко дворцу и останавливается перед большими воротами гарема. Бедняги, казалось, были совершенно уничтожены от досады. Для того чтобы над ними посмеяться, мы махали им руками в знак прощания».

Пороки

Для женских пороков в сералях была самая благодатная почва.

«Они окружены роскошью и блеском, но в един-

ственной радости, для которой они, казалось бы, были созданы, — в любви им отказано, — писал Джордж Дорис. — Это лишение, самое жестокое из всех возможных лишений для восточной женщины, этот придирчивый, постоянный унижительный надсмотр, сопровождающий их даже в заточении, эта атмосфера вялости и лени, в которой угасает их жизнь, — все это повергает их в особое состояние души. В отсутствие повелителя, одно имя которого заставляет их трепетать, они нервны, раздражительны, капризны и порочны.

...Это монотонное, праздное и нездоровое существование часто толкает их к противоестественным порокам: многие из них предаются сапфизму — преступлению, строго наказуемому в серале. Иногда их греховная любовь остается платонической, но из опасения, что она перерастет в бурную страсть, подозрительные пары разлучают.

...Часто случается, что евнухи вносят еще больший беспорядок поддержкой той или иной стороны в этих ссорах, проникаясь к какой-нибудь из этих прекрасных женщин безнадежной страстью, которую из сострадания, из-за собственной порочности или по любви — кто знает? — не одна из невольных полудевственниц Йилдыза позволила, насколько это было возможно, удовлетворить. Однако не всегда добровольно отдаются они ласкам евнухов, ибо часто последние выискивают свои жертвы среди тех девушек, которые, будучи представлены повелителю, оказываются им отвергнуты: перенесенное оскорбление делает их объектом издевательств как со стороны остальных женщин, так и со стороны евнухов.

Догадывается ли Абдул-Хамид об этих попытках измены? Не чрезмерная ли ревнивость нрава заставила его запретить впускать в свой гарем собак, даже кастрированных? По крайней мере известно, что на просьбу одной из своих фавориток позволить ей иметь гаванского бишона он ответил мягким отказом, сославшись на опасность бешенства. Чтобы утешить молодую женщину, он галантно предложил ей в подарок бриллиантовую диадему».

Наказания

Время от времени в гаремах происходила полная ревизия. Лица, замеченные в явных нарушениях, понижались в должности, получали взыскания или отставку. На смену им приходили новые особы, успевшие себя хорошо зарекомендовать. После всеобщего переполоха прежние союзы распадались, и все на время успокаивалось. Затем образовывались новые партии с новыми предпочтениями, и все начиналось сначала.

В такие «революционные» периоды дисциплина в гареме налаживалась, но ненадолго. Даже авторитета валиде-султан или угроз главного евнуха было недостаточно, чтобы усмирить страсти, которые подспудно кипели, как лава в притихшем на время вулкане.

Для поддержания хотя бы видимости порядка устраивались показательные репрессии. Приговоры приводили в исполнение евнухи.

Наказания варьировались от заключения на гаремную «гауптвахту» на определенный срок или назначения на черные работы до битья палкой по пяткам или полосования кнутом.

Иногда непокорных одалисок отправляли на «перевоспитание» к работорговцам.

«Абдулла был мавр из Марокко и с давних пор вел свою коммерцию в Константинополе, — писал Османбей. — ...Но репутацию свою он составил благодаря тонкому такту, с которым умел обращаться со своим товаром, и в особенности свойственной ему одному способностью укрощать строптивых рабов. Когда в каком-нибудь гареме не знали, как справиться с своевольной невольницей, то ее отдавали на выучку к Абдулле, который мастерски обуздывал ее нрав и из рук его она выходила шелковая. В обыкновенных случаях неповиновения Гаджи-Абдулла наказывал строптивых на месте, но если дело шло об исправлении закоренелых пороков, то Абдулла брал пациентку к себе на дом, где имел всевозможные лекарства против хронических душевных недугов, вроде подпольных ям, инструментов для пытки и т. д. Одна из наших невольниц, прошедшая школу Абдуллы, не могла вспоминать о нем

без содрогания. “Если б вы знали, — твердила она нам частенько, — что за злодей этот Абдулла. Он уже многих отправил на тот свет и хотел сделать то же самое со мною” Выражение, которое принимало при этом лицо несчастной женщины, давало понять, каков был с нею Абдулла».

Более суровые приговоры сулили расставание с жизнью самыми ужасными способами — удушением, утоплением, отравлением и проч.

Некоторые дамы приказывали подкупленным евнухам приводить понравившихся им молодых людей, с которыми предавались оргиям. Сразу же после свидания они, по примеру Клеопатры, умерщвляли своих любовников.

Позаботиться о том, чтобы гости унесли свои тайны в могилу, и скрыть следы преступных связей поручалось все тем же евнухам.

«Принцесса была женщина с сильными страстями и притом — жестокого характера, — пишет Мелек-ханум о сестре султана. ...Рассказывают, что она для своего развлечения собирала около себя до десяти молодых греков, совершенно обритых и разрисованных, заставляя их танцевать в женских костюмах. Когда до султана доходили слухи о развлечениях его сестры с этими танцорами, он приказывал казнить их, и это нисколько не печалило принцессу.

...Однажды, прогуливаясь в окрестностях столицы, она увидела молодого крестьянина привлекательной наружности и пригласила его прийти во дворец с цветами и растениями. После того как он раз попал туда, никто более не видел его: несчастный юноша после удовлетворения страсти этой прихотливой и жестокой женщины был убит по ее приказанию».

В комментариях к роману «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» читаем: «Вначале она была наложницей письмоводителя Ляна, который приходился зятем императорскому наставнику Цаю. Жена у Ляна была до того ревнива, что убивала служанок и наложниц и закапывала их у себя в саду».

Роберт ван Гулик описывает нравы, царившие в Китае во времена династии Хань:

«Родственники императора Цзин-ди (156—140 гг. до н. э.) были по большей части вырожденками и садистами, они вступали в кровосмесительные отношения со своими сестрами и другими родственницами и также распутничали с любой замужней женщиной, которая им понравилась. Их супруги и наложницы часто вели себя не многим лучше. В главе 53 “Истории династии Хань” нарисована мрачная картина сексуальной жизни при дворах этих князей.

Князь Туан страдал от “истощения потенции”, “инь вэй”, и заболел каждый раз, когда ему предстояла близость с женщиной. У него тем не менее был мальчик-любовник, которого он убил собственными руками, когда обнаружил, что тот вступает в тайные связи с женщинами его гарема.

Князь Чень, будучи дегенератом с садистскими наклонностями, развратничал со своими сестрами, а чтобы повеселить себя, он приказывал топить в озере перед дворцом мальчиков и девушек. Он заставлял провинившихся женщин гарема стоять нагишом во дворе в течение дня и бить в барабан, заставлял их голышом сидеть на дереве на протяжении нескольких дней, мори́л их голодом».

Побеги

Несмотря на бдительную охрану и смертельную опасность, скандальные побеги невольниц из гаремов случались довольно часто.

Одну из драматических историй приводит в своих воспоминаниях Мелек-ханум: «Утром Назиб-ханум взяла карету принцессы, и мы отправились. Две маленькие невольницы следовали за нами верхом на лошадях. Вскоре мы увидели приближавшегося к нам молодого джентльмена, который, поравнявшись с нами, бросил в нашу карету цветы и записку. Молодая черкешенка вся вспыхнула, сказала ему украдкой несколько слов и незаметным образом сунула ему в руку письмо. Мужчина этот был греческий купец, в которого Назиб была влюблена. Он был незнатен и небогат и, очевидно, рассчитывал на выгодный брак с при-

дворной особой. Надо заметить, что Назиб играла в опасную игру. Выбрав себе женихом христианина, она рисковала быть брошенной в волны Босфора в мешке с ядром.

Несколько времени спустя разнесся слух, что она бежала, и этот побег ее спас. Она написала своему возлюбленному, чтобы он приехал к ней в назначенный день в лодке и остановился против дворца со стороны, ближайшей к морю. С помощью греческих женщин, допускаемых в гаремы для выполнения различных обязанностей, она достала себе европейское платье и густую вуаль и взяла с собою несколько бриллиантов и других драгоценных вещей, составлявших часть ее приданого, подаренного ей Эссемах-султаншей, которая имела намерение в скором времени выдать ее замуж. Для своего побега она воспользовалась тем временем, когда европейские дамы приезжают с визитами во дворцы, а мужья их дожидаются на улице: быстро пройдя мимо стражи, заметившей, однако, что эта дама похожа на приемную дочь султанской сестры, и подав руку тому, кто ее ожидал, она отправилась в лодке к кораблю, готовившемуся сняться с якоря, и таким образом покинула Константинополь и Турцию.

На следующий день Эссемах-султанша приказала позвать свою воспитанницу, чтобы ехать вместе с нею с поздравлением к султану Абдул-Меджиду, ее племяннику, только что вступившему тогда на престол. Все поиски были, конечно, тщетны. Молодой черкешенки нигде не нашли. И только спустя несколько времени узнали, что она вышла замуж в Галаце за своего возлюбленного, похитившего ее.

Вступив в супружество с греком, Назиб-ханум много за свою жизнь испытала превратностей судьбы. Муж ее бежал со всеми ее сокровищами и кончил свою карьеру банкротством. Наконец, бедная женщина осталась вдовой с двенадцатью детьми. Невозможность существовать с таким огромным семейством заставила Назиб-ханум прибегнуть к прежним своим повелителям. Она вернулась в Константинополь старухой и в лохмотьях. Турки, оставив всякие упреки за

ее поведение, приняли ее ласково и снабжают ее средствами для существования до настоящего времени».

Джордж Байрон в «Гяуре» описывает повелителя, тоскующего по сбежавшей от него любимой:

Гарема сладостные пляски,
Красавиц пламенные ласки —
Ничто Гассана не влечет,
Охота в лес его зовет,
В горах он целый день проводит,
Но все ж забвенья не находит.
Иначе жизнь его текла,
Когда Леила с ним жила:
Гарема игры были милы...
Но разве там уж нет Леилы?
Так где ж она?
Об этом нам
Сказать бы мог
Гассан лишь сам.
Различно в городе судили.
Она бежала, говорили,
Когда ночная скрыла тень
Последний Рамазана день
И минарет с его огнями
Меж правоверными сынами
Благую весть распространял:
Байрама праздник возвещал.
Она в ту ночь ушла купаться,
Чтобы домой не возвращаться.
Переодетая пажом,
За мусульманским рубежом
Она от мести грозной скрылась...

ГАРЕМНАЯ КУЛИНАРИЯ

Лучшие турецкие и иностранные повара трудились не покладая рук, создавая для обитателей сералей произведения непревзойденного кулинарного искусства. Рецепты их творений передавались по наследству и ревностно охранялись.

Со временем многие блюда гаремной кухни стали весьма популярны не только в Турции, но и далеко за ее пределами. Когда турецкие войска оставляли завоеванные территории, к примеру Балканы, турецкие блюда по-прежнему оставались популярными среди местного населения. Между тем некоторые блюда, считающиеся исконно турецкими, на самом деле были позаимствованы у сопредельных народов.

В живой преемственности кулинарных традиций довелось убедиться и автору, когда по случаю визита президента Турции на международный исторический конгресс была устроена дегустация османской кухни, состоявшая из нескольких сотен кулинарных шедевров. Большинство из этих необыкновенных блюд было представлено в виде изящных миниатюрных произведений, не имевших равных по вкусовой насыщенности. И только физические пределы организма не позволили участникам конгресса отведать все эти яства до последнего. Эту фантастическую дегустацию сопровождал оркестр янычар, оригинальная музыка ко-

торых, как нам казалось, весьма способствовала усвоению деликатесов.

Иногда пища играла и символическую роль. В «Тысяче и одной ночи» есть история о том, как царь влюбился в жену своего визиря (вазира), «обладательницу красоты и прелести». Отправив сановника инспектировать отдаленные области, царь явился в его дом и признался в жене визиря своих чувствах.

«И царь сел на ложе вазира, и женщина поднялась на ноги и принесла ему книгу с увещаниями и наставлениями, чтобы царь почитал ее, пока она приготовит кушанье. И царь взял книгу и стал ее читать и нашел в ней увещания и изречения, которые удержали его от прелюбодеяния и сломили его решимость свершить грех. А женщина, приготовив кушанье, поставила его перед царем (а было число блюд девяносто). И начал царь есть из каждого блюда по ложке, и кушанья были разных родов, но вкус их — один. И царь до крайности удивился этому и молвил: “О женщина, я вижу, что сортов много, а вкус их один” И женщина ответила: “Да осчастливит Аллах царя! Это — сравнение, которое я тебе предложила в назидание тебе” “А какова причина этого?” — спросил царь. И женщина молвила: “Да исправит Аллах обстоятельства владыки нашего царя! В твоём дворце девяносто наложниц разного рода, а вкус их — один”».

Повара и кухни

В разное время в зависимости от величины гарема во дворцах султана было от двух до десятка кухонь. Были кухни персональные — для повелителя, валиде-султан, главных жен, отдельные — для двора и наложниц. В конце XIX века в серале остались две основные кухни — дворцовая и гаремная, предлагавшие свои особые меню.

Собственно дамская кухня находилась в самом гареме. Здесь трудились только женщины — чернокожие кухарки-рабыни, которые, как правило, не уступали в кулинарном искусстве дворцовым поварам. У них все-

гда были наготове обычные блюда, чтобы удовлетворить любую внезапную прихоть.

Полные обеды, состоявшие из десятков блюд, сервировались дважды в день. Десерты, напитки и кофе подавались в гаремах постоянно.

«Таблакиары — носильщики, обязаны дважды в день, утром и вечером, носить обеды из кухни в гарем, писал Осман-бей. — Таблакиары обыкновенно носят обеды на больших деревянных носилках, покрытых крышкой в виде купола. Все это они носят на голове и складывают у дверей двора, при котором они состоят. После их ухода дежурные девушки берут принесенные блюда и подают их своим господам. Эта передача обедов от таблакиаров девушкам совершается под надзором евнухов».

Когда блюда подавались из кухни самого гарема, таблакиары уже не требовались.

«Любимая рабыня ханум принимала участие в трапезе подле своей хозяйки, — писал Теофиль Готье. — Бронзовая мулатка с белой перевязью на лбу, небрежно закутанная в белое покрывало, чудесно оттенявшее цвет ее кожи, стояла босиком перед дверью и принимала блюда у служанок, приносивших их из кухни с нижнего этажа».

Трапезы

В каждом гареме были общие помещения для приемов гостей и столовые.

«По окончании бала, был подан ужин, — вспоминала Мелек-ханум. — Прислуга принесла софразы (круглые толстые деревянные доски с перламутровыми, бронзовыми, мраморными и другими инкрустациями); каждая из этих досок была положена на подставку, вышиной в один фут, а вокруг них уложены по десяти подушек для сиденья. Все блюда подавались зараз: суп, мясо, рис и десерт. ...Каждая из гостей, прежде чем сесть за стол, вымыла руки, а потом все ели пальцами».

В обычные дни жены и взрослые принцессы обедали в своих апартаментах.

«Они часто приглашают друг друга на обед из од-

ной даирэ в другую, — писал Джордж Дорис, — и, оказывая друг другу бесчисленные знаки внимания такого рода, почти всегда собираются втроем или вчетвером к часу трапезы. Все они — дамы, рабыни и негритянки, не утратили привычки есть по-турецки, то есть сидя на коленях или скрестив ноги перед очень низким, длинным и узким столом. В центре стола стоит блюдо, с которого они берут кусочки пальцами и пренебрегают тарелками и вилками, кажущимися им неудобными.

...Перед тем как сесть за стол, принято хором произносить короткую молитву, адресованную господину и повелителю: «Да осыплет Аллах благодеяниями нашего славного падишаха!»

Разумеется, на торжественных приемах, как, например, на обеде, даваемом в честь супруги Хедива, все происходит иначе: в этом случае дамы едят по-европейски, за высоким столом, уставленным роскошной золотой и серебряной посудой. В обычные дни кушанья подают на простых медных блюдах, которые разносят на больших подносах — таула.

...Обычно после трапезы все эти прелестные ротки и маленькие ручки умываются розовой водой».

Хозяйки старались удивить своих посетительниц изысканными блюдами и мастерством своих поваров. «И было на этой скатерти то, что бегают, и летает, и плавает в морях, — ката, перепелки, птенцы голубей, и ягнята, и наилучшая рыба...» — повествует «Тысяча и одна ночь».

Трапезы обычно сопровождалась приятной музыкой и выступлениями танцовщиц, которых затем одаривали и хозяйки, и гости.

Красочный ритуал обеда хозяина и его гарема описан в романе «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй»: «Он велел слугам подмести сад и накрыть стол в Мальвовой беседке, вокруг нее расставить ширмы, развесить занавеси и позвать танцоров, певцов и музыкантов. На радостях пировали всей семьей: сам хозяин и пять его жен. Прислуживали им не только слуги, служанки и горничные, но и жены слуг. Славный был пир!

Вы только поглядите:

В медных треножниках воскуривают аромат. В вазах золотых цветы благоухают. Богатая утварь — редкие сокровища. Открыли занавес, жемчужины сверкнули. На подносах из хрусталя алеют груды фиников и груш. В зеленых кубках из нефрита вино играет — расплавленная яшма. Рядом с вареной печенью дракона жареные потроха феникса. Каждый глоток — чуть ли не десять тысяч стоит.

Здесь лапы черного медведя и копыта бурого верблюда. Рис, разваренный и красным лотосом приправленный, изысканные блюда из ичуаньского леща и карпа с реки Ло — каждое дороже стоит, чем бык или овца. «Драконовы Глаза» и плоды личжи — деликатесы Юга. Вот растерли плитки фениксова чая, и в чашках из белого нефрита взыграла пена. Открыли золотой кувшин с вином, и заструился нежный аромат. Мынчанского господина самого затмили роскошью, Ши Чуна превзошли богатством».

В турецких гаремах дамы трапезничали отдельно от мужчин, и их меню отличалось от женского, особенно в части напитков.

«Согласно принятому обычаю, — вспоминала Мелекханум, — паша не должен оставаться более получаса в гареме; это, так сказать, время, необходимое ему для того, чтобы снять с себя мундир и надеть халат и горностаевую шубу. В этом костюме, который и удобен, и красив, он идет в мужское отделение и занимает привычное место на диване. Едва лишь он усядется, как является целая толпа друзей, льстецов и лиц, жаждущих от него милостей; все они, один за другим, целуют подол его платья и садятся рядом перед ним.

Окруженный этой публикой, паша выпивает бутылку раки, съедает немного сухого винограда и миндаля и выкуривает несколько трубок. При наступлении обеда его превосходительство встает с дивана и идет впереди всей этой голодной фаланги гостей в столовую. Счастливицы, удостоенные чести разделить с ним его обед, громко выражают ему свою благодарность и при каждом глотке не преминут сделать глу-

бокий поклон. Паша, видя, что его присутствие стесняет хороший аппетит его гостей, принимается поощрять их своим могучим голосом. С этой целью он при появлении каждого нового блюда громко и звучно приглашает их есть, восклицая: “Байурун, байурун”, что означает: “Ешьте, друзья мои, ешьте”

По окончании обеда паша и его друзья снова возвращаются в первую комнату и занимают те же места, что и перед обедом; затем наступает очередь кофе и трубок, а также возобновляется и разговор об общественных и политических сплетнях. Иногда играют в карты; но больше в трик-трак, так как константинопольский аристократ предпочитает эту игру всякой другой. Паша и его гости проводят таким образом все вечера, нисколько не заботясь о том, что делают их жены в гареме. Они же в свою очередь стараются забавляться как могут: собирают своих подруг и всех соседних сплетниц и с ними хохочут, играют в разные игры, а иногда занимаются музыкой, играя на небольших барабанах, или теф».

Описание «классического» турецкого обеда после ежедневного поста в месяц Рамазан приводит в своей книге Теофиль Готье:

«Близилась сумерки, последние оранжевые отсветы погасли на краю неба, и долгожданный пушечный выстрел радостно прогремел над Константинополем: пост кончился. Появились слуги, неся трубки, воду и кое-какие сладости — эта легкая закуска означала, что правоверным можно принимать пищу.

Через некоторое время они поставили подле дивана большой медный поднос, тщательно начищенный и сверкавший, словно золотой щит: на нем были расставлены разнообразные кушанья в фарфоровых мисках. Такие подносы на низкой ножке заменяют в Турции столы, за ними могут разместиться три-четыре человека. Столовое, как и нательное белье, — роскошь, неведомая на Востоке. Едят здесь без скатерти, зато вам дают, чтобы вытирать руки, маленькие квадратички муслина, вытканые золотом и очень похожие на чайные салфетки, которые подают у нас на англий-

ских вечерах; надо сказать, что это предмет отнюдь не лишний, ибо за восточным столом пищу берут вилоккой праотца Адама. Гостеприимный хозяин, видя мое замешательство, велел было принести, как выразился Кастиль-Блаз, “чтоб угощенье брать, серебряную ложку”, однако, поблагодарив его, я отказался, желая во всем придерживаться турецких обычаев.

С точки зрения всех наших Брийа-Саваренов, Кюсси, Гримо де ла Реньеров и Каремов, турецкое кулинарное искусство должно, вероятно, казаться глубоко варварским: здесь приняты самые неожиданные сочетания продуктов и блюд, дикие для парижских дворцов, но по-своему не лишние изысканности и подобранные отнюдь не случайно. Кушанья, которые вы берете руками и отведываете в небольшом количестве, быстро сменяют друг друга, причем их очень много. Это куски баранины, жареные цыплята, рыба в масле, фаршированные огурцы, приготовленные на разные лады, маленькие скользкие испанские козельцы, похожие на алтейный корень, и очень высоко ценимые за полезные для желудка свойства, рисовые котлеты в виноградных листьях, пюре из тыквы с сахаром, блины с медом — все это спрыснуто розовой водой, приправлено мятой и ароматическими травами, а венчает трапезу сакраментальный плов, национальное блюдо турок, такое же, как у испанцев *puchero*, у арабов кускус, у немцев кислая капуста, а у англичан пудинг; плов непременно подается к каждой еде и во дворцах, и в хижинах. Пили мы воду, шербет и вишневым сок, который черпали в компотнице ложкой, изготовленной из створки раковины, с ручкой слоновой кости».

В праздник, по окончании поста, все мусульмане, особенно богатые, старались угостить как можно больше своих собратьев. «После жертвоприношения все набросились на еду и напитки, — пишет Жерар де Нерваль. — Печенье, сахарный крем, пирожки, кебаб — любимое в народе блюдо, состоящее из кусков жареной на вертеле баранины, которую едят с петрушкой и пресными лепешками, — все это раздавали толпе бесплатно за счет богатых горожан».

Яства

Щедрая природа Востока предоставляла кулинарам богатый выбор. Разнообразие меню зависело лишь от их фантазии и мастерства. Однако некоторые гурманы предпочитали продукты, привезенные из других стран. Особым пристрастием к редким деликатесам отличался султанский двор и гаремы, обитательницы которых были, как правило, иностранками. Тоску по родине они отчасти утоляли знакомыми с детства блюдами. Если такие блюда нравились и другим, то они вводились в меню гарема.

Обычно же подавались свежие овощи, соленые и моченые маслины, фаршированные баклажаны, огурцы, помидоры, перец, груши, грибы, брынза из овечьего и козьего молока. Острый перец слегка поджаривали.

Нежные и пикантные супы готовились к определенным дням и специально для детей, беременных, гостей и т. д.

Богат был и выбор блюд из мяса: бастурма, колбасы, кебаб, долма — голубцы в виноградных листьях, манты, шашлыки (их, кстати, делали не только из мяса, но и из птицы и рыбы вперемежку с овощами)...

Непременным и самым популярным блюдом был плов, без которого не обходились ни пиршества во дворцах, ни обеды в домах бедняков.

Для придания блюдам особого аромата, вкуса и цвета использовалось множество специй и пряностей. Рис, к примеру, становился золотистым от добавления шафрана.

В большом ходу были соусы, в том числе из граната и слив. И редкие блюда готовились без лимонов и оливкового масла.

Десерты

В ранг особого искусства было возведено умение готовить десерты. Автору довелось наблюдать в Стамбуле любопытную сцену, когда перед гостями были поставлены изумительной красоты тарелки для десерта, и все ждали, когда подадут само блюдо. Но выяс-

нилось, что богатый узор, покрывавший тарелки, составлен из самого десерта.

Фрукты и ягоды, свежие, сушеные, засахаренные и даже замороженные, употреблялись в гаремах постоянно и в невероятных количествах.

Жерар де Нерваль приводит сценку из турецкой жизни: «Люди собираются здесь группами — в лавках, в тени деревьев, чтобы послушать истории и поэмы, потягивая прохладительные напитки и лимонад, лакомясь засахаренными фруктами».

Дамы гарема очень любили лакомства и умели ценить фантазию кондитеров.

Знакомую всем баклаву (пахлаву) готовили во множестве видов. Причем воду для медового сиропа, которым пропитывался ореховый рулет, ароматизировали лепестками роз. Из этих же лепестков готовили и нежное варенье.

Описание других лакомств достойно отдельной книги. Мы же упомянем еще халву и рахат-лукумы, разнообразие которых способно свести любителей сладостей с ума.

Напитки

Всем этим деликатесам сопутствовали изысканные прохладительные напитки, соки и шербеты, йогурты и айраны, тонкие вина и легкие ликеры. Подавались они в кувшинах тончайшего стекла, увитых узорами из драгоценных металлов и украшенных самоцветами.

В «Тысяче и одной ночи» читаем: «И невольница принесла мне кувшин из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, полный воды, смешанной с благоухающим мускусом, и был покрыт кувшин платком из зеленого шелка. И я стал пить, затягиваясь питьем и украдкой поглядывая на девушку...»

А Теофиль Готье описывает такую сцену:

«Тем временем появились две девочки: одна несла на подносе хрустальную компотницу, другая — графин с водой и стаканы, она держала также полотенце, расшитое шелком и серебром. Черкешенка, видимо, играя роль хозяйки, подошла к нам, зачерпнула лож-

кой из позолоченного серебра варенье из роз и поднесла к моему рту с самой любезной улыбкой. Я знал, что в таком случае полагается попробовать угощение и запить его водой; девочка подала мне полотенце, чтобы вытереть рот. Все это происходило в соответствии с этикетом лучших турецких домов».

Для охлаждения напитков слуги привозили с гор лед и даже снег. Подавали в гаремах и мороженое.

«На базаре повсюду стояли продавцы мороженого и шербета, — вспоминал Жерар де Нерваль. — Они смешивали напитки со снегом, собранным на вершине Санина. Прохладительные, ароматные напитки подавали также в большой кофейне, расположенной в центре рынка. ...На лотках этих необычных продавцов расставлено множество сосудов и чаш с водой, которая является здесь большой редкостью. В Константинополь вода поступает только по акведуку Валента и хранится в резервуарах, построенных византийскими императорами, где часто приобретает неприятный привкус».

Мужчины предпочитали бозу (бузу), вина и напитки покрепче, хотя все это и запрещено религией.

Чаще всего употреблялась раки — анисовая водка, популярная также в Греции и на Балканах. В Болгарии ее и теперь еще называют «молоком бешеной ослицы» за то, что при добавлении воды напиток приобретает молочный цвет.

Но главным и неизменным напитком был кофе. Искусству его приготовления, как мы уже писали, уделялось особое внимание. Подавался кофе в особой богато украшенной посуде, и кофепитие само по себе представляло утонченную церемонию.

Любовные снадобья

Без вдохновляющей энергии красоты, без чувственных наслаждений, без отдохновения души гарем потерял бы для повелителя всякий смысл, превратившись в роскошную женскую казарму.

Властители хотели жить вечно, по крайней мере, как можно дольше наслаждаться жизнью. Еще больше «вечной весны» хотели женщины, и горы золота не

были слишком высокой ценой за продление счастья молодости и любви.

«Любовь — сладчайшее на вкус, редчайшее на свете зелье», — писал Витезслав Незвал. Но красота не вечна, любовь переменчива, чувства остывают... Эти печальные истины известны всем. Однако не все знают, что поиски легендарных снадобий вроде «эликсира любви» и секретов вечной молодости принесли кое-какие плоды. Знахари сералей весьма преуспели на этом поприще, отыскивая старые средства и изобретая новые «рецепты» любви, привлекательности и плодovitости.

Трудно представить, что было бы с людьми, если бы Ева не решилась отведать райского яблока и не уговорила последовать своему примеру Адама. А ведь именно после такого «легкого» завтрака началась история человечества.

Гаремные кудесники хорошо усвоили, что пища серьезно влияет не только на здоровье, но также на самые тонкие чувства. А поговорка «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок» в равной степени относится и к женщинам.

В природе в изобилии встречаются вещества, способные при правильном употреблении усиливать желания и разжигать страсти. Позже ученые назвали эти вещества афродизиаками — в честь богини любви Афродиты.

Гаремные знахари знали, что любовному пылу более других растений способствуют женьшень, орехи, инжир, виноград, абрикосы, гранат, фисташки, имбирь, фенхель, миндаль, гвоздика, корица, смола шафрана, спаржа, сельдерей, лук (его называли «пружиной любви»), грибы, морковь, черный перец, а также мед. Причем сельдерей приписывали особую магическую силу, которую якобы использовали даже ведьмы, смазывая его соком свои метлы. Пучок сельдерея, положенный под подушку, считался наивернейшим средством, способствующим разжиганию страсти. Подобные же свойства приписывались и некоторым цветам — розам, фиалкам, нарциссам, которыми окружали себя гаремные дивы, и продуктам — яйцам, рогам

олени, мускусу, козьему молоку, куриному и фазаньему мясу, икре, морским коньякам, мидиям и устрицам.

Для разжигания страстей готовились и снадобья, в состав которых входили минералы и драгоценные камни: мумие, амбра, жемчуг, кораллы, сапфир, алмаз, рубин, изумруд.

Особым эффектом обладали эликсиры, включавшие в себя разные виды афродизиаков. Самые дорогие средства восстановления угасающих сил изготовлялись с использованием женьшеня, порошков из рогов оленя и носорога и чудодейственной душистой амбры, которая образуется в пищеварительном тракте кашалотов, а затем просто плавает кусками в океане.

Тайные гаремные меню содержали множество блюд, способствующих любовным успехам и обострению чувственности. Эта эротическая кулинария обещала приятные сюрпризы и неизведанные возможности.

«Камасутра» предлагала средства, способные повергнуть в трепет целую череду жаждущих внимания красавиц: «Некоторые цари, испытывая сочувствие к женам, принимают снадобья, которые позволяют им за ночь наслаждаться многими женами; они делают это, чтобы удовлетворить желание женщин, а не потому, что сами этого хотят. ...Если мужчина возьмет кожуру кунжута и вымочит ее вместе с яйцами воробья, затем, прокипятив в молоке, смешает с сахаром и жидким маслом, а также с плодами растений *trapa bispinosa* и *kasurika*, добавит пшеничную и бобовую муку и выпьет, он сможет наслаждаться множеством женщин».

Для поддержания любовного пыла эмир Бухары употреблял проверенные временем средства: три дня варили ягненка, пока все, что от него оставалось, не умещалось в виде сока в одной пиале. Этот эликсир эмир пил каждый день. Такие же полезные свойства приписывались испеченным вороньим мозгам, возможно, за легендарное долголетие их прежних обладателей.

Искусство восточных лекарей вошло в предания. Говорится о них и в сказках Шехерезады: «Рассказывают также, о счастливый царь, что был в городе Ши-

разе великий царь по имени ас-Сейф-аль-Азам-Шах, и до великих дожил он годов, и не был наделен сыном. И собрал он врачей и лекарей и сказал им: “Мои годы стали велики, и вы знаете, каково мое состояние и состояние царства и его устройство. Я боюсь за участь подданных после меня, ведь до сих пор не досталось мне сына” — “Мы изготовим тебе зелье, от которого будет польза, если захочет Аллах великий”, — сказали лекари. И они приготовили для него зелье, и царь употребил его, а затем он пал на свою жену, и она понесла, по изволению Аллаха великого, который говорит вещи: “Будь!” — и она возникает. И когда исполнились ее месяцы, она родила дитя мужского пола, подобное луне, и царь назвал его Ардеширом, и мальчик рос и развивался и изучал богословие и светские науки, пока не стало ему пятнадцать лет жизни».

«Собираясь выйти из кондитерской, я случайно обнаружил у себя в кармане бутылку, которую купил на площади Сераскира, — вспоминал Жерар де Нерваль. — Я спросил у мадам Мёнье, что это за жидкость, которую мне продали как прохладительный напиток, а я не смог сделать ни одного глотка, — испорченный лимонад, скисшее пиво или какая-то местная настойка? Кондитерша и ее продавщицы покатались со смеху при виде бутылки; от них невозможно было добиться объяснений. Выведя меня на улицу, художник сказал, что такого рода жидкость продают туркам, достигшим определенного возраста».

Овидий в своей «Науке любви» советовал употреблять некоторые травы, лук, яйца и особенно мед.

В Китае молодоженам рекомендовали блюдо из цыпленка с орехами.

В трактате шейха Нафеаули «Искусство арабской любви» стимулирующему эффекту волшебной пары «лук — яйца» уделяется особое внимание: жениху перед свадьбой рекомендуется несколько дней следовать диете, основанной на жареном луке и яичных желтках.

«Эликсир Казановы» состоял из лимонов, коньяка, яиц и яичной скорлупы и настаивался пока не растворилась скорлупа.

Среди «волшебных» рецептов разных стран можно обнаружить «Любовный напиток», салаты «Долгожданное свидание» и «Мимолетный взгляд», «Усладу гарема» — шарики из смеси орехов, кураги, чернослива и меда, «Халву любви» — из орехов, изюма и фиников.

Иоганн Гете, проживший восемьдесят три года и сохранивший свежесть чувств до преклонных лет, отдавал предпочтение франкфуртскому зеленому соусу. Этот соус включал в себя огуречник, одуванчик, крапиву, мяту, щавель, петрушку, зеленый лук, укроп, сельдерей, крутые яйца, лук, простоквашу и лимон.

Существовали любовные зелья и для наружного применения. Например, состав из сандалового масла, молотого имбиря и корицы. Множество подобных рецептов предлагала и «Камасутра».

Однако никакие рецепты не могли соперничать с красотой.

В «Тысяче и одной ночи» читаем:

«Рассказывают также, что аль-Мутеваккиль выпил лекарство, и люди стали подносить ему диковинные подарки и всякие приношения, и аль-Фатх-ибн-Хакан подарил ему невинную невольницу высокогрудую из числа прекраснейших женщин своего племени и прислал вместе с нею хрустальный сосуд с красным питьем и красную чашу, на которой были написаны чернью такие стихи:

Как кончит имам целебное пить лекарство,
Что хворь приведет к здоровью и исцелению,
Лекарством лучшим будет ему выпить
Из этой чаши этой винной влаги,
И сломит пусть печать ему отданной, —
Оно полезно будет вслед лекарству.

А когда невольница вошла с тем, что было с нею, к халифу, у того находился Юханна, врач. Увидав эти стихи, врач улыбнулся и сказал: «Клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, поистине, аль-Фатх лучше меня знает искусство врачевания! Пусть же не ослушается его повелитель правоверных в том, что он ему прописал».

И халиф согласился с мнением врача, и употребил это лекарство, как того требовало содержание стихов, и исцелил его Аллах и оправдал ее надежду».

Кальяны

Кальяны и наргиле — эти приспособления для курения были столь же популярны, что и теперь, при одном их упоминании возникают манящие и загадочные образы Востока.

Ввиду дурманящих и вредных свойств табачного дыма религия рекомендовала воздерживаться от курения. Однако кальяны были везде — и в покоях обитательниц гарема, и в уличных кофейнях (где, кстати, они есть и сейчас). Кальяны подавали после каждой трапезы, как лучшее дополнение к кофе.

«Как только я занял место в зале, — вспоминал Жерар де Нерваль, — ко мне подошел элегантно одетый юноша с тонкими чертами лица, которого можно было принять за девушку, и предложил мне чубук или кальян; вместе с трубкой он принес мне чашку кофе».

Кальяны были самых разных видов и размеров: от простых до настоящих произведений искусства с изящными дорогими украшениями. Но устройство всех кальянов было одинаковым: в прозрачный сосуд наливалась вода, очищавшая и охлаждавшая проходящий через нее дым. Сосуд соединялся узким горлышком с металлической чашей, где тлел табак, над которым горел древесный уголь. Дым попадал в сосуд, проходил через воду и выходил через гибкую трубку с мундштуком, которую и держал курильщик.

Кальяны курили в основном мужчины. Дамский вариант кальяна назывался наргиле. Он отличался меньшими размерами, ббльшим изяществом исполнения и вместо трубки у него было подобие длинного кожного рукава, которым дама обычно оборачивала руку.

Гаремные красавицы любили кальяны за то же, за что их почитали и все остальные — возможность расслабиться, раствориться в сладких грезах, забыться. Такое слияние с вечностью для неторопливых жителей Востока имело свою особую ценность.

Для кальянов и наргиле использовался особый табак, пропитанный различными веществами, придающими тот или иной привкус и аромат. В зависимости от сорта в табак добавлялись мед, патока, масла, экстракты и благовония.

Чаще всего использовался «яблочный табак», который популярен и теперь. Кто-то отдавал предпочтение привкусу винограда в табачном дыме, кто-то желал вдыхать насыщенный аромат розы. Табачных запахов было множество: от клубники и жасмина до ванили и лакрицы.

Гурманши из гаремов курили и смешанные сорта, дарившие богатое сочетание тонких вкусов. Гаремные даирэ были пропитаны ароматами наргиле, сливавшимися в легкий пьянящий туман.

Иногда в табак добавляли дорогие сорта банджа или опиума, а в воду — ликеры или вино. И тогда кальян превращался в опасное и сладостное искушение, способное не только затуманить разум, но и похитить саму жизнь.

Временами в кальянные традиции вторгались новые веяния.

«После еды кадина поднялась, и они перешли в гостиную, — писал Теофиль Готье. — Хозяйка с изящной небрежностью кочевала с дивана на диван, куря сигарету вместо традиционного наргиле. На Востоке сигареты нынче в моде. В Константинополе теперь выкуривают не меньше “папелитос”, чем в Севилье. Для томящихся от праздности турчанок приятное развлечение заворачивать легкие волокна латакийского табака в тонкую бумагу».

УПАДОК ТРАДИЦИЙ

Закрывтие сералей

Времена менялись, а с ними менялись и гаремы.

В 1876 году на трон взошел Абдул-Хамид II. Ему досталось огромное наследство, но удержать его было не так просто. Революционные бури изменили Европу и подбирались уже к Блистательной порте, угрожая самому султану. И тут уже было не до гарема.

«В свое время сераль султана Абдул-Меджида был местом безумных оргий, — писал Джордж Дорис, — и его жены в отсутствие строгого надзора предавались самым разнузданным вольностям. Сменивший его Абдул-Азиз, ревнивый как тигр, выправил эти пошатнувшиеся нравы. Но никогда султанский гарем не содержался в такой строгости, не был таким закрытым и, если можно так выразиться, таким “правильным”, каким он стал при нынешнем султানে.

...Мы еще помним легенды о тех временах, когда могущество восточных монархов было равным разве что их храбрости, сластолюбию и роскоши.

Эти времена, по счастью, давно прошли, и обветшалое состояние современного сераля — не более чем один из очевидных признаков его упадка. Но прежде чем он исчезнет окончательно, свидетельницей скольких преступлений, казней и средневековой жестокости станет мрачная тюрьма Йилдыза?

Сегодня в Йилдызе невозможно себе представить не только любовную интригу, но даже самый ничтожный каприз, самую маленькую страстишку, самый беглый взгляд очей.

Запертые в двойном кольце высоких и толстых стен, обитательницы сераля живут в неправдоподобном мире, доступ в который закрыт для любого мужчины, кроме Великого Турка. Не только тщеславие или ревнивый нрав побудили Абдул-Хамида сделать свой великолепный гарем столь неприступным. Здесь прежде всего — как и во всех его поступках — сказался извечный страх перед заговорами, боязнь появления среди стада его покорных рабынь какой-нибудь мусульманской Юдифи, восточной Шарлотты Корде.

Раньше султан был очень склонен к наслаждениям. Не чужд он их еще и теперь, но предается им лишь в моменты спокойствия, когда у него нет серьезных забот и мысль о какой-либо реальной или мнимой опасности не поселяется в его воображении».

Султану было чего опасаться. В Турции начались брожения и возникали тайные партии. В 1889 году младотурки основали организацию «Единение и прогресс», начавшую планомерную борьбу против абсолютизма.

Абдул-Хамид принялся искоренять крамолу с таким усердием, что получил в народе прозвище «кровавый». Деспотический режим, установленный султаном, подавлял инакомыслие со всей суровостью, но было уже слишком поздно. Совладать со взбунтовавшейся страной оказалось куда сложнее, чем с беззащитным гаремом. Не помогли и западные союзники, на которых уповал султан. Зато эхо русской революции 1905—1907 годов оказалось весьма ощутимым.

В 1908 году произошла Младотурецкая революция, которая провозгласила конституционную монархию.

Абдул-Хамид не смирился с таким ударом по многовековым устоям монархии и попытался вернуть утраченное, но в результате потерпел поражение и был попросту низложен.

В гаремах, которые теперь стали не государственным учреждением, а личным делом низложенного мо-

нарха и пришедшего ему на смену Мехмеда V, воцарилась гнетущая тишина. Никто не знал, что с ними будет дальше, но все понимали, что будущего у них нет. Вскоре сбылись и самые мрачные предчувствия — гаремы были запрещены законом.

Впору было вспомнить «Мавританского князя» Генриха Гейне:

От испанцев в Альпухару
Мавританский князь уходит.
Юный вождь, он, грустный, бледный,
Возглавляет отступление.
С ним — на рослых иноходцах,
На носилках золоченых
Весь гарем его. На мулах —
Чернокожие рабыни.
В свите — сотня слуг надежных
На конях арабской крови.
Статны кони, но от горя
Хмуро всадники поникли.
Ни цимбал, ни барабанов,
Ни хвалебных песнопений,
Лишь бубенчики на мулах
В тишине надрывно плачут...

Вместе с гаремами уходило в прошлое и многоженство. Либерально-демократическая революция сделала почти невозможным прежний образ жизни, когда гарем был таким же приятным обыкновением, как кальян и кофе. Теперь и бывшим вельможам не просто было обеспечить свою семью. А гаремы становились не по карману даже султанам.

Джордж Байрон предрек такой оборот дела в поэме «Гяур»:

Коней приветливое ржанье,
Рабов заботливых старанье
Исчезли в замке с этих пор...
Там паутины лишь узор
Заткал в пустынных залах ниши,
Жилищем стал летучей мыши
Гарем, и занят был совой
На башне пост сторожевой,
И у фонтана пес голодный
Уныло воет, но холодной
Себе напрасно влаги ждет...

С тех пор, как здесь Гассана нет,
Его дворец стал жертвой тленья...

Султаны еще были, но гаремов уже почти не осталось. Пришедшие к власти младотурки не смогли решить накопившихся проблем. К тому же сделали неверную ставку на Германию в начавшейся Первой мировой войне. Поражение Германии положило конец и деятельности младотурков. Они ничего не смогли противопоставить победившей Антанте, которая принялась делить не только огромную Турецкую империю, но и саму Турцию. Новую, уже национально-освободительную революцию 1918—1923 годов возглавил Мустафа Кемаль Ататюрк (Отец турок), разбивший английские оккупационные войска и ставший затем первым президентом Турецкой Республики. Тогда же было запрещено и многоженство.

Последний турецкий султан Мехмед V покинул страну на борту британского военного корабля, бросив свой гарем на произвол судьбы. Это стало серьезной проблемой правительственных чиновников. Сотни покинутых женщин, десятки евнухов и множество гаремной прислуги смотрели на жизнь вне стен сераля с затаенным ужасом. Они были похожи на диковинных птиц, выращенных в неволе и теперь выпущенных во враждебный им новый мир. Такая свобода их не прельщала.

Прислугу кое-как пристроили. Евнухи, имевшие средства, устроились сами. Те, кто ничего не имел и ничего не умел, кроме как «пасти гаремное стадо», отказывались покидать женщин до последней возможности. Кого-то из наложниц забрали родственники, но от многих родные отказались. Часть наложниц была отправлена в Европу, под защиту международных гуманитарных организаций, часть удалось выдать замуж в Турции. Остальные так и исчезли в тумане времени.

Александр Сергеевич Пушкин писал в «Бахчисарайском фонтане»:

...Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И золото блещет на стенах.
Я видел ветхие решетки,
За коими, в своей весне,

Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены в тишине.
...Где скрылись ханы? Где гарем?
Кругом всё тихо, всё уныло...

Теперь в султанском гареме — музей, который охотно посещают сотни тысяч туристов. И каждый из них ищет, а порой и находит там подтверждение своих представлений или фантазий, тайных желаний или открытого неприятия сладостных мужских грез о чудесном собрании прекраснейших женщин, мечтающих о взгляде, прикосновении, любви своего единственного господина.

Гаремы сегодня

На протяжении истории человечества гаремы зарождались, расцветали и погибали, как редкие цветы в заповедных оранжереях. Но тот, кто полагает, что гарем — это нечто экзотическое из далекого прошлого, ошибается.

Роскошные гаремы и сегодня украшают владения некоторых султанов, племенных вождей, диктаторов, императоров, пиратов, наркобаронов и прочих обладателей власти и солидных состояний.

Не прекратилась и позорная для человечества торговля «живым товаром».

Гаремы существуют, и обитают в них отнюдь не только несчастные «рабыни любви», но и вполне современные и довольные жизнью искательницы любовных приключений и больших денег.

Традиция не исчезла, хотя и приобрела новые, зачастую гротескные формы. Но эти модернизированные серали, разумеется, уже не имеют того масштаба и значения, какие были присущи «классическим гаремам». Нынешние гаремы уже не символ власти и не венец могущества, а всего лишь предмет роскоши или вложение капиталов, тайное и не всегда законное.

Эпоха настоящих гаремов ушла в прошлое, унося с собой множество тайн. И повторение той эпохи невозможно, как невозможно повторить пирамиду Хеопса или воскресить царя Соломона вместе с его легендарным гаремом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

НЕСКОЛЬКО СКАЗОК ШАХРАЗАДЫ

Рассказ о царе Шахрияре и его брате

Слава Аллаху, господу миров! Привет и благословение господину посланных, господину и владыке нашему Мухаммеду! Аллах да благословит его и да приветствует благословением и приветом вечным, длящимся до Судного дня!

А после того: поистине, сказания о первых поколениях стали назиданием для последующих, чтобы видел человек, какие события произошли с другими, и поучался, и чтобы, вникая в предания о минувших народах и о том, что случилось с ними, воздерживался он от греха. Хвала же тому, кто сделал сказания о древних уроком для народов последующих!

К таким сказаниям относятся и рассказы, называемые «Тысяча и одна ночь», и возвышенные повести и притчи, заключающиеся в них.

Повествуют в преданиях народов о том, что было, прошло и давно минуло (а Аллах более сведущ в неведомом, и премудр, и преславлен, и более всех щедр, и благосклонен, и милостив), что в древние времена и минувшие века и столетия был на островах Индии и Китая царь из царей рода Сасана, повелитель войск, стражи, челяди и слуг. И было у него два сына: один взрослый, другой юный, и оба были витязи-храбрецы, но старший превосходил младшего доблестью. И он воцарился в своей стране и справедливо управлял подданными, и жители его земель и царства полюбили его. Имя ему было царь Шахрияр; а младшего его брата звали царь Шахземан, и он царствовал в Самарканде персидском. Оба они пребывали в своих землях, и каждый у себя в царстве был справедливым судьей своих подданных в течение двадцати лет и жил в полнейшем довольстве и радости. Так продолжалось до тех пор, пока старший царь не пожелал видеть своего младшего брата и не повелел своему визирю поехать и привезти его. Визирь исполнил его приказание, и отправился, и ехал до тех пор, пока благополучно не прибыл в Самарканд. Он вошел к Шахземану, передал ему привет и сообщил, что брат его по нем стосковался и желает, чтобы он его посетил; и Шахземан отвечал согласием и снарядился в путь. Он велел вынести свои шатры, снарядить верблюдов, мулов, слуг и телохранителей и поставил своего визиря правителем в стране, а сам направился в зем-

ли своего брата. Но когда настала полночь, он вспомнил об одной вещи, которую забыл во дворце, и вернулся, и, войдя во дворец, увидел, что жена его лежит в постели, обнявшись с черным рабом из числа его рабов.

И когда Шахземан увидел такое, все почернело перед глазами его, и он сказал себе: «Если это случилось, когда я еще не оставил города, то каково же будет поведение этой проклятой, если я надолго отлучусь к брату!» И он вытащил меч, и ударил обоих, и убил их в постели, а потом, в тот же час и минуту, вернулся и приказал отъезжать — и ехал, пока не достиг города своего брата. А приблизившись к городу, он послал к брату гонцов с вестью о своем прибытии, и Шахрияр вышел к нему навстречу и приветствовал его, до крайности обрадованный. Он украсил в честь брата город и сидел с ним, разговаривая и веселясь, но царь Шахземан вспомнил, что было с его женой, и почувствовал великую грусть, и лицо его стало желтым, а тело ослабло. И когда брат увидел его в таком состоянии, он подумал, что причиной тому разлука со страной и царством, и оставил его так, не спрашивая ни о чем. Но потом, в какой-то день, он сказал ему: «О брат мой, я вижу, что твое тело ослабло и лицо твое пожелтело». А Шахземан отвечал ему: «Брат мой, внутри меня язва», — и рассказал, что испытал от жены. «Я хочу, сказал тогда Шахрияр, — чтобы ты поехал со мной на охоту и ловлю: может быть, твое сердце развеселится». Но Шахземан отказался от этого, и брат поехал на охоту один.

В царском дворце были окна, выходившие в сад, и Шахземан посмотрел и вдруг видит: двери дворца открываются, и оттуда выходят двадцать невольниц и двадцать рабов, а жена его брата идет среди них, выделяясь редкостной красотой и прелестью. Они подошли к фонтану, и сняли одежду, и сели вместе с рабами, и вдруг жена царя крикнула: «О Масуд!» И черный раб подошел к ней и обнял ее, и она его также. Он лег с нею, и другие рабы сделали то же, и они целовались и обнимались, ласкались и забавлялись, пока день не повернул на закат. И когда брат царя увидел это, он сказал себе: «Клянусь Аллахом, моя беда легче, чем это бедствие!» — и его ревность и грусть рассеялись. «Это больше того, что случилось со мною!» — воскликнул он и перестал отказываться от питья и пищи. А потом брат его возвратился с охоты, и они приветствовали друг друга, и царь Шахрияр посмотрел на своего брата, царя Шахземана, и увидел, что прежние краски вернулись к нему и лицо его зарумянилось и что ест он не переводя духа, хотя раньше ел мало. Тогда брат его, старший царь, сказал Шахземану: «О брат мой, я видел тебя с пожелтевшим лицом, а теперь румянец к тебе возвратился. Расскажи же мне, что с тобою». — «Я расскажу

тебе о том, почему я изменился, но избавь меня от рассказа о том, почему ко мне вернулся румянец», — отвечал Шахземан. И Шахрияр сказал: «Расскажи сначала, отчего ты исхудал и ослаб, а я послушаю».

«Знай, о брат мой, — заговорил Шахземан, — что, когда ты прислал ко мне визиря с требованием явиться к тебе, я снарядился и уже вышел за город, но потом вспомнил, что во дворце осталась жемчужина, которую я хотел тебе дать. Я возвратился во дворец и нашел мою жену с черным рабом, спавшим в моей постели, и убил их, и приехал к тебе, размышляя об этом. Вот причина перемены моего вида и моей слабости; что же до того, как ко мне вернулся румянец, — позволь мне не говорить тебе об этом».

Но услышав слова своего брата, Шахрияр воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, почему возвратился к тебе румянец!» И Шахземан рассказал ему обо всем, что видел. Тогда Шахрияр сказал брату своему Шахземану: «Хочу увидеть это своими глазами!» И Шахземан посоветовал: «Сделай вид, что едешь на охоту и ловлю, а сам спрячься у меня, тогда увидишь это и убедишься воочию».

Царь тотчас же велел кликнуть клич о выезде, и войска с палатками выступили за город, и царь тоже вышел; но потом он сел в палатке и сказал своим слугам: «Пусть не входит ко мне никто!» После этого он изменил обличье и украдкой прошел во дворец, где был его брат, и посидел некоторое время у окошка, которое выходило в сад, — и вдруг невольницы и их госпожа вошли туда вместе с рабами и поступали так, как рассказывал Шахземан, до призыва к послеполуденной молитве. Когда царь Шахрияр увидел это, он лишился разума и сказал своему брату Шахземану: «Вставай, уйдем тотчас же, не нужно нам царской власти, пока не увидим кого-нибудь, с кем случилось то же, что с нами! А иначе — смерть для нас лучше, чем жизнь!» Они вышли через потайную дверь и странствовали дни и ночи, пока не подошли к дереву, росшему посреди лужайки, где протекал ручей возле соленого моря. Они напились из этого ручья и сели отдыхать. И когда прошел час дневного времени, море вдруг заволновалось, и из него поднялся черный столб, возвысившийся до неба, и направился к их лужайке. Увидев это, оба брата испугались и взобрались на верхушку высокого дерева и стали ждать, что будет дальше. И вдруг видят: перед ними джинн огромного роста, с большой головой и широкой грудью, а на голове у него сундук. Он вышел на сушу и подошел к дереву, на котором были братья, и, севши под ним, отпер сундук, и вынул из него ларец, и открыл его, и оттуда вышла молодая женщина со стройным станом, сияющая подобно светлому солнцу, как это сказал, и отлично сказал, поэт Атыйя:

Чуть вспыхнула она во тьме, день отворил зеницы,
И чуть забрезжила она, зажегся луч денницы,

Ее сиянием полны светила на восходе,
И луны светлые при ней горят на небосводе.

И преклониться перед ней все сущее готово,
Когда является она без всякого покрова.

Когда же красота сверкнет, как вспышка грозоя,
Влюбленные потоки слез льют не переставая.

Джинн взглянул на эту женщину и сказал: «О владычица благородных, о ты, кого я похитил в ночь свадьбы, я хочу немного поспать». И он положил голову на колени женщины и заснул; она же подняла голову и увидела обоих царей, сидевших на дереве. Тогда она сняла голову джинна со своих колен и положила ее на землю и, вставши под дерево, сказала братьям знаками: «Слезайте, не бойтесь ифрита». И они ответили ей: «Заклинаем тебя Аллахом, избавь нас от этого». Но женщина сказала: «Если не спуститесь, — я разбуду ифрита, и он умертвит вас злой смертью». И они испугались и спустились к женщине, а она легла перед ними и сказала: «Вонзите, да покрепче, или я разбуду ифрита». От страха царь Шахрияр сказал своему брату, царю Шахземану: «О брат мой, сделай то, что она велела тебе!» Но Шахземан ответил: «Не сделаю! Сделай ты раньше меня!» И они принялись знаками подзадоривать друг друга, но женщина воскликнула: «Что это? Я вижу, вы перемигиваетесь! Если вы не подойдете и не сделаете этого, я разбуду ифрита!» И из страха перед джинном оба брата исполнили приказание, а когда они кончили, она сказала: «Очнитесь! — и, вынув из-за пазухи кошель, извлекла оттуда ожерелье из пятисот семидесяти перстней. Знаете ли вы, что это за перстни?» — спросила она; и братья ответили: «Не знаем!» Тогда женщина сказала: «Владельцы всех этих перстней имели со мной дело на рогах этого ифрита. Дайте же мне и вы тоже по перстню». И братья дали женщине два перстня со своих рук, а она сказала: «Этот ифрит меня похитил в ночь моей свадьбы и положил меня в ларец, а ларец — в сундук. Он навесил на сундук семь блестящих замков и опустил меня на дно ревущего моря, где бьются волны, но не знал он, что если женщина чего-нибудь захочет, то ее не одолеет никто, как сказал один из поэтов:

Не верь посулам жен и дев,
Их легким увереньям,

Ведь их довольство или гнев
Подвластны вождельням.

Под их любовью показной
Скрывается измена,

Цени их малою ценой
И берегись их плена.

Ведь дьявол, женщиной играя,
Адама выдворил из рая».

Услышав от нее такие слова, оба царя до крайности удивились и сказали один другому: «Вот ифрит, и с ним случилось худшее, чем с нами! Подобного не бывало еще ни с кем!»

И они тотчас ушли от нее и вернулись в город царя Шахрияра, и он вошел во дворец и отрубил голову своей жене, и рабам, и невольницам.

И царь Шахрияр еженощно стал брать невинную девушку и овладевал ею, а потом убивал ее, и так продолжалось в течение трех лет.

И люди возопили и бежали со своими дочерьми, и в городе не осталось ни одной девушки, пригодной для брачной жизни.

И однажды царь приказал своему визирю привести ему, как обычно, девушку, и визирь вышел и стал искать, но не нашел девушки и отправился в свое жилище, угнетенный и подавленный, боясь для себя зла от царя. А у царского визиря было две дочери: старшая — по имени Шахразада, и младшая — по имени Дуньязада. Старшая читала книги, летописи и жития древних царей и предания о минувших народах, и она, говорят, собрала тысячу летописных книг, относящихся к древним народам, прежним царям и поэтам. И она сказала отцу: «Отчего это ты, я вижу, грустен и подавлен и обременен заботой и печальями? Ведь сказал же кто-то об этом:

Скажи тому, кто прячет грусть:
“О ты, печаль таящий!

На этом свете и тоска
И радость преходящи!”»

И, услышав от своей дочери такие слова, визирь рассказал ей от начала до конца, что случилось у него с царем. И Шахразада воскликнула: «Заклинаю тебя Аллахом, о батюшка, выдай меня за этого царя, и тогда я либо останусь жить, либо буду выкупом за дочерей мусульман и спасу их от царя». — «Заклинаю тебя Аллахом, — воскликнул визирь, не подвергай себя такой опасности!» Но Шахразада сказала: «Это неизбежно должно быть».

И тогда визирь снарядил ее и отвел к царю Шахрияру. А Шахразада подучила свою младшую сестру и сказала ей: «Когда я приду к царю, я пошлю за тобой, а ты, когда придешь и увидишь, что царь удовлетворил свою нужду во мне, скажи: “О сестрица, поговори с нами и расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонную ночь”, — и я расскажу

тебе что-то, в чем будет, с соизволения Аллаха, наше освобождение».

И вот визирь, отец Шахразады, привел ее к царю, и царь, увидев его, обрадовался и спросил: «Доставил ли ты то, что мне нужно?»

И визирь сказал: «Да!»

И Шахрияр захотел взять Шахразаду, но она заплакала; и тогда он спросил ее: «Что с тобой?»

Шахразада сказала: «О царь, у меня есть маленькая сестра, и я хочу с ней проститься».

И царь послал тогда за Дуньязадой, и она пришла к сестре, обняла ее и села на полу возле ложа. И тогда Шахрияр овладел Шахразадой, а потом они стали беседовать; младшая сестра сказала Шахразаде: «Заключаю тебя Аллахом, сестрица, расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонные часы ночи».

«С любовью и охотой, если разрешит мне достойнейший царь», — ответила Шахразада.

И, услышав эти слова, царь, мучившийся бессонницей, обрадовался, что послушает рассказ, и позволил.

Рассказ о шести невольницах

Рассказывают также, что повелитель правоверных аль-Мамун в один из дней был у себя во дворце, и призвал он всех особ своего государства и вельмож царства, и призвал к себе также стихотворцев и сотрапезников. И был среди его сотрапезников один сотрапезник по имени Мухаммед-аль-Басри. И аль-Мамун обратился к нему и сказал: «О Мухаммед, я хочу, чтобы ты рассказал мне что-нибудь, чего я никогда не слышал». — «О повелитель правоверных, хочешь ли ты, чтобы я передал тебе рассказ, который я слышал ушами, или рассказал тебе о том, что я видел глазами?» — спросил Мухаммед, и аль-Мамун ответил: «Расскажи мне, о Мухаммед, о том, что более всего удивительно».

«Знай, о повелитель правоверных, — сказал тогда Мухаммед, — что был в минувшие дни человек из тех, что живут в благоденствии, и родина его была в Йемене, но потом он уехал из Йемена в наш город Багдад, и ему показалось хорошо жить в нем, и он перевез в Багдад своих родных и свое имущество и семью. А у него были шесть невольниц, подобных лунам: первая — белая, вторая — коричневая, третья — упитанная, четвертая — худощавая, пятая — желтая и шестая — черная, и все они были красивы лицом и совершенны по образованию, и знали искусство пения и игры на музыкальных инструментах. И случилось, что он призвал этих невольниц в какой-то день к себе и потребовал кушанье и вино, и они стали есть, и пить, и наслаждались, и радова-

лись, и господин их наполнил кубок и, взяв его в руку, сделал знак белой невольнице и сказал: “О лик новой луны, дай нам услышать сладостные слова”

И она взяла лютню и настроила ее и стала повторять на ней напевы, пока помещение не заплясало, а потом она завела напев и произнесла такие стихи:

Мой любимый стоит всегда пред глазами,
Его имя начертано в моем сердце.
Его вспомню, так все во мне — одно сердце,
Его вижу, так все во мне — одно око.
Мне сказали хулители: “Позабудешь!”
Я сказала: “Чему не быть, как же будет?”
Я сказала: “Уйди, хулитель, оставь нас,
Не старайся уменьшить то, что не мало”

И их господин пришел в восторг и выпил свой кубок и дал выпить невольницам, а потом он наполнил чашу и, взяв ее в руку, сделал знак коричневой невольнице и сказал: “О свет факела, чье дыхание благовонно, — дай нам послушать твой прекрасный голос, внимающий которому впадает в соблазн!” И она взяла лютню и повторяла напевы, пока все в помещении не возликовало, и похитила сердца взглядами и произнесла такие стихи:

Поклянусь тобою, других любить не буду
До смерти я, и любовь к тебе не предам я.
О полный месяц, прелестью закрывшийся,
Все прекрасные под твои идут знамена.
Ты тот, кто превзошел прекрасных нежностью,
Ты одарен творцом миров, Аллахом!

И их господин пришел в восторг, и он выпил свою чашу и напоил невольниц, а потом он наполнил кубок и, взяв его в руку, сделал знак упитанной невольнице и велел ей петь, перебирая напевы. И невольница взяла лютню и заиграла на голос, прогоняющий печали, и произнесла такие стихи:

Коль впрямь ты простил меня, о тот, к кому я стремлюсь,
Мне дела нет до всех тех, кто сердится.
И если появится прекрасный твой лик, мне нет
Заботы о всех царях земли, если скроются.
Хочу я из благ мирских одной лишь любви твоей,
О тот, к кому прелесть вся, как к предку, возводится!

И их господин пришел в восторг, и взял чашу и напоил невольниц, а потом он наполнил чашу и, взяв ее в руку, сделал знак худощавой невольнице и сказал: “О гурия садов, дай нам послушать твои прекрасные слова!” И она взяла лютню и настроила ее, и перебрала напевы, и произнесла такие стихи:

Клянусь, на пути Аллаха то, что ты сделал мне,
Расставшись со мной, когда терпеть без тебя невмочь.
Клянусь, нас судья в любви рассудит, и он воздаст
Мне должное за тебя, творя справедливый суд.

И их господин пришел в восторг, и выпил кубок и наполнил невольниц, а потом он наполнил кубок и, взяв его в руку, сделал знак желтой невольнице и сказал: “О солнце дня, дай нам послушать твои нежные стихи!”

И она взяла лютню и ударила по ней наилучшим образом и произнесла такие стихи:

Мой любимый, когда ему я являюсь,
Обнажает меч острый глаз предо мною.
Пусть хоть частью возьмет Аллах с него долг мне,
Раз жесток он, а дух ведь мой в его власти.
Всякий раз, как скажу душе: “Его брось ты!”
Все стремится душа моя лишь к нему же.
Лишь его средь других людей я желаю,
Но питает судьбы рука ко мне зависть.

И их господин пришел в восторг, и выпил и напоил невольниц, а затем он наполнил чашу и, взяв ее в руку, сделал знак черной невольнице и сказал: “О чернота глаза, дай нам услышать хоть два слова” И она взяла лютню и настроила ее, и натянула струны и прошла по ним на много ладов, а затем вернулась к первому ладу и, затянув напев, произнесла:

О глаз, прошу, будь щедр, подари мне слезы,
В любви моей утратила жизнь совсем я.
Со страстью всякой я борюсь к любимым,
Но я влюблена, и радуется завистник.
Хулитель не дает мне роз ланиты,
Когда душа моя стремится к розам.
Здесь чаши ходят вокруг с вином пьянящим,
И радость здесь, при музыке и лютне.
Пришел ко мне любимый, увлеклась я,
И звезды счастья ярко нам сияли.
Но без вины задумал он расстаться,
А есть ли горше что-нибудь разлуки?
Его ланиты — сорванные розы;
Клянусь Аллахом, розы щек прекрасны!
Когда б закон позволил ниц нам падать
Не пред Аллахом, пала бы ниц пред ним я.

И после этого рабыни поднялись и поцеловали землю меж рук их господина и сказали: “Рассуди нас, о господин”

И владелец их посмотрел на их красоту и прелесть и на их неодинаковый цвет, и восхвалил Аллаха великого и прославил его и потом сказал: “Каждая из вас читала Коран и

научилась напевам и знает предания о древних и сведуща в историях минувших народов, и я хочу, чтобы каждая из вас поднялась и указала рукой на свою соперницу — то есть белая укажет на смуглую, упитанная — на худощавую, желтая — на черную, — и пусть каждая из вас восхваляет себя и порицает свою подругу, а потом встанет ее подруга и сделает с ней то же самое. И пусть это будут доказательства из почитаемого Корана и что-нибудь из преданий и стихов, чтобы мы увидели вашу образованность и красоту ваших речей” И невольницы ответили ему: “Слушаем и повинемся!..”»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать пятая ночь

Когда же настала триста тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольницы сказали человеку из Йемена: “Слушаем и повинемся!” И затем встала первая из них (а это была белая) и указала на черную и сказала: “Горе тебе, о черная!” Передают, что белизна говорила: “Я свет блестящий, я месяц восходящий, цвет мой ясен, лоб мой сияет, и о моей красоте сказал поэт:

Бела она, с гладкими щеками и нежная,
Подобна по прелести жемчужине скрытой.
Как алиф прекрасный стан ее, а уста ее —
Как мим, а дуга бровей над нею — как нуны,
И кажется, взгляд ее — стрела, а дуга бровей —
Как лук, хоть и связан он бывает со смертью.
Коль явит ланиты нам и стан, то щека ее —
Как роза и василек, шиповник и мирта.
Обычно сажают ветвь в саду, как известно нам,
Но стана твоего ветвь — как много садов в нем!

Мой цвет подобен счастливому дню и сорванному цветку и сверкающей звезде”

И сказал Аллах великий в своей славной книге пророку своему Мусе (мир с ним!): “Положи руку себе за пазуху, она выйдет белою, без вреда” И сказал Аллах великий: “А что до тех, чьи лица побелеют, то в милости Аллаха они, и пребывают в ней вечно” Цвет мой — чудо, и прелесть моя — предел, и красота моя — завершение, и на подобной мне хороша всякая одежда, и ко мне стремятся души. И в белизне многие достоинства, как то, что снег нисходит с небес белым, и передают, что лучший из цветов белый, и мусульмане гордятся белыми тюрбанами, и если бы я стала припоминать, что сказано белизне во славу, изложение, право бы, затянулось. То, чего мало, но достаточно, — лучше, чем то, чего много и недостаточно. Но я начну порицать тебя, о

черная, о цвет чернил и сажи кузнеца, и лица ворона, разлучающего любимых! Сказал поэт, восхваляя белизну и порицающая черноту:

Не видишь ли ты, что жемчуг дорог за белый цвет,
А угля нам черного на дирхем мешок дают.
И лица ведь белые — те прямо вступают в рай,
А лицами черными геенна наполнена.

И рассказывается в одном из преданий, передаваемых со слов лучших людей, что Нух — мир с ним! — заснул в какой-то день, а дети его — Сам и Хам — сидели у его изголовья. И набежал ветер и приподнял одежды Нуха, и открылась его срамота, и Хам посмотрел на него и засмеялся и не прикрыл его, а Сам поднялся и прикрыл. И их отец пробудился от сна и узнал, что совершили его сыновья, и благословил Сама и проклял Хама. И побелело лицо Сама, и пошли пророки и халифы прямого пути и цари из потомков его, а лицо Хама почернело, и он ушел и убежал в страну абиссинцев, и пошли чернокожие от потомков его. И все люди согласны в том, что мало ума у черных, и говорит говорящий в поговорке: “Как найти черного разумного?”

И господин сказал невольнице: “Садись, этого достаточно, ты превзошла меру!” И потом он сделал знак черной, и она поднялась, и указала рукой на белую, и молвила: “Разве не знаешь ты, что приведено в Коране, низведенном на посланного пророка, слово Аллаха великого: “Клянись ночью, когда она покрывает, и днем, когда он заблестает!” И если бы ночь не была достойнее, Аллах не поклялся бы ею и не поставил бы ее впереди дня, — с этим согласны пронизательные и прозорливые. Разве не знаешь ты, что чернота — украшение юности, а когда нисходит седина, уходят наслаждения и приближается время смерти? И если бы не была чернота достойнее всего, не поместил бы ее Аллах в глубину сердца и ока. А как хороши слова поэта:

Люблю я коричневых за то лишь, что собран в них
Цвет юности и зерна сердец и очей людских.
И белую белизну ошибкой мне не забыть,
От савана и седин всегда буду в страхе я.

А вот слова другого:

Лишь смуглые, не белые,
Достойны все любви моей.
Ведь смуглость в цвете алых губ,
А белое — цвет лишаев.

И слова другого:

Поступки черной — белые, как будто бы
Глазам она равна, владыкам света.
Коль ума лишусь, полюбив ее, не дивитесь вы, —
Немочь черная ведь безумия начало.
И как будто цветом подобен я вороному в ночь, —
Ведь не будь ее, не пришла б луна со светом.

И к тому же, разве хорошо встречаться влюбленным
иначе как ночью? Довольно с тебя этого преимущества и
выгоды. Ничто так не скрывает влюбленных от сплетников
и злых людей, как чернота мрака, и ничто так не заставляет
их бояться позора, как белизна утра. Сколько у черноты
преимуществ, и как хороши слова поэта:

Иду к ним, и мрак ночей перед ними ходатай мой;
От них иду — белизна зари предаст меня.

И слова другого:

Как много ночей со мной провел мой возлюбленный,
И нас покрывала ночь кудрей темнотой своих.
Когда же блеснул свет утра, он испугал меня,
И милому я сказала: “Лгут маги, поистине”

И слова другого:

Пришел он ко мне, закрывшись ночи рубашкою,
Шаги ускорял свои от страха, с опаскою,
И щеку я подостлал свою на пути его
Униженно, и подол тащил позади себя.
И месяца луч блеснул, почти опозорив нас,
Как будто обрезок он, от ногтя отрезанный.
И было, что было, из того, что не вспомню я,
Так думай же доброе, не спрашивай ни о чем.

И слова другого:

Лишь ночью встречает тех, с кем будет близка она,
Ведь солнце доносит все, а ночь — верный сводник.

И слова другого:

Нет, белых я не люблю, от жира раздувшихся,
Но черных зато люблю я, тонких и стройных,
Я муж, что сажусь верхом на стройно-худых коней
В день гонки; другие — на слонах выезжают.

И слова другого:

Посетил меня любимый
Ночью, обнялись мы оба
И заснули. И вдруг утро.
Поднялся торопливо.

Я прошу Аллаха: “Боже,
Мы хотим быть снова вместе!
Ночь пускай еще продлится,
Раз мой друг лежит со мною!”

И если бы я стала упоминать о том, как хвалят черноту, изложение, право бы, затянулось, но то, что не велико и достаточно, лучше, чем то, что обильно и недостаточно. А что до тебя, о белая, то твой цвет — цвет проказы, и сближение с тобой — горечь, и рассказывают, что град и стужа в геенне, чтобы мучить людей дурных. А в числе достоинств черноты то, что из нее получают чернила, которыми пишут слова Аллаха. И если бы не чернота мускуса и амбры, благовония не доставлялись бы царям, и о них бы не поминали. Сколько у черноты достоинств, и как хороши слова поэта:

Не видишь ли ты, что мускус дорого ценится,
А извести белой ты на дирхем получишь куль?
Бельмо в глазу юноши зазорным считается,
Но, подлинно, черные глаза рязят стрелами.

И ее господин сказал ей: “Садись, этого достаточно!” И невольница села, и затем он сделал знак упитанной, и та поднялась...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать шестая ночь

Когда же настала триста тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что йеменец, господин невольниц, сделал знак упитанной невольнице, и она поднялась и указала рукой на худощавую, и обнажила свой живот, так что стали видны его складки и показалась округлость ее пупка. А затем она надела тонкую рубашку, из-под которой было видно все ее тело, и сказала: “Слава Аллаху, который сотворил меня и сделал мой образ красивым и наделил меня жиром и прекрасной полнотой и уподобил меня ветвям и увеличил мою прелесть и блеск! Слава ему за то, что он даровал мне, и за то, что почтил меня, когда помянул в своей великой книге, — велик он! — и привел упитанного тельца. И он сделал меня подобной саду, где находятся сливы и гранаты. А жители городов желают жирных птиц, чтобы есть их, и не любят они птиц тощих, и сыны Адама хотят жирного мяса и едят его. Сколько в упитанности преимуществ, и как хороши слова поэта:

Прощайся с возлюбленной — снимаются путники —
Но можешь ли ты, о муж, проститься с возлюбленной?
Расхаживает она по дому соседнему,
Как жирная курочка — порока и скуки нет.

И я не видела, чтобы кто-нибудь остановился возле мясника и не потребовал бы у него жирного мяса. Сказали мудрецы: “Наслаждение в трех вещах: есть мясо, ездить верхом на мясе и вводить мясо в мясо” А ты, о сухопарая, — твои ноги — точно ноги воробья или печная кочерга, ты крестовина распятого и мясо порченного, и нет в тебе ничего радующего ум, как сказал о тебе поэт:

Аллах от всего меня спаси, что б заставило
Лежать рядом с женщиной, сухою, как лыко пальм.
Все члены ее — рога, бодают они меня
Во сне, и ослабнувшим всегда просыпаюсь я”

И ее господин сказал ей: “Садись, этого достаточно!”
И она села.

И господин сделал знак худощавой, и та поднялась, подобная ветви ивы, или трости бамбука, или стеблю базилика, и сказала: “Слава Аллаху, который сотворил меня и создал прекрасной и сделал близость со мною пределом стремлений и уподобил меня ветви, к которой склоняются сердца! Когда я встаю, то встаю легко, а когда сажусь, то сажусь изящно; я легкомысленна при шутке, и душе моей приятно веселье. И не видала я, чтобы кто-нибудь, описывая возлюбленного, говорил: “Мой любимый величиной со слона” И не говорят: “Он подобен горе, широкой и длинной” А говорят только: “У моего любимого стройный стан, и он высок ростом” Немного пищи мне достаточно, и малость воды утоляет мою жажду. Мои игры легки и шутки прекрасны, я живее воробья и легче скворца, близость со мной — мечта желающего и услада ищущего, мой рост прекрасен и прелестна улыбка, я точно ветвь ивы, или трость бамбука, или стебель базилика, и нет по прелести мне подобного, как сказал обо мне сказавший:

Я с ветвью тонкой твой стан сравнил
И образ твой своей долей сделал.
Как безумный я за тобой ходил —
Так боялся я соглядатаев.

Из-за подобных мне безумствуют влюбленные и впадает в смущенье тоскующий, и если мой любимый привлекает меня, я приближаюсь к нему, и если он наклоняет меня, я наклоняюсь к нему, а не на него. А ты, о жирная телом, ты ешь, как слон, и не насыщает тебя ни многое, ни малое, и при сближении не отдыхает с тобою друг, и не находит

он с тобою пути к веселью — величина твоего живота мешает тебя познать, и овладеть тобой не дает толщина твоих бедер. Какая красота в твоей толщине и какая в твоей грубости тонкость и мягкость? Подобаает жирному мясу только убой, и нет в нем ничего, что бы требовало похвал. Если с тобою кто-нибудь шутит, ты сердишься, а если с тобою играют — печалишься; заигрывая, ты сопишь, и когда ходишь, высовываешь язык, а когда ешь, не можешь насытиться. Ты тяжелее горы и безобразнее гибели и горя, нет у тебя движения и нет в тебе благословения, и только и дела у тебя, что есть и спать. Ты точно надутый бурдюк или уродливый слон, и когда ты идешь в дом уединения, ты хочешь, чтобы кто-нибудь помыл тебя и выщипал на тебе волосы — а это предел лени и образец безделья. И, коротко говоря, нет в тебе похвального, и сказал о тебе поэт:

Грузна, как бурдюк она с мочою раздувшийся,
И бедра ее, как склоны гор возвышаются.
Когда в землях западных кичливо идет она,
Летит на восток тот вздор, который несет она”

И ее господин сказал ей: “Садись, этого достаточно!” И она села, а он сделал знак желтой невольнице, и та поднялась на ноги и восхвалила Аллаха великого и прославила его и произнесла молитву и привет избранному им среди созданий, а затем она показала рукой на коричневую невольницу и сказала...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать седьмая ночь

Когда же настала триста тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что желтая невольница поднялась на ноги и восхвалила Аллаха великого и прославила его, а затем она указала рукой на коричневую невольницу и сказала ей: “Я восхвалена в Коране, и описал мой цвет милосердный и дал ему преимущество над всеми цветами, когда сказал — велик он! — в своей ясной книге: “Желтая, чист ее цвет, и радуется он вззирающих...” И цвет мой — чудо, красота моя — предел, и прелесть моя — совершенство, ибо мой цвет — цвет динара, цвет звезд и светил, и цвет яблока, и образ мой — образ прекрасных и имеет цвет шафрана, превозносящийся над всеми цветами, и образ мой необычен, и цвет мой удивителен. Я мягка телом и дорога ценою, и я объяла все виды красоты, и цвет мой дорог в этом мире, как чистое золото. И сколько во мне преимуществ, и о подобной мне сказал поэт:

Ее желтизна блестит, как солнца прекрасный свет,
Динару она равна по виду красивому.
Не выразит нам шафран и части красот ее,
О нет, и весь вид ее возносится над луной.

А затем я начну порицать тебя, о коричневая цветом!
Твой цвет — цвет буйвола, и видом твоим брезгают души, и
если есть твой цвет в какой-нибудь вещи, то ее порицают, а
если он есть в кушанье, то оно отравлено. Твой цвет — цвет
мух, и он отвратителен, как собака. Среди прочих цветов он
приводит в смущенье и служит признаком горестей, и я ни-
когда не слыхала о коричневом золоте, или жемчуге, или
рубине. Уходя в уединение, ты меняешь цвет лица, а выйдя,
становишься еще более безобразной; ты не черная, которую
знают, и не белая, которую описывают, и нет у тебя никаких
преимуществ, как сказал о тебе поэт:

Цвет пыли, вот цвет ее лица; то землистый цвет,
Как прах, облепляющий прохожего ноги.
Едва на нее я брошу глазом хоть беглый взгляд,
Заботы усилятся мои и печали”

И ее господин сказал: “Садись, этого достаточно!” — и
она села. И господин ее сделал знак коричневой невольни-
це, а она обладала прелестью и красотой, и была высока,
соразмерна, блестяща и совершенна. И ее тело было мягко,
а волосы — как уголь. Она была стройна телом, розовощека,
с насурьмленными глазами, овальными щеками, прекрасным
лицом, красноречивым языком, тонким станом и тяжелыми
бедрами. И сказала она: “Слава Аллаху, который не сделал
меня ни жирной и порицаемой, ни худощавой и поджарой,
ни белой, как проказа, ни желтой, как страдающий от ко-
лик, ни черной — цвета сажи, — но, напротив, сделал мой
цвет любимцем обладателей разума. Все поэты хвалят корич-
невых на всех языках и дают их цвету преимущество над
всеми цветами. Коричневый цветом имеет похвальные ка-
чества, и от Аллаха дар того, кто сказал:

У смуглых немало свойств, и если б ты смысл их знал,
Твой глаз бы не стал смотреть на красных и белых.
Умелы в словах они, и взоры играют их;
Харута пророчествам и чарам учить бы могли.

И слова другого:

Кто смуглого мне вернет, чьи члены, как говорят,
Высокие, стройные самхарские копыя.
Тоскуют глаза его, пушок его шелковист;
Он в сердце влюбленного всегда пребывает.

И слова другого:

Я ценю, как дух, точку смуглую на лице его,
Белизна же пусть превосходит блеском месяц.
Ведь когда б имел он такую точку, но белую,
Красота его заменилась бы позором.
Не вином его опьяняюсь я, но, поистине,
Его локоны оставляют всех хмельными,
И красоты все одна другой завидуют,
И пушком его все бы стать они хотели.

И слова поэта:

Почему к пушку не склоняюсь я, когда явится
На коричневом, что копьё подобен цветом.
Но ведь всех красот завершение, — говорит поэт, —
Муравьев следы, что видны на неньюфаре.
И я видывал, как влюбленные теряли честь
Из-за родинки под глазом его черным.
И бранить ли станут хулители за того меня,
Кто весь родинка? — Так избавьте же от глупых!

Мой образ прекрасен, и стан мой изящен, и цвет мой желанен для царей, и любят его все, и богатые и нищие. Я тонка, легка, прекрасна и изящна, нежна телом и высока ценою, и во мне завершились красота, образованность и красноречие. Моя внешность прекрасна, язык мой красноречив, мои шутки легки, и игры мои изящны. А ты, — ты подобна мальве у ворот аль-Лук — желтая и вся в жилах. Пропади ты, о котелок мясника, о ржавчина на меди, о видом подобная сове, о пища с дерева заккум! Тому, кто лежит с тобой, тяжело дышать, и он погребен в могилах, и нет у тебя в красоте преимущества, как сказал о подобной тебе поэт:

Она очень желтая, хотя не больна она,
Стесняет она мне грудь, болит голова моя,
Когда не раскается душа, я срамлю ее,
Целую ту желтую, и зубы она мне рвет”

И когда она окончила свое стихотворение, ее господин оказал ей: “Садись, этого достаточно!” А после этого...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать восьмая ночь

Когда же настала триста тридцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда невольница окончила свое стихотворение, ее господин сказал: “Садись, этого довольно!” А после этого он помирил неволь-

ниц и одел их в роскошные одежды, и подарил им дорогие камни, земные и морские, и не видал я, о повелитель правоверных, ни в какое время и ни в каком месте никого, краше этих прекрасных невольниц.

И когда аль-Мамун услышал эту повесть от Мухаммеда-аль-Басри, он обратился к нему и спросил: “О Мухаммед, знаешь ли ты, где эти невольницы и их господин? Можешь ли ты купить их для нас?” И Мухаммед ответил ему: “О повелитель правоверных, до меня дошло, что их господин влюблен в них и не может с ними расстаться” “Захвати для их господина по десять тысяч динаров за каждую девушку (а всего это составит шестьдесят тысяч динаров), и возьми их с собой, и отправляйся к нему, и купи у него невольниц”, сказал аль-Мамун. И Мухаммед-аль-Басри взял у него эти деньги и отправился и, прибыв к господину невольниц, сказал ему, что повелитель правоверных желает купить у него этих девушек за столько-то.

Йеменец согласился их продать в угоду повелителю правоверных, и отослал невольниц к нему, и когда они прибыли к повелителю правоверных, он приготовил для них прекрасное помещение, и проводил с ними время. И девушки разделяли трапезу халифа, а он дивился их красоте и прелести и разнообразию их цветов и их прекрасным речам. И таким образом они провели некоторое время, а потом у их первого господина, который их продал, не стало терпения быть в разлуке с ними. И он послал письмо повелителю правоверных аль-Мамуну, где жаловался ему на то, какова его любовь к невольницам, и содержало оно такие стихи:

Шесть прекрасных похитили мою душу,
Шесть прекрасных — привет я им посылаю.
Мое зренье и слух они, моя жизнь в них,
Мой напиток и кушанье и услада,
Не забуду сближения с красотой их,
Сна приятность, когда их нет, удалилась.
Ах, как долго печалился и рыдал я,
Мне бы лучше среди людей не родиться!
О глаза, что украшены дивно веком!
Точно луки, — в меня они мечут стрелы.

И когда это письмо попало в руки халифа аль-Мамуна, он облачил девушек в роскошные одежды, дал им шестьдесят тысяч динаров и послал их к господину. И они прибыли к нему, и он им обрадовался до крайних пределов, больше чем деньгам, которые пришли с ними. И жил с ними наилучшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний».

Рассказ об Абд-Аллахе-ибн-Мамаре

Рассказывают также, что один из жителей Басры купил невольницу и отлично ее воспитал и обучил. Он полюбил ее великой любовью и истратил все свои деньги, развлекаясь и веселясь с нею так, что у него ничего не осталось, и жестокая бедность начала мучить его. И тогда невольница сказала ему: «О господин, продай меня — ты нуждаешься из-за меня, и я сожалею, видя, как ты беден. Если ты продашь меня и будешь иметь полученные за меня деньги, это будет для тебя лучше, чем если я останусь. Может быть, Аллах великий расширит твой достаток».

И хозяин невольницы согласился на это из-за своего стесненного положения и повел ее на рынок. И посредник предложил девушку эмиру Басры (а звали его Абд-Аллах-ибн-Мамар-ат-Тайми), и она ему понравилась, и он купил ее за пятьсот динаров и отдал деньги господину. И когда господин невольницы взял их и хотел уйти, девушка заплакала и произнесла такие два стиха:

Во здравие тебе те деньги, что приобрел теперь,
А мне остается горе и размышление,
И я говорю душе, тоскующей горестно:
«Прибавишь, убавишь ты, — любимого уже нет».

И когда господин невольницы услышал эти слова, он стал испускать вздохи и произнес такие стихи:

Когда не найдешь в делах уловки и хитрости
И смерть лишь останется тебе — извини тогда.
И утром и вечером лишь память о них мне друг,
И с сердцем я говорю, что крепко задумалось.
Привет тебе! Посетить не можем друг друга мы,
Сближение может быть лишь волей ибн-Мамара.

И когда Абд-Аллах-ибн-Мамар услышал их стихи и увидел их огорчение, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не буду помощником вашей разлуки, ясно, что вы друг друга любите. Возьми деньги и девушку, о человек, — да благословит тебя в этом Аллах! — разлука тягостна для влюбленных!..»

И оба поцеловали ему руки и уши, и они пробыли вместе, пока не разлучила их смерть. Слава же тому, кого не постигает гибель!

Триста восемьдесят пятая ночь

Когда же настала триста восемьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мальчика охватила любовь к девочке, и он полюбил ее сильной любовью. И вот наступил какой-то день, и в минуту, когда дети

не видели, мальчик взял доску девочки и написал на ней такие два стиха:

Что можешь о том сказать, болезнью кто изможден,
От крайней любви к тебе, и стал он смущенным.
Он сетует на любовь, тоску и страдание,
И то, что в душе его, сокрыть он не может.

И когда девочка взяла свою доску, она увидела стихи, написанные на ней, и, прочитав их и поняв их смысл, она заплакала от жалости к мальчику и написала на доске под стихами мальчика такие строки:

Когда мы влюбленного увидим, что изможден
Своею влюбленностью, мы милость окажем.
И цели своей в любви достигнет свободно он,
Хоть будет враждебно нам и все, что бывает.

И случилось так, что учитель вошел к ним, когда его не видели, и нашел эту доску и взял ее и прочитал то, что на ней было, и пожалел мальчика и девочку и написал под их надписями такие два стиха:

С возлюбленным будь близка и кары не бойся ты, —
Влюбленный, поистине, в любви растерялся.
И что до учителя — не бойся его совсем, —
Поистине, испытал он страсть не однажды.

И случилось так, что господин одной невольницы вошел в ту минуту в школу и нашел доску девочки и взял ее и прочитал написанные там слова девочки и мальчика и учителя, и тогда он тоже написал на доске, под всеми надписями, такие два стиха:

Аллах да не разлучит навеки обоих вас,
И пусть растеряется доносчик, устанет.
Учитель же — поклянись Аллахом, глаза мои
Не видели сводника успешней, чем этот!

И потом господин невольницы послал за судьей и свидетелями и написал ее запись с юношей в этой же комнате и устроил пир и оказал им великую милость. Так пребывали они вместе, наслаждаясь и радуясь, пока не застигла их Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний».

Рассказ об Абу-ль-Хасане из Хорасана

Рассказывают также, о счастливый царь, что аль-Мутаид-биллах был возвышен помыслами и благороден душой, и было у него в Багдаде шестьсот визирей, и ничто из дел людских не было от него скрыто. И пошел он однажды с

ибн-Хамдуном, чтобы посмотреть на подданных и послушать, что есть нового в делах людей, и их стал палить зной и жара. А они дошли до маленького переулочка на площади и, войдя в этот переулочек, увидели в конце его красивый дом, высоко построенный и возглашавший о своем обладателе языком хвалы. И они присели у ворот отдохнуть, и из дому вышли двое слуг, подобных луне в четырнадцатую ночь, и один из них сказал своему товарищу: «Если бы какой-нибудь гость попросил сегодня разрешения войти! Мой господин не ест иначе, как с гостями, а мы дождались до этого времени и никого не видим». И халиф удивился их словам и сказал: «Вот доказательство щедрости владельца этого дома! Мы непременно войдем в его дом и посмотрим на его благородство, и это будет причиной милости, которая придет к нему от нас». И затем он сказал слуге: «Попроси у своего господина позволения войти нескольким чужеземцам (а халиф в то время, если он хотел посмотреть на подданных, переодевался в одеяние купцов)». И слуга вошел к своему господину и рассказал ему, а хозяин дома обрадовался и вышел к гостям сам, и оказалось, что он прекрасен лицом и красив обликом, и на нем нисабурская рубашка и расшитый золотом плащ, и он пропитан духами, и на руке его — перстень с яхонтами. И, увидев пришедших, он сказал им: «Приют и уют господам, оказывающим нам крайнюю милость своим приходом!»

И, войдя в этот дом, они увидели, что он заставляет забыть близких и родину и подобен кусочку райских садов...

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот шестидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до девятисот шестидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда халиф и те, кто был с ним, вошли в дом, они увидели, что он заставляет забыть близких и родину и подобен кусочку райских садов, и внутри его был сад со всевозможными деревьями, и он ошеломлял взоры, и все помещения в нем были устланы роскошными коврами. И вошедшие сели, и аль-Мутадид стал рассматривать дом и ковры.

“И я посмотрел на халифа, — говорил ибн-Хамдун, — и увидел, что его лицо переменилось (а я различал на его лице выражение милости или гнева), и, увидев это, я сказал себе: “Посмотри-ка! Что это с ним, что он рассердился” И принесли золотой таз, и мы вымыли руки, и затем принесли шелковую скатерть и столик из бамбука, и когда с блюда подняли крышки, мы увидели кушанья, подобные весенним цветам в самое лучшее время, купами и отдельно.

И хозяин дома сказал: “Во имя Аллаха, господя! Клянусь Аллахом, меня измучил голод! Сделайте милость, поешьте этих кушаний, как подобает людям с благородными свойствами”

И хозяин дома стал разнимать кур и класть их перед нами, и он смеялся, произносил стихи, рассказывал и говорил тонкие вещи, подходящие для этого места.

И мы поели и попили, — говорил ибн-Хамдун, — и потом нас перевели в другое помещение, ошеломляющее тех, кто смотрит, в котором веяли прекрасные запахи, и принесли скатерть с только что сорванными плодами и сладостями, внушающими желания, и усилилась наша радость, и прошла наша печаль. Но при всем этом халиф не переставал хмуриться и не улыбался, видя то, что радовало душу, хотя он обычно любил развлекаться и веселиться, прогоняя заботы, и я знал, что он не завистник и не обидчик. И я говорил про себя: “Узнать бы, в чем причина его хмурости и того, что не проходит его недовольство!”

А затем принесли поднос для питья, собирающий вокруг себя влюбленных, и принесли процеженное вино в золотых, хрустальных и серебряных чашах, и хозяин дома ударил бамбуковой палочкой в дверь какой-то комнаты, и вдруг эта дверь отворилась, и из нее вышли три невольницы — высокогрудые девы, с лицами, подобными солнцу в четвертый час дня, и одна из них была лютнистка, другая была в цимбалы, а третья была плясунья. И затем нам принесли сухие и свежие плоды и между нами и тремя невольницами опустили парчовую занавеску с шелковыми кистями, и кольца ее были из золота. Но халиф не обращал на все это внимания, а хозяин дома не знал, кто находится у него. И халиф спросил хозяина дома: “Благородный ли ты?” И тот отвечал: “Нет, господин мой, я человек из детей купцов и зовусь среди людей Абу-ль-Хасаном-ибн-Ахмедом хорасанцем” — “Знаешь ли ты меня, о человек?” — спросил халиф. И Абу-ль-Хасан ответил: “Клянусь Аллахом, о господин мой, не было у меня знакомства ни с одним из ваших благородных достоинств” И ибн-Хамдун сказал ему: “О человек, это повелитель правоверных аль-Мутадад-биллах, внук аль-Мутаваккиля-ала-Ллаха”

И тогда этот человек поднялся, и поцеловал землю меж рук халифа, дрожа от страха, и сказал: “О повелитель правоверных, заклинаю тебя твоими пречистыми дедами, если ты увидел во мне неумение или малое вежество в твоем присутствии, прости меня” “Что касается уважения, которое ты нам оказал, то больше этого не бывает, — сказал халиф, но кое-что я здесь заподозрил, и если ты расскажешь мне об этом правду и она утвердится в моем уме, ты спасешься, если же ты не осведомишь меня об истине, я поймаю тебя с явными доказательствами и буду пытаться тебя такой пыткой,

какой не пытал никого” “Прибегаю к Аллаху от того, чтобы сказать ложное! — воскликнул Абу-ль-Хасан. — В чем твое подозрение, о повелитель правоверных?” “С тех пор как я вошел в этот дом, — ответил халиф, — я смотрю на его красоту и убранство — посуду, ковры и украшения, вплоть до твоей одежды, и на всем этом — имя моего деда аль-Мутаваккиля-ала-Ллаха” “Да, — ответил Абу-ль-Хасан. — Знай, о повелитель правоверных (да поддержит тебя Аллах!), что истина — твоя нижняя одежда, а правда — твой плащ, и никто не может говорить неправду в твоём присутствии”

И халиф велел ему сесть, и когда он сел, сказал ему: “Рассказывай!” И хозяин дома молвил: “Знай, о повелитель правоверных (да укрепит тебя Аллах своей поддержкой и да окружит тебя своими милостивыми детьми!), что не было в Багдаде никого богаче меня и моего отца... Но освободи для меня твой ум, слух и взор, чтобы я рассказал тебе о причине того, из-за чего ты меня заподозрил”

“Начинай твой рассказ”, — сказал халиф. И Абу-ль-Хасан молвил:

“Знай, о повелитель правоверных, что мой отец торговал на рынке менял, москательщиков и продавцов материи, и на каждом рынке у него была лавка, поверенный и товары всех родов, и у него была комнатка внутри лавки на рынке менял, чтобы быть в ней наедине, а лавку он предназначил для купли и продажи.

И у него было денег больше, чем можно сосчитать и превыше счисления, и не было у него ребенка, кроме меня, и он любил меня и заботился обо мне. И когда пришла к нему смерть, он позвал меня и поручил мне заботиться о моей матери и бояться Аллаха великого, а потом он умер (да помилует его Аллах великий и да сохранит он повелителя правоверных!), а я предался наслаждениям и стал есть и пить и завел себе друзей и приятелей. И моя мать удерживала меня от этого и укоряла меня, но я не слушал ее слов, пока не ушли все деньги. И я продал свои владения, и не осталось у меня ничего, кроме дома, в котором я жил. А это был красивый дом, о повелитель правоверных, и я сказал матери: “Хочу продать дом!” И она молвила: “О дитя мое, если ты его продашь, ты опозоришься и не найдешь себе места, где бы приютиться” “Дом стоит пять тысяч динаров, — сказал я. — Я куплю из денег за него дом в тысячу динаров и буду торговать на остальное” “Не продашь ли ты дом мне за это количество?” — спросила моя мать. И я сказал: “Хорошо” И она подошла к опускной двери и, открыв ее, вынула фарфоровый сосуд, в котором было пять тысяч динаров, и мне показалось, что весь дом — золотой. “О дитя мое, — сказала она, — не думай, что эти деньги — деньги твоего отца! Клянусь Аллахом, о дитя мое, они из денег моего отца, и я

их припрятала до часа нужды. Во время твоего отца я была избавлена от надобности в этих деньгах”

И я взял у нее деньги, о повелитель правоверных, и вернулся по-прежнему к еде, питью и дружбе, и эти пять тысяч динаров вышли, и я не принимал от моей матери ни слов, ни советов. И потом я сказал ей: “Хочу продать дом!” И она молвила: “О дитя мое, я удержала тебя от продажи его, так как знала, что он тебе нужен, как же ты хочешь продать его второй раз?” “Не затягивай со мной разговоров, неизбежно его продать!” — сказал я. И моя мать молвила: “Продай мне его за пятнадцать тысяч динаров, с условием, что я сама возьмусь за твои дела”

И я продал ей дом за эту цену, с условием, что она сама возьмется за мои дела, и она позвала поверенных моего отца и дала каждому из них тысячу динаров, а остальные деньги оставила у себя и сделки приказала заключать с нею. И часть денег она дала мне, чтобы я на них торговал, и сказала: “Сиди в лавке твоего отца” И я сделал так, как сказала мне мать, о повелитель правоверных, и пошел в комнату, что была на рынке менял, и мои друзья приходили ко мне и покупали у меня, а я продавал им, и моя прибыль была хороша, и мои деньги умножились. И когда моя мать увидела меня в таких прекрасных обстоятельствах, она показала мне то, что у нее было припрятано из драгоценных камней, металлов, жемчуга и золота. И вернулись ко мне мои владения, которые пропали из-за мотовства, и стало у меня много денег, как и раньше. И я провел таким образом некоторое время, и пришли ко мне поверенные моего отца, и я дал им товаров и потом выстроил себе вторую комнатку внутри лавки.

И когда я однажды сидел в ней, по обычаю, о повелитель правоверных, вдруг подошла ко мне девушка, лучше которой не видели глаза, и спросила: “Это ли комната Абу-ль-Хасана-али-ибн-Ахмеда хорасанца?” И я ответил: “Это я” И мой разум был ошеломлен ее крайней прелестью, о повелитель правоверных. И девушка села и сказала мне: “Скажи мальчику — пусть он отвесит мне триста динаров” И я приказал отвесить ей это количество, и мальчик отвесил деньги, и девушка взяла их и ушла, а мой разум был смущен. И мальчик спросил меня: “Знаешь ли ты ее?” И я ответил: “Нет, клянусь Аллахом!” И тогда он спросил: “Почему же ты сказал мне: “Отвесь ей!”” “Клянусь Аллахом, — сказал я, — я не знал, что говорю, так как меня ослепила ее красота и прелесть”

И мальчик поднялся и последовал за девушкой, без моего ведома, но потом вернулся, плача, и на его лице был след удара. “Что с тобой?” — спросил я: И он сказал мне: “Я последовал за девушкой, чтобы посмотреть, куда она пойдет, и она почуяла меня, и вернулась, и ударила меня этим ударом, так что едва не погубила и не выбила мне глаз”.

И я провел месяц, не видя девушки, и она не пришла, и я потерял от любви к ней разум, о повелитель правоверных, а когда наступил конец месяца, она вдруг пришла и поздоровалась со мной, и я едва не улетел от радости. И она спросила, что со мной было, и сказала:

“Может быть, ты говорил в душе: “Что делает эта хитрая? Как это она взяла у меня деньги и ушла?” — “Клянусь Аллахом, о госпожа, — сказал я ей, — мои деньги и душа — в твоей власти” И она открыла лицо и присела отдохнуть, и украшения и одежды переливались на ее лице и груди. “Отвесь мне триста динаров”, — сказала она потом. И я молвил: “Слушаю и повинуюсь!” И я отвесил ей динары, и она взяла их и ушла. И я сказал мальчику: “Пойди за ней следом!” И он последовал за девушкой и вернулся ко мне ошеломленный. И прошло некоторое время, и девушка не приходила, и когда я сидел в какой-то день, она вдруг пришла ко мне и поговорила со мной немного, а потом сказала: “Отвесь мне пятьсот динаров — они мне понадобились...” И я хотел ей сказать: “За что я буду тебе давать деньги?” — но крайняя страсть помешала мне говорить, и всякий раз, как я ее видел, о повелитель правоверных, у меня дрожали поджилки и желтел цвет лица, и я забывал то, что хотел сказать, и был таким, как сказал поэт:

И только красавицу увижу внезапно я,
Сейчас же смущаюсь и едва отвечаю.

И я отвесил ей пятьсот динаров, и она взяла их и ушла, и я встал и шел за ней следом сам, пока она не дошла до рынка драгоценных камней. И она остановилась возле одного человека, и взяла у него ожерелье, и, обернувшись, увидела меня и сказала: “Отвесь мне пятьсот динаров” И когда владелец ожерелья увидел меня, он поднялся и оказал мне уважение.

И я сказал ему: “Отдай ей ожерелье, и цена его будет за мной!”

И торговец сказал: “Слушаю и повинуюсь!” А девушка взяла ожерелье и ушла...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят первая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-ль-Хасан хорасанец говорил: “И я сказал: “Отдай ей ожерелье, и цена его будет за мной!” И девушка взяла ожерелье и ушла. И я следовал за ней, пока она не дошла до Тигра, и тогда она се-

ла в лодку, и я указал рукой на землю, как бы целуя ее перед ней, и она уехала, смеясь. А я остался и стоял, смотря на нее, пока она не вошла в какой-то дворец, и я всмотрелся в него и вдруг вижу, что это дворец халифа аль-Мутаваккиля!

И я вернулся, о повелитель правоверных, и опустилась мне на сердце вся забота мира, — ведь девушка взяла у меня три тысячи динаров! И я говорил про себя: “Она взяла мои деньги и похитила мой разум, и, может быть, моя душа погибнет от любви к ней” И я вернулся домой и рассказал моей матери обо всем, что со мной случилось, и она сказала: “О дитя мое, берегись попадаться ей после этого — ты погибнешь” И когда я пошел в лавку, ко мне пришел поверенный с рынка москательщиков — а это был престарелый старец — и сказал мне: “О господин, почему это, я вижу, твое состояние изменилось, и видны на тебе следы грусти? Расскажи мне о твоём деле” И я рассказал ему обо всем, что у меня случилось с девушкой, и поверенный сказал: “О дитя мое, эта девушка — из невольниц дворца повелителя правоверных, и она любимица халифа. Считай же, что деньги ушли ради Аллаха великого, и не занимай ею своей души, а когда она к тебе придет, остерегайся, чтобы она тебе не повредила, и осведоми меня об этом, а я придумаю что-нибудь, чтобы не постигла тебя гибель”

И затем он оставил меня и ушел, а в моем сердце было пламя огня. И когда пришел конец месяца, девушка вдруг явилась ко мне, и я обрадовался ей до крайней степени, и она молвила: “Что побудило тебя за мной следовать?” — “Меня побудила к этому крайняя любовь, которая в моем сердце”, сказал я и заплакал перед нею, и она тоже заплакала из жалости ко мне и воскликнула: “Клянусь Аллахом, в твоём сердце нет любви, больше которой в моем сердце! Но что же мне делать? Клянусь Аллахом, нет мне пути ни к чему, кроме как видеться с тобой один раз каждый месяц!” И затем она дала мне бумажку и сказала: “Снеси ее к такому-то, торговцу тем-то — он мой поверенный — и получи с него столько, сколько тут написано” А я воскликнул: “Нет мне нужды в деньгах, и мои деньги и душа — выкуп за тебя!” “Я придумаю для тебя дело, в котором будет твое сближение со мной, хотя бы был в этом для меня труд”, — сказала девушка. И затем она простилась со мной и ушла, а я пришел к старику москательщику и рассказал ему о том, что случилось.

И он пришел со мной к дворцу аль-Мутаваккиля, и я увидел, что это то самое помещение, в которое вошла девушка, и старик москательщик растерялся, не зная, какую устроить хитрость. И он посмотрел по сторонам и увидел портного, напротив окна дворца, выходившего на берег, и подле него были работники. “С помощью этого человека ты достигнешь того, чего хочешь, — сказал москательщик. — Распори кар-

ман, подойди к портному и скажи, чтобы он тебе его зашил, и когда он зашьет его, дай ему десять динаров” “Слушаю и повинуюсь!” — сказал я и отправился к этому портному, захватив с собой два отреза румской парчи, и сказал ему: “Скрой из этих отрезков четыре одежды — две фарджии и две нефарджии”

И когда он кончил кроить одежды и шить их, я дал ему плату, гораздо большую, чем обычно, и он протянул мне руку с этими одеждами, и я сказал: “Возьми их для себя и для тех, кто у тебя находится” И я стал сидеть у портного, затягивая пребывание с ним, и скроил у него другие одежды и сказал: “Повесь их перед твоей лавкой, чтобы кто-нибудь их увидел и купил” И портной сделал это, и всякому, кто выходил из дворца халифа и кому нравились какие-нибудь одежды, я дарил их, даже привратнику.

И в один день из дней портной сказал мне: “Я хочу, о дитя мое, чтобы ты рассказал мне правду. Ты скроил у меня сто драгоценных одежд (а каждая одежда стоила больших денег) и подарил большую часть их людям, а это не дело купца, так как купец рассчитывает каждый дирхем. Каков же размер твоих основных денег, раз ты делаешь такие подарки, и какова твоя нажива каждый год? Расскажи мне истину, чтобы я помог тебе в том, что ты хочешь, заклиная тебя Аллахом, — сказал он потом, — не влюблен ли ты?” “Да”, — ответил я. И он спросил: “В кого?” И я сказал: “В невольницу из невольниц дворца халифа” “Да обезобразит их Аллах! — воскликнул портной. — Сколько они еще будут соблазнять людей!” И затем он спросил: “Знаешь ли ты ее имя?” И когда я ответил: “Нет”, — портной сказал: “Опиши ее мне” И я описал ему ту девушку, и он воскликнул: “О горе, это лютнистка халифа аль-Мутаваккиля и его любимица! Но у нее есть невольник. Сведи с ним дружбу, и, может быть, он будет причиной того, что ты достигнешь девушки”

И когда мы разговаривали, вдруг этот невольник подошел, выйдя из ворот халифа, и он был подобен луне в четырнадцатую ночь. А передо мной лежали одежды, которые сшил для меня портной (они были парчовые, разных цветов), и невольник стал смотреть на них и разглядывать их, а затем он подошел ко мне, и я поднялся и приветствовал его, и он спросил: “Кто ты?” — “Человек из купцов”, — ответил я. И невольник спросил: “Продаешь ли ты эти одежды?” “Да”, — ответил я. И он взял пять из них и спросил: “Почем эти пять?” “Это подарок тебе от меня, чтобы заключить дружбу между мной и тобой”, — ответил я, и невольник обрадовался. А затем я пошел домой и взял для него платье, украшенное драгоценными камнями и яхонтами, ценой в три тысячи динаров, и отнес его к нему, и он принял от меня платье, и потом взял меня и привел в комнату внутри

дворца, и спросил: “Как ты зовешься среди купцов?” “Я один из них”, — ответил я. И невольник молвил: “Твое дело внушило мне сомнение” “Почему?” — спросил я. И он сказал: “Ты подарил мне много вещей и покорил этим мое сердце, и я уверен, что ты Абу-ль-Хасан хорасанец, меняла”

И я заплакал, о повелитель правоверных, и невольник спросил: “О чем ты плачешь? Клянусь Аллахом, та, из-за которой ты плачешь, больше и сильнее влюблена в тебя, чем ты влюблен в нее, и среди всех невольниц во дворце стало известно ее дело с тобой. Что же ты хочешь?” — спросил он меня потом. И я сказал: “Я хочу, чтобы ты помог мне в моей беде”, — и невольник условился со мной на завтра. И я отправился домой, а на следующее утро я пошел к невольнику и вошел в его комнату, и невольник пришел и сказал: “Знай, что, когда она вчера кончила службу у халифа и пришла в свою комнату, я рассказал ей всю твою историю, и она решила с тобой сблизиться. Посиди у меня до конца дня”

И я остался сидеть у невольника, и когда наступила ночь, он вдруг пришел и принес рубашку, сотканную из золота, и платье из платьев халифа и надел их на меня, и окурил меня благовониями, и я стал похож на халифа. А затем он привел меня в помещение, где были комнаты в два ряда, по обе стороны, и сказал: “Это собственные комнаты невольниц, и когда ты будешь проходить мимо них, клади у каждой двери один боб — у халифа обычай делать так каждый вечер...”»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят вторая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольник говорил Абу-ль-Хасану: “И когда ты будешь проходить мимо них, клади у каждой двери один боб — у халифа обычай делать это, — пока не дойдешь до второго прохода, что будет от тебя с правой руки. Ты увидишь там комнату, дверь которой с мраморным порогом, и когда ты дойдешь до нее, пощупай порог рукой, а если хочешь — считай двери, их будет столько-то, и войди в дверь, у которой такие-то и такие-то приметы, — твоя подруга увидит тебя и возьмет к себе. А что касается твоего выхода, то Аллах облегчит его для меня, хотя бы мне пришлось вынести тебя в сундуке” И затем он оставил меня и вернулся, а я пошел, считая двери, и клал у каждой двери боб, и когда я дошел до средних комнат, я услышал великий шум и увидел блеск свечей, и этот свет двигался в мою сторону, пока не приблизился ко мне. И я посмотрел, что это, и вдруг вижу — халиф, и вокруг него не-

вольницы, а у невольниц свечи. И я услышал, как одна из них говорила своей подруге: “О сестрица, разве у нас два халифа? Ведь халиф уже проходил мимо моей комнаты, и я почувствовала запах его духов и благовоний, и он положил боб у моей комнаты, по обычаю, а сейчас я вижу свет свечей халифа, и вон он сам идет” “Поистине, это удивительное дело, — сказала другая невольница, — так как перебраться в одежду халифа не осмелится никто”

И потом свет приблизился ко мне, и у меня задрожали все члены, и вдруг евнух закричал невольницам: “Сюда!” И они свернули к одной из комнат и вошли, а потом вышли и шли до тех пор, пока не дошли до комнаты моей подруги. И я услышал, как халиф спросил: “Эта комната чья?” И ему сказали: “Эта комната Шеджерет-ад-Дурр”

И халиф молвил: “Позовите ее!” И девушку позвали, и она вышла и поцеловала ноги халифа, и тот спросил ее: “Будешь ты пить сегодня вечером?” “Не будь это ради твоего присутствия и взгляда на твое лицо, я бы не стала пить, потому что не склонна пить сегодня вечером”, — ответила девушка. И халиф сказал евнуху: “Скажи казначею, чтобы он дал ей такое-то ожерелье”

И затем он велел всем входить в ее комнату, и перед ним внесли свечи, и халиф вошел в комнату моей подруги, и вдруг я увидел, впереди других, невольницу, сияние лица которой затмевало свет свечи, бывшей у нее в руке. И она подошла ко мне и сказала: “Кто это?” И схватила меня, и увела в одну из комнат, и спросила: “Кто ты?” И я поцеловал перед ней землю и сказал: “Заклинаю тебя Аллахом, о госпожа, сохрани мою кровь от пролития, пожалей меня и приблизься к Аллаху спасением моей души!” И я заплакал, боясь смерти, и невольница сказала: “Нет сомненья, что ты вор!” И я воскликнул: “Нет, клянусь Аллахом, я не вор. Разве ты видишь на мне признаки воров?” — “Расскажи мне правду, — сказала она, — и я оставлю тебя в безопасности” — “Я влюбленный, глупый дурак, — сказал я. — Любовь и моя глупость побудили меня к тому, что ты видишь, и я попал в эту западню” — “Стой здесь, пока я не приду к тебе”, — сказала она и, выйдя, принесла мне одежду невольницы из своих невольниц, и надела на меня эту одежду в той же комнате, и сказала: “Выходи за мной!”

И я вышел за ней и дошел до ее комнаты, и она сказала: “Входи сюда”

И когда я вошел в комнату, она подвела меня к ложу, где были великолепные ковры, и сказала: “Садись, с тобой не будет беды. Ты не Абу-ль-Хасан хорасанец, меняла?” — “Да”, — сказал я. И девушка воскликнула: “Аллах да сохранит твою кровь от пролития, если ты говоришь правду и не вор! А ина-

че ты погибнешь, тем более что ты в облике халифа и в его одежде и пропитан его благовониями. Если же ты Абу-ль-Хасан-али хорасанец, меняла, то ты в безопасности и с тобой не будет беды, так как ты друг Шеджерет-ад-Дурр, а она — моя сестра. Она никогда не перестает говорить о тебе и рассказывать нам, как она взяла у тебя деньги, а ты к ней не переменялся, и как ты пришел следом за нею на берег и указал рукой на землю из уважения к ней, и в ее сердце из-за тебя огонь больше, чем в твоём сердце из-за нее. Но как ты пробрался сюда, — по приказанию ее или без ее приказания, подвергая опасности свою душу, и чего ты хочешь от встречи с нею?” “Клянусь Аллахом, госпожа, — сказал я, — я сам подверг свою душу опасности, а моя цель при встрече с нею — только смотреть на нее и слышать ее речь” — “Ты отлично сказал”, — воскликнула невольница. И я молвил: “О госпожа, Аллах свидетель в том, что я говорю. Моя душа не подсказала мне о ней ничего греховного” “За такое намерение пусть спасет тебя Аллах! Жалость к тебе запала в мое сердце!” — воскликнула невольница. И затем она сказала своей рабыне: “О такая-то, пойди к Шеджерет-ад-Дурр и скажи ей: Твоя сестра желает тебе мира и зовет тебя. Пожалуй же к ней сегодня ночью, как обычно, — у нее стеснена грудь”

И невольница пошла, и вернулась, и сказала: “Она говорит: “Да позволит Аллах насладиться твоей долгой жизнью и да сделает меня твоим выкупом! Клянусь Аллахом, если бы ты позвала меня не для этого, я бы не задержалась, но у халифа головная боль и это меня удерживает, — а ты ведь знаешь, каково мое место у него” И девушка сказала невольнице: “Возвращайся к ней и скажи: “Ты обязательно должна прийти к ней сегодня из-за тайны, которая есть между вами” И невольница пошла и через некоторое время пришла с девушкой, лицо которой сияло, как луна. И ее сестра встретила ее, и обняла, и сказала: “О Абу-ль-Хасан, выходи к ней и поцелуй ей руки!” А я был в чуланчике, внутри комнаты, и вышел к ней, о повелитель правоверных, и, увидев меня, она бросилась ко мне, и прижала меня к груди, и сказала: “Как ты оказался в одежде халифа с его украшениями и благовониями?”

И затем она молвила: “Расскажи мне, что с тобой случилось” И я рассказал ей, что со мной случилось и что мне пришлось вынести, — и страх, и другое, и девушка молвила: “Тяжело для меня то, что ты из-за меня перенес, и хвала Аллаху, который сделал исходом всего этого благополучие, и в завершение благополучия ты вошел в мое жилище и в жилище моей сестры” И потом она увела меня в свою комнату и сказала сестре: “Я обещала ему, что не буду с ним сближаться запретно, и так же, как он подверг свою душу опасности

и прошел через все эти ужасы, я буду ему землю, чтобы он попирал меня ногами, и прахом для его сандалий...”»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят третья ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала своей сестре: “Я обещала ему, что не буду сближаться с ним запретно, и так же, как он подверг свою душу опасности и прошел через все эти ужасы, я буду ему землю, чтобы он попирал меня ногами, и прахом для его сандалий” И ее сестра сказала ей: “Ради этого намерения да спасет его великий Аллах” И Шеджерет-ад-Дурр молвила: “Ты увидишь, что я сделаю, чтобы соединиться с ним законно. Я обязательно пожертвую своей душой, чтобы ухитриться для этого”

И когда мы разговаривали, вдруг раздался великий шум, и мы обернулись и увидели, что пришел халиф и направляется к ее комнате, — так сильно он ее любил. И девушка взяла меня, о повелитель правоверных, и посадила в погреб, и закрыла его надо мной, а потом она вышла навстречу халифу и встретила его. И когда халиф сел, она встала перед ним и начала ему прислуживать и велела принести вино. А халиф любил невольницу по имени Банджа (а это мать аль-Мутацца биллаха), и эта невольница порвала с ним, и он порвал с ней, и она гордая своей прелестью и красотой, не мирилась с ним, а аль-Мутаваккиль, гордый властью халифа и царя, не мирился с нею и не сломил себя перед нею, хотя в его сердце горело из-за нее огненное пламя, и старался отвлечься от нее подобными ей из невольниц, и заходил в их комнаты. А он любил пение Шеджерет-ад-Дурр и велел ей петь, и девушка взяла лютню и, натянув струны, пропела такие стихи:

Дивлюсь, как старался рок нас прежде поссорить с ней, —
Когда же все кончилось меж нами, — спокоен рок,
Я бросил тебя — сказали: “Страсти не знает он!”
Тебя посетил — сказали: “Нету в нем стойкости!”
Любовь к ней, усиль же с каждой ночью ты страсть мою.
Забвение дня — с тобою встречусь в день сбора я.
Ведь кожа ее — как шелк, а речи из уст ее
Так мягки — не вздор они и не назидание,
И очи ее — сказал Аллах: “Пусть будут!” И созданы
Они, и с сердцами то, что вина, творят они.

И, услышав ее, халиф пришел в великий восторг, и я тоже возликовал в погребе, о повелитель правоверных, и если

бы не милость Аллаха великого, я бы вскрикнул, и мы бы опозорились.

И затем девушка произнесла еще такие стихи:

Его обнимаю я, и все же душа по нем
Тоскует, а есть ли что, что ближе объятий?
Целую его уста я, чтобы прошел мой жар,
Но только сильнее от любви я страдаю.
И, кажется, сердца боль тогда исцелится лишь,
Когда ты увидишь, что слились наши души.

И халиф пришел в восторг и воскликнул: “Пожелай от меня, о Шеджерет-ад-Дурр” И девушка сказала: “Я желаю от тебя освобождения, о повелитель правоверных, так как за него будет небесная награда” “Ты свободна, ради великого Аллаха”, — сказал халиф. И девушка поцеловала землю меж его рук, и халиф молвил: “Возьми лютню и скажи нам что-нибудь о моей невольнице, любовь к которой привязалась ко мне. Все люди ищут моей милости, а я ищу ее милости”

И девушка взяла лютню и произнесла такие два стиха:

Владычица красоты, что всю мою набожность
Взяла, — как бы ни было, я должен владеть тобой.
Возьму ли покорностью тебя — это путь любви!
Иль, может, величием моим — это власти путь!

И халиф пришел в восторг и сказал: “Возьми лютню и спой стихи, в которых будет рассказ о моем деле с тремя невольницами, которые овладели моей уздой и лишили меня сна, — это ты, и та невольница, что со мной рассталась, и другая — ее не назову, — которой нет подобной”

И девушка взяла лютню и, начав петь, произнесла такие стихи:

Три красавицы овладели ныне уздой моей
И в душе моей место лучшее захватили.
Хоть послушен я никому не буду во всей земле,
Их я слушаюсь, а они всегда непокорны.
И значит это только то, что власть любви
(А в ней их сила) — моей превыше власти.

И халиф до крайности удивился соответствию этих стихов с его обстоятельствами, и восторг склонил его к примирению с невольницей, порвавшей с ним. И он вышел и направился к ее комнате, и одна из невольниц опередила его и осведомила ту девушку о приходе халифа, и она вышла к нему навстречу и поцеловала землю меж его рук, а затем поцеловала его ноги, и халиф помирился с ней, и она помирилась с ним, и вот каково было их дело.

Что же касается Шеджерет-ад-Дурр, то она пришла ко

мне, радостная, и сказала: “Я стала свободной из-за твоего благословенного прихода, и, может быть, Аллах мне поможет, и я что-нибудь придумаю, чтобы соединиться с тобой законно” И я воскликнул: “Хвала Аллаху!” И когда мы разговаривали, вдруг вошел к нам ее евнух, и мы рассказали ему, что с нами случилось, и он воскликнул: “Хвала Аллаху, который сделал исход этого благим! Просим Аллаха, чтобы он завершил это дело твоим благополучным выходом!”

И мы так разговаривали, и вдруг пришла та девушка, ее сестра (а имя ее было Фатир), и Шеджерет-ад-Дурр сказала ей: “О сестрица, как нам сделать, чтобы вывести его из дворца целым? Аллах великий послал мне освобождение, и я стала свободной по благодати его прихода” — “Нет у меня хитрости, чтобы его вывести, иначе как одеть его в женскую одежду”, — сказала Фатир. И затем она принесла платье из платьев женщин и надела его на меня, и я вышел, о повелитель правоверных, в ту же минуту. И когда я дошел до середины дворца, я вдруг увидел, что повелитель правоверных сидит и евнухи стоят перед ним. И халиф посмотрел на меня, и заподозрил меня сильнейшим подозрением, и сказал своим слугам: “Скорей приведите мне эту уходящую невольницу!” И меня привели и подняли мне покрывало, и, увидев меня, халиф меня узнал и стал меня расспрашивать, и я рассказал ему все дело, не скрыв от него ничего. И, услышав мой рассказ, халиф подумал о моем деле и затем в тот же час и минуту поднялся, вошел в комнату Шеджерет-ад-Дурр и сказал: “Как это ты избираешь вместо меня какого-то сына купца?” И она поцеловала перед ним землю и рассказала ему, по правде, всю историю, с начала до конца. И халиф, услышав ее слова, пожалел ее, и его сердце смягчилось к ней, и он простил ее из-за любви и ее обстоятельств и ушел. И евнух девушки вошел к ней и сказал: “Успокойся душою! Когда твой друг предстал меж рук халифа, тот спросил его, и он рассказал ему то же, что рассказала ты, буква в букву” И халиф, придя обратно, призвал меня к себе и спросил: “Что побудило тебя посягнуть на дом халифата?” И я сказал ему: “О повелитель правоверных, меня побудила к этому моя глупость и любовь и надежда на твое прощение и великодушие”

И потом я заплакал и поцеловал перед халифом землю, и он сказал: “Я простил вас обоих” И затем он велел мне сесть, и я сел, а халиф призвал судью Ахмеда-ибн-Абу-Дауда и женил меня на этой девушке и велел перенести все, что у нее было, ко мне, и девушку ввели ко мне в ее комнате. А через три дня я вышел и перенес все эти вещи ко мне в дом, и все, что ты видишь у меня в доме, о повелитель правоверных, и что кажется тебе подозрительным — все это из ее приданого”

И в один из дней моя жена сказала: “Знай, что аль-Мутаваккиль — человек великодушный, но я боюсь, что он о нас

вспомнит или что-нибудь упомянет при нем о нас кто-нибудь из завистников, и хочу сделать что-то, в чем будет спасение от этого” “А что это?” — спросил я. И она сказала: “Я хочу попросить у него позволения совершить паломничество и отказаться от пения” “Прекрасный план ты указываешь!” — воскликнул я. И когда мы разговаривали, вдруг пришел ко мне посол от халифа, требуя Шеджерет-ад-Дурр, так как халиф любил ее пение. И моя жена пошла и служила ему, и халиф сказал ей: “Не покидай нас” И она молвила: “Слушаю и повинуюсь!”

И случилось, что она ушла к нему в какой-то день (а он прислал за ней по обычаю), но не успел я опомниться, как она уже пришла от него в разорванной одежде и с плачущими глазами, и я испугался и воскликнул: “Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!” — и подумал, что халиф велел нас схватить. “Разве аль-Мутаваккиль на нас разгневался?” — спросил я. И моя жена сказала: “А где аль-Мутаваккиль? Власть аль-Мутаваккиля кончилась, и образ его стерт” “Расскажи мне истину об этом деле”, сказал я, и моя жена молвила: “Он сидел за занавеской и пил, и с ним был аль-Фатх-ибн-Хакан и Саадака-ибн-Садака, и бросился на него его сын аль-Мунтасир с толпой турок и убил его, и сменилась радость злом, и прекрасное счастье стопами и воплями. И я убежала вместе с невольницей, и Аллах спас нас”

И я тотчас же вышел, о повелитель правоверных, и спустился в Басру, и пришла ко мне после этого весть, что началась война между аль-Мунтасиром и аль-Мустаином, его противником, и я испугался и перевез мою жену и все мое имущество в Басру. Вот мой рассказ, о повелитель правоверных, и я не прибавил к нему ни буквы и не убавил ни буквы, и все, что ты видишь в моем доме, о повелитель правоверных, и на чем стоит имя твоего деда аль-Мутаваккиля — от милостей его к нам, так как основа нашего благоденствия — от твоих благороднейших предков, и вы — люди милости и рудник щедрости».

И халиф обрадовался этому сильной радостью и удивился рассказу Абу-ль-Хасана.

«А затем, — говорил Абу-ль-Хасан, — я вывел к халифу ту женщину и моих детей от нее, и они поцеловали землю меж его рук, и он удивился их красоте. Он велел подать чернильницу и написал, что снимает харадж с наших владений на двадцать лет».

И халиф обрадовался, и он взял Абу-ль-Хасана к себе в сотрапезники, и наконец разлучил их рок, и они поселились в могилах после дворцов. Хвала же владыке всепрощающему!

Перевод М. А. Салье

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арсеньева Е.* Гарем Ивана Грозного. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
- Библийская энциклопедия. Репринтное издание. М.: NB-Press; Центурион; АПС, 1990.
- Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. М.: Наука, 1985.
- Готье Т.* Путешествие на Восток / Пер. с фр. И. Кузнецовой, М. Зониной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
- Гулик Роберт ван.* Искусство секса в Древнем Китае / Пер. с англ. Н. Г. Касьяновой. М.: Центрполиграф, 2003.
- Данте А.* Божественная комедия / Пер. с ит. М. Лозинского. Минск: Мастацкая літаратура, 1987.
- Дорис Дж.* Султанский гарем / Пер. с фр. А. Кудрявцева // Эхо Кавказа. 1993. № 3.
- Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850; М.: МНТПО «Адир», 1991 (репринт. изд.).
- Индийский «Декамерон». Семьдесят рассказов попугая / Пер. с санскр. М. Ширяева; *Дандин.* Приключения десяти принцев / Пер. с санскр. Ф. Щербатского. М.: Наука; Изд-во Восточной литературы, 1993.
- Казиев Ш.* Имам Шамиль. М.: Мол. гвардия, 2001. (Серия «ЖЗЛ»)
- Камасутра. Древнеиндийский трактат о любви. Екатеринбург: Литур, 2002.
- Карамзин Н. М.* Предания веков. М.: Правда, 1987
- Коран / Пер. И. Крачковского. М.: Маджесс, 1990.
- Коран / Пер. смыслов и коммент. В. Пороховой. Дамаск; М.: Просвет. центр Аль Фуркан, 1991.
- Крутые А.* Гарем. Царство под чадрой / Пер. с англ. В. Симакова. М.: Крон-Пресс, 2000.
- Ланьков А.* Король и его женщины... // Сеульский вестник. (<http://vestnik.tripod.com/articles>).
- Лесков Н. С.* Повести и рассказы. М.: Моск. рабочий, 1954.
- Ло Гуаньчжун.* Троецарствие / Пер. с кит. В. Панасюка. М.: Художественная литература, 1984.
- Мани Т.* Иосиф и его братья / Пер. с нем. С. Алта. М.: Правда, 1987.
- Мемуары Казановы / Пер. с фр. Е. Храмова. М.: Советский писатель; Олимп, 1991.
- Нерваль Ж. де.* Путешествие на Восток / Сокр. пер. с фр. М. Таймановой. М.: Наука, 1986.
- Овидий.* Наука любви. М.: Эксмо-Пресс, 1999.
- Ордубади М.* Тавриз туманный: В 2 т. Баку, 1966.
- Осман-бей.* Турците и техните жени. Сутаныт и неговият харем... / Пер. с рус. Е. Солнцева-Накова. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1992. (На болг. яз.)
- Палеолог М.* Распутин. Воспоминания / Пер. с фр. Ф. Ге. М.: СП «Интеркиноцентр», 1990. (Репринт. изд.)
- Пушкин А. С.* Поэмы. М., 1989.
- Расин Ж.* Сочинения: В 2 т. / Пер. с фр., ред. пер. Ю. Корнеев. М.: Искусство, 1984.
- Руновский А.* Записки о Шамиле. М.: Внешторгиздат, 1989.

Русва М. Танцовщица / Пер. с урду под ред. М. Клягиной-Кондратьевой. М.: Гослитиздат, 1960.

Саловьев Л. В. Повесть о Ходже Насреддине. Л.: Лениздат, 1980.

Саловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М.: Мысль, 1980.

Сон в Нефритовом павильоне / Пер. с кор. Г. Рачкова; пер. под ред. Э. Шустера. М.: Художественная литература, 1982.

Транквилл Гай Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1964.

Тридцать лет в турецких гаремах: Автобиография жены великого визиря Кипризли-Мегемет-паши Мелек-ханум / Пер. с англ. СПб., 1874.

Турки и их женщины, султан и его гарем: Сочинение майора Осман-бея. СПб.: Изд-во А. Ф. Базунова, 1874.

Тысяча и одна ночь: Избр. сказки. М.: Художественная литература, 1987

Тысяча и одна ночь: В 8 т. / Пер. с араб. М. Салье. М.: Гослитиздат, 1958—1959.

Фельдмаршал Кутузов: Документы, дневники, воспоминания. М., 1995.

Фрэзер Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М. Рыклина. М.: Изд-во Восточной литературы, 1983.

Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй / Пер. с кит. В. Манухина; пер. под ред. С. Хохловой; коммент. Б. Рифтина. М.: Художественная литература, 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гаремы мира</i>	6
ОТ ЦАРЯ СОЛОМОНА ДО НАШИХ ДНЕЙ	7
Древний мир	7
Европа	11
Индия	16
Китай	17
Корея	18
Русь	19
МНОГОЖЕНСТВО	24
«ДОМ СЧАСТЬЯ»	32
Посетители	36
УСТРОЙСТВО ГАРЕМА	43
Убранства	46
Сады наслаждений	49
ГАРЕМНАЯ ИЕРАРХИЯ	52
Валиде-султан (мать-султанша)	54
Хазнедар-уста	55
Жены султана (кадин-эфенди)	56
Кадины	56
Икбал	57
Кальфы	61
Простые рабыни	62
Мужская прислуга	63
Последняя наложница бухарского эмира	64
ЕВНУХИ	69
Хранители сераля	69
Типы евнухов	77
КОЛЛЕКЦИИ ЖИВЫХ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ	80
Охота на красавиц	80
Чудесные подношения	82
Рынки рабынь	85
Посредники и перекупщики	91
Оформление сделок	93
Реформы работоторговли	94
В ОЖИДАНИИ МИЛОСТИ ПОВЕЛИТЕЛЯ	95
Академия любви	96
Движения и жесты	98
Речь	99
Одеяния	99
Украшения	107
Косметика	107
Ароматы и благовония	108
Бани	110
Экзамены	112
Очередность посещения жен	113

ГАРЕМНАЯ МАГИЯ	116
Секреты обольщения	116
Гадания	122
Астрологи	123
ЖЕНИТЬБЫ	125
Роксолана	126
Виды браков	127
Свахи	128
Сватовство	129
Посылка приданого	130
Трон невесты	131
Шествие невесты к жениху	132
Свадьба	132
Разводы	134
Отставки	136
ДЕТИ В ГАРЕМАХ	141
Законные дети незаконных жен	141
Гаремные войны за престолонаследие	143
Школа принцев	147
Ограничение рождаемости	148
ТАЙНЫ СЕРАЛЯ	149
Влияние жен на государственные дела	149
Кутузов в Стамбуле	152
Султан — профессия опасная	154
Шпионаж, или Особые подарки Его Величества	155
Пытки и казни	157
Яды и отравления	162
РАЗВЛЕЧЕНИЯ	165
Гаремные забавы	166
Музыка	168
Танцы	170
Танец живота	171
Карлики	174
Театр	176
Карагёз	177
Прогулки	181
Приемы в гаремах	183
Праздники	186
ДАМСКИЕ ШАЛОСТИ	188
Интриги	188
Ревность и соперничество	190
Избавление от соперниц	193
Тайные связи	195
Флирты на прогулках	200
Пороки	201
Наказания	203
Побеги	205
ГАРЕМНАЯ КУЛИНАРИЯ	208
Повара и кухни	209

Трапезы	210
Яства	215
Десерты	215
Напитки	216
Любовные снадобья	217
Кальяны	222
УПАДОК ТРАДИЦИЙ	224
Закрытие сералей	224
Гаремы сегодня	228
Приложение	229
Библиография	262

Казиев Ш. М.

К 14 Повседневная жизнь восточного гарема. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 266[6] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02853-8

Эта книга посвящена одному из самых загадочных явлений человеческой истории, которое всегда вызывало особый интерес. Ее автор воссоздает экзотический мир гаремов, устройство и иерархию этих «академий любви», раскрывает удивительные тайны, интриги, гаремные войны, секреты обольщения, утонченную кулинарию, рассказывает о том, как составлялись коллекции живых драгоценностей.

Читатель узнает о гаремной магии, развлечениях и пороках одалисок, о том, что на самом деле представляли собой евнухи, а также множество других интересных фактов из жизни сералей, вход в которые был запрещен всем, кроме их владык.

По богатству и разнообразию материалов книга представляет собой своеобразную энциклопедию восточного гарема.

**УДК 908(5)
ББК 63.52**

Казиев Шапи Магомедович

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВОСТОЧНОГО ГАРЕМА

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **И. И. Никифорова**

Художественный редактор **А. В. Никитин**

Технический редактор **Н. И. Михайлова**

Корректоры **Л. М. Марченко, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 12.07.2005. Подписано в печать 02.11.2005. Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 14,28+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 63122.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://ml.gvardiya>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21

ISBN 5-235-02853-8

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Труайя
«БОДЛЕР»

Д. Быков
«БОРИС ПАСТЕРНАК»

О. Елисеева
«ГРИГОРИЙ ПОТЕМКИН»

В. Ганичев
«АДМИРАЛ УШАКОВ»

В. Конов
«ЕПИСТИНЬЯ СТЕПАНОВА»

С. Пинаев
«ВОЛОШИН»

Р. Сафрански
«ГОФМАН»

Л. Анисов
«ТРЕТЬЯКОВ»

Н. Павленко
«ЕКАТЕРИНА I»

Телефоны для оптовых покупателей:
787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

С. Бойко
«ШАРЛЬ ПЕРРО»

А. Архангельский
«АЛЕКСАНДР I»

Е. Морозова
«КАЗАНОВА»

Н. Сергованцев
«МАМИН-СИБИРЯК»

С. Федякин
«СКРЯБИН»

М. Лобанов
«АКСАКОВ»

В. Дайнес
«ЖУКОВ»

Т. Дашкевич
«ФАТЬЯНОВ»

Н. Ашукин, Р. Щербаков
«БРЮСОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутинной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Шевченко

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕМЛЯ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТАХ»**

А. Шураки

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ»**

Р. Мантран

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО»**

Л. Адлер

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ. XIX—XX ВЕКА»**

М. Аникович

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОХОТНИКОВ НА МАМОНТОВ»**

Е. Лаврентьева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ»**

Телефоны для оптовых покупателей:

787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

Ж.-Н. Робер

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГО РИМА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАСЛАЖДЕНИЙ»**

И. Дегтярева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО СПЕЦНАЗА»**

Ш. Казиев

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОСТОЧНЫХ ГАРЕМОВ»**

С. Ютен

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЛХИМИКОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЫ
ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Э. Бартон

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИЧАН
В ЭПОХУ ЕЛИЗАВЕТЫ I»**

Телефоны для оптовых покупателей:

787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы по адресу:
СУЩЕВСКАЯ УЛ., Д. 21*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

787-62-92 ☼ 978-21-59

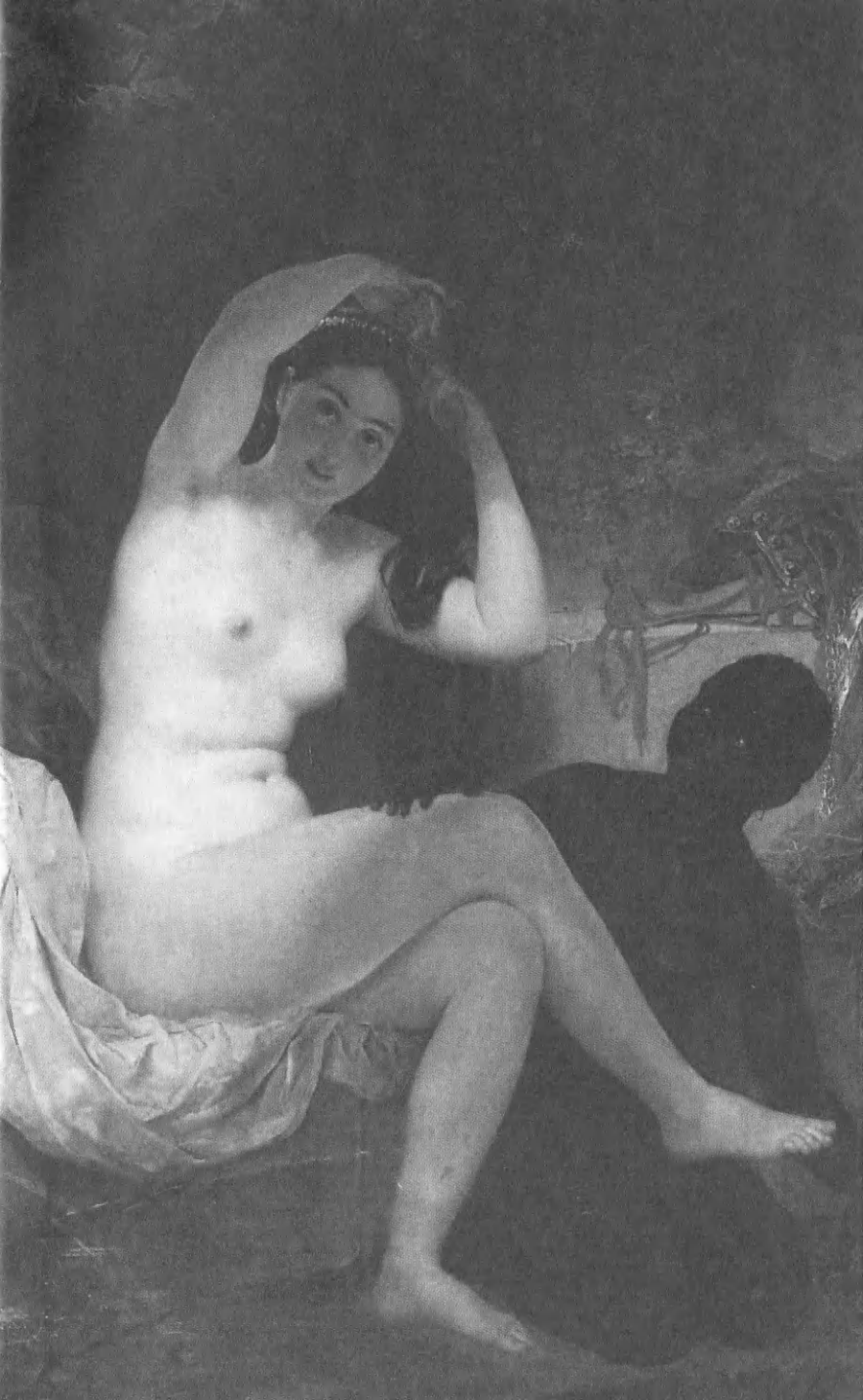
787-64-78 ☼ 787-63-81

787-63-97 ☼ 978-01-22

972-00-49

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

787-65-39 ☼ 787-63-64

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Ж.-Н. Робер

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГО РИМА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАСЛАЖДЕНИЙ

С. Охлябинин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ
ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ

Р. Мантран

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА
ВЕЛИКОЛЕПНОГО

Ж. Флори

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РЫЦАРЕЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА

А. Вульфов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

ISBN 5-235-02853-8

9 785235 028531 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ